

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

УДК: 341+341.4+32таджик+327+342(575.3)

ББК: 67.412+67.99(2таджик)+66.4+66.5(2таджик)

О – 42

ОДИНАЗОДА НУРИНИССО ХОТАМШО

**ПРИНЦИП УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ И ЕГО РАЗВИТИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОНВЕНЦИЯМИ И УСТАВАМИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата юридических наук по специальности:

12.00.10 – Международное право; Европейское право

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

доктор юридических наук, профессор

Раджабов С.А.

ДУШАНБЕ – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	4-19
ГЛАВА I. УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЮРИСДИКЦИИ ГОСУДАРСТВ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВАНИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ, ФОРМЫ И СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ.....	20-37
1.1. Понятие, основание и классификация юрисдикции государств.....	20-30
1.2. Универсальная юрисдикция и подходы к ее определению.....	30-37
ГЛАВА II. ИСТОКИ ПРИНЦИПА УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ И РОЛЬ СУДЕБНЫХ ПРЕЦЕДЕНТОВ В ЕЕ ДАЛЬНЕЙШЕМ РАЗВИТИИ.....	38-80
2.1. Истоки появления принципа универсальной юрисдикции.....	38-46
2.2. Роль судебных прецедентов в развитии принципа универсальной юрисдикции.....	46-63
2.3. Факторы, влияющие на дальнейшее развитие принципа универсальной юрисдикции.....	63-80
ГЛАВА III. ПРАВОВОЙ СТАТУС УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОНВЕНЦИЯМИ И УСТАВАМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ.....	81-144
3.1. Правовой статус универсальной юрисдикции, предусмотренный конвенциями в борьбе с международными преступлениями.....	81-100
3.2. Правовой режим универсальной юрисдикции, предусмотренный уставами международных судебных учреждений ad hoc и Статутом Международного уголовного суда.....	100-144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	145-151
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	152-153
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (ИСТОЧНИКОВ).....	154-170
ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ.....	171-172

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.

ВАООНВТ – Временная администрация Организации Объединённых Наций в Восточном Тиморе

ГА ООН – Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций

ИКАО – Международной организации гражданской авиации

КМП – Комиссия международного права

МГП – Международное гуманитарное право

МУС – Международный уголовный суд

МУТЮ – Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии

МУТР – Международный уголовный трибунал по Руанде

НАТО – Организация Североатлантического договора

НПО – Научно-производственное объединение

ППМС – Постоянная палата международного суда

РТ – Республика Таджикистан

СНБ – Совет национальной безопасности

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

США – Соединённые Штаты Америки

УК РТ – Уголовный кодекс Республики Таджикистан

ФРГ – Федеративная Республика Германия

ЧАЖПРП – Чадская ассоциация жертв политических репрессий и преступлений

др. – другие

г. – год

ст. – статья

ч. – часть

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Международные отношения как объект правового регулирования всегда занимали центральное место в науке права, в целом, и международного права, в частности. Отношения, которые признаются предметом международно-правового регулирования, носят межгосударственный характер, так как субъектом и главным участником этих отношений всегда выступают государства. В целом, суть правового регулирования международных отношений со стороны норм международного права заключается в осуществлении сотрудничества между государствами в различных видах и формах. Так, одним из таких форм сотрудничества выступает сотрудничество государств в борьбе с международной преступностью.

Международная преступность и борьба с ней как предмет сотрудничества государств на международном уровне, в отличие от внутригосударственной, заключается в том, что международные преступления в международном масштабе очень опасны не только для одного и нескольких государств, а представляет опасность отдельному региону и миру в целом.

К сожалению, в настоящее время беспрецедентный уровень международной и транснациональной преступности, обострение межэтнических, религиозных и политических конфликтов, в ходе которых массово и грубо нарушались права человека, ставят перед государствами задачи по критическому переосмыслению отдельных направлений сотрудничества для выработки оптимальных способов решения этих и сопутствующих проблем.

На основании этого, VI комитет Генеральной Ассамблеи ООН на своей 76-ой сессии включил принцип универсальной юрисдикции в 87-й пункт повестки, что стало мощнейшим свидетельством актуальности всех вопросов по борьбе с международными преступлениями. Генеральный секретарь ООН в своем докладе¹ осветил многие аспекты международных договоров на предмет

---

¹ См.: Охват и применение принципа универсальной юрисдикции / Доклад Генерального секретаря ООН // Документ A/76/203 от 21 июля 2021 года.

универсальной юрисдикции в контексте норм внутригосударственного законодательства и судебной практики. Обращение внимания на принцип универсальной юрисдикции в международном праве превращает данный принцип в краеугольный камень в деле борьбы с международной преступностью и формирования новых подходов к сотрудничеству государств в этом направлении.

Указанные обстоятельства ставят перед международно-правовой наукой серьезные задачи, и этим заявленная тема приобретает сегодня особую актуальность.

В науке международного права одним из отраслей которого составляет международное уголовное право исследование различных аспектов применения универсальной юрисдикции стало одним из основополагающих направлений в доктрине международного права.

В условиях постоянной угрозы возникновения вооруженных конфликтов и распространения международного терроризма универсальная юрисдикция в отношении преступлений, нарушающих права человека, становится главным инструментом противодействия этим рискам.

Необходимо отметить, что Республика Таджикистан как субъект международного права также активно сотрудничает в борьбе с международной преступностью. Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон в своем послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 23 декабря 2022 года отметил, что «Таджикистан и впредь будет вносить достойный вклад в решение таких проблем международного сообщества, как борьба с терроризмом, транснациональной организованной преступностью, контрабандой оружия и наркотиков, киберпреступностью, а также устранение последствий изменения климата и адаптация к этим изменениям»².

Научный анализ, изучения и всестороннее исследование универсальной юрисдикции государств в международном праве обусловлена также

---

² Послание Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 23.12.2022 г. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.president.tj/ru/node/29824> (дата обращения: 10.01.2023).

отсутствием в отечественной юридической науке фундаментальных теоретических исследований в данной сфере. Отметим, что отдельные вопросы универсальной юрисдикции государств до сих пор не становились объектом комплексного, системного анализа также и в науке международного права, в целом.

Актуальность темы также обосновано практическими соображениями, так как универсальная юрисдикция как форма сотрудничества государств с международной преступностью, имеет свои достижения также и на практике. Так, например, Адольф Эйхманн (Израиль, 1962 г.), Адольфо Сцилинго (Аргентина, 2005 г.), Иван Демьянюк (ФРГ, 2012 г.) понесли наказание за преступления против человечности. Уголовные дела против бывшего чилийского диктатора Аугусто Пиночета (1998 г.) и бывшего президента Чада по прозвищу «Африканский Пиночет» Хиссена Хабре (2016 г.) были привлечены к ответственности именно на основании принципа универсальной юрисдикции.

Изучения темы показало, что неоднородность правового регулирования универсальной юрисдикции заключается в индивидуальном подходе государств к данному вопросу. Этим и можно обосновать разнообразную практику применения положений Статута Международного уголовного суда. Более того, не все государства ратифицировали Римский Статут МУС, а отдельные страны и вовсе отказались от участия в данном международно-правовом акте.

Такая неопределенность относительно данного важного вопроса современности и механизма его урегулирования еще больше актуализирует эту проблему именно как научную проблему международного права

В целом, обозначенный нами спектр свидетельствует об актуальности комплексного исследования научно-теоретических и прикладных основ принципа универсальной юрисдикции в современных условиях, а, следовательно, подтверждает высокую степень актуальности и темы настоящего диссертационного исследования.

Степень изученности научной темы. В советской международно-правовой литературе различные аспекты юрисдикции государств в сфере межгосударственных отношений затрагивались главным образом в проекции иммунитета государств или в рамках отраслевых исследований, в частности – международного морского права, воздушного права, дипломатического права, международного уголовного права и т.д. Юрисдикцию государств начали рассматривать в общем плане только в конце XX века в общетеоретических работах российских ученых по международному праву: К.А. Бекашева³, С.М. Дмитриевского⁴, А.А. Дорской⁵, Ю.В. Ключникова⁶, Р.А. Колодкина⁷, Ю.М. Колосова⁸, Л.А. Лазутина⁹, И.И. Лукашука¹⁰, Е.Г. Ляхова¹¹, А.А. Овчинникова¹² и С.В. Черниченко¹³.

В российской международно-правовой доктрине, а также на постсоветском пространстве проблемам установления и практической реализации уголовной юрисдикции государств, а также международной уголовной юрисдикции посвятили свои труды Ю.Г. Барсуков¹⁴ П.Н.

---

³ См.: Бекашев К.А. Международное публичное право: учебник. – Москва: Проспект, 2019. – 1046 с.

⁴ См.: Дмитриевский С.М., Гварели Б.И., Чельшева О.А. Международный трибунал для Чечни. Правовые перспективы привлечения к индивидуальной уголовной ответственности лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений и преступлений против человечности в ходе вооруженного конфликта. – Нижний Новгород, 2009. – 529 с.

⁵ См.: Дорская А.А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности: монография: – СПб.: Астерион, 2014. – 175 с.

⁶ См.: Ключников Ю.В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 3. От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской революции. Вып. 2. Акты дипломатии иностранных государств. – Москва: Изд. Литиздата НКВД, 1929. – 367 с.

⁷ См.: Колодкин Р.А. Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции / Р.А. Колодкин // Колодкин Р.А. Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции / Р.А. Колодкин // Юрист-международник. – 2005. – №3. – С. 228-238.

⁸ См.: Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве: монография. – Москва: Статут, 2014. – 224 с.

⁹ См.: Лазутин Л.А. Правовая помощь по уголовным делам как межотраслевой нормативный комплекс: монография: – Екатеринбург, 2008. – 404 с.

¹⁰ См.: Лукашук И.И. Международное уголовное право: учебник. – М.: Спарк, 1999. – 286 с.

¹¹ См.: Ляхов Е.Г. Экстрадиция и принцип «aut dedere aut iudicare»: становление и современные проблемы / Е.Г. Ляхов // Публичное и частное право. – 2012. – №2. – С. 165-172.

¹² См.: Овчинников А.А. Конституционно-правовой статус федерации в России и Германии: сравнительно-правовой анализ / А.А. Овчинников // Конституция. Гражданин. Общество. – М.: МГИМО-Университет, 2004. – С. 147-166.

¹³ См.: Черниченко С.В. Старые и новые теоретические проблемы / Теория международного права: в 2 т. – М.: Изд-во «НИМП», 1999. – Т. II. – 525 с.

¹⁴ См.: Барсуков Ю.Г. Территория в международном праве. – М.: Госиздат, 1958. – 271 с.

Бирюков¹⁵, Г.И. Богуш¹⁶, Р.М. Валеев¹⁷, А.Г. Волеводз¹⁸, С.В. Глотова¹⁹, Н.И. Костенко²⁰, И.С. Марусин²¹, А.Б. Мезяев²², В.А. Оганесян²³, Ю.С. Ромашев²⁴, Н.А. Сафаров²⁵, А.Ю. Скуратова²⁶, Е.Н. Трикоз²⁷, И.В. Фисенко²⁸ и другие исследователи.

Решающее влияние на формирование концептуальных основ теории международной уголовной юрисдикции оказали научные труды А.Р. Каюмовой²⁹, Г.А. Королева³⁰, А.Н. Лавлинской³¹, Н.Г. Михайлова³² и О.С. Черниченко³³, которые исследовали проблемы универсальной юрисдикции государств в отношении серьезных нарушений норм международного права,

---

¹⁵ См.: Бирюков П.Н. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации (Теоретические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2001. – 368 с.

¹⁶ См.: Богуш Г.И. Международный уголовный суд: уроки первых десяти лет / Г.И. Богуш // Международное уголовное право: актуальные вопросы и современные проблемы: сборник научных статей и сообщений. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – С. 59-65. – 128 с.

¹⁷ См.: Валеев Р.М. Кодификация преступлений против человечности (к 70-летию Нюрнбергского процесса) / Р.М. Валеев // Юридическая наука. – 2015. – №3. – С. 69-74.

¹⁸ См.: Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. – Москва: Юрлитинформ, 2002. – 519 с.

¹⁹ См.: Глотова С.В. Концепция преступлений против человечности: общепризнанность и существенные признаки в свете современного развития международного права / С.В. Глотова // Вестник СПбГУ. – 2016. – Сер. 14. – Вып. 3. – С. 36-48

²⁰ См.: Костенко Н.И. Право международной безопасности (теоретические основы становления и развития): монография. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 408 с.

²¹ См.: Марусин И.С. Международные уголовные судебные учреждения: судоустройство и судопроизводство: монография. – СПб., 2004. – 224 с.

²² См.: Мезяев А.Б. Анализ деятельности международных судов и трибуналов в контексте новых законов об ответственности за ревизию истории (агрессия против правды и международного права) / А.Б. Мезяев // Российский ежегодник международного права. – 2009. – С. 109-118.

²³ См.: Оганесян В.А. Принципы уголовного правосудия в уголовном праве / Эволюция и особенности имплементации. – Nota Bene, 2011. – 328 с.

²⁴ См.: Ромашев Ю.С. Особенности установления и осуществления государствами своей юрисдикции в правоохранительной сфере / Ю.С. Ромашев // Государство и право. – 2015. – №5. – С. 82-91.

²⁵ См.: Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007. – 448 с.

²⁶ См.: Скуратова А.Ю. Принцип «aut dedere aut judicare»: современные проблемы международно-правового содержания / А.Ю. Скуратова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2020. – №2. – С. 3-7.

²⁷ См.: Трикоз Е.Н. Кампальская конференция по международному уголовному правосудию / Е.Н. Трикоз // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2011. – №1. – С. 20-23.

²⁸ См.: Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. – Минск: Тесей, 2000. – 335 с.

²⁹ См.: Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2016. – 448 с.

³⁰ См.: Королев Г.А. Универсальная юрисдикция государств в отношении серьезных нарушений норм международного права: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 163 с.

³¹ См.: Лавлинская А.Н. Международно-правовые проблемы борьбы с морским пиратством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – 26 с.

³² См.: Михайлов Н.Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии как институт международной уголовной юстиции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2006. – 54 с.

³³ См.: Черниченко О.С. Международно-правовые аспекты юрисдикции государств: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2003. – 168 с.

преступления пиратства, военных преступлений и преступлений против человечности.

Отметим, что в зарубежных исследованиях юрисдикции государств уделялось гораздо больше внимания. К когорте авторов, чьи работы посвящены М. Айкхерст, Д.У. Боуэтт, Г. Верле, А. Кассезе, А.Ф. Манн, Нгуен Куок Дин, Л. Оппенгейм, Ч.С. Райн, П. Ретер, Ч.Дж. Фенвик, К. Хакапаа, Э. Хименес де Аречага и др. Несмотря на множество рассмотренных тем, в их исследованиях не прослеживается стремление дать развернутое определение юрисдикции или достаточно полную, многовариантную ее классификацию. В лучшем случае зарубежные ученые констатируют многозначность указанного термина, а классификацию строят преимущественно по принципам (критериям), лежащим в ее основе – территориальному, личному и т.д.³⁴

Среди отечественных юристов-международников следует отметить труды Н.Б. Азимов³⁵, Х.С. Камолова³⁶, Н.А. Кудратов и Ф.Н. Джабборов³⁷, С.А. Раджабова³⁸, М.Ф. Хомидова³⁹, посвященные определенным аспектам проблемы универсальной юрисдикции в международном уголовном праве, в рамках которых анализируются правовой основы универсальной юрисдикции, способы ограничения и устранения конкуренции юрисдикции государств, проблемы использования данного международного-правового института международной практике государств.

Связь исследования с программами либо научной тематикой.
Диссертация подготовлена в рамках научно-исследовательских тем кафедры

---

³⁴ См., напр., статьи видных вышеназванных зарубежных авторов, посвященные проблеме универсальной юрисдикции в журнале *New England Law Review*, Vol. 35, No.2, Winter 2001, 245 p.

³⁵ См.: Азимов Н.Б. Теоретические основы имплементация норм международного права в уголовном законодательстве РТ: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2019. – 347 с.

³⁶ См.: Камолов Х.С. Татбики меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ дар қисми умумии қонунгузорию ҷиноятӣ Тоҷикистон: автореф. дис. ... н.и.қ. – Душанбе, 2023. – 24 с.

³⁷ См.: Кудратов Н.А., Чабборов Ф.Н. Судҳои байналмилалӣ: Воситаи таълимӣ. – Душанбе, 2018. – 284 с.

³⁸ См.: Раджабов С.А. Принцип универсальной юрисдикции в международном уголовном праве / С.А. Раджабов // Известия Института философии, политологии и права АН РТ. – 2012. – №2. – С. 105-112; Раджабов С.А. Международные суды и трибуналы. – Душанбе: Дониш, 2024. – 171 с.; Раджабов С.А. Принцип универсальной юрисдикции в международном уголовном праве – правовое наследие Нюрнбергского процесса / С.А. Раджабов // Нюрнбергский процесс: взгляд сквозь время: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию начала Нюрнбергского процесса, 20 ноября 2015 г. / [Под ред. д-ра экон. наук, проф. М.М. Загоруйко]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. – С. 17-23; Раджабов С.А. Универсальная юрисдикция в международном уголовном праве. – Душанбе: Дониш, 2016. – 184 с. и др.

³⁹ См.: Хомидова М.Ф. Принципиҳои умумии ҳуқуқи байналмилалӣ ҷиноятӣ / М.Ф. Хомидова // Қонунгузорӣ. – 2022 – №4. – С. 114-119.

международного права юридического факультета Таджикского национального университета.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования является анализ международных правовых актов, комплексное изучение юридического содержания принципа универсальной юрисдикции, и разработка эффективных механизмов по его совершенствованию в борьбе с международными преступлениями.

Задачи исследования. Для достижения заявленной цели диссертантом поставлены следующие задачи:

- определить понятия и основания юрисдикции государств;
- выявить формы и способы реализации универсальной юрисдикции;
- проанализировать судебные дела, основанные на принципе универсальной юрисдикции;
- провести исторический анализ вопросов возникновения принципа универсальной юрисдикции;
- выявить роль и место судебных прецедентов в развитии принципа универсальной юрисдикции;
- исследовать нормы и положения действующих международных договоров и уставов международных судебных учреждений, предусматривающих универсальную юрисдикцию в сфере борьбы с международными преступлениями;
- охарактеризовать механизмы, влияющие на реализацию, однообразное применение и дальнейшее усовершенствование принципа универсальной юрисдикции.

Объектом исследования является принцип универсальной юрисдикции и его развитие в рамках международных конвенций и уставов международных судебных учреждений.

Предмет исследования составляют конкретные формы и способы реализации принципа универсальной юрисдикции через международные и национальные судебные учреждения, разработка механизмов, влияющих на

возможность, эффективность и дальнейшее развитие универсальной юрисдикции.

Этапы, место и периоды исследования (исторические рамки исследования). Диссертационное исследование охватывает этапы утверждения темы диссертации и ее подготовку, обсуждение и рекомендацию к защите на кафедре международного права Таджикского национального университета. С целью изучения принципа универсальной юрисдикции и его развития в рамках международных конвенций и уставов международных судебных учреждений в данном диссертационном исследовании рассматриваются вопросы основания и классификации юрисдикции государств, понятие, формы и способы реализации универсальной юрисдикции, роль судебных прецедентов в развитии принципа универсальной юрисдикции, правовой статус универсальной юрисдикции, международные конвенции по борьбе с международными преступлениями, а также уставы международных судебных учреждений. Период диссертационного исследования охватывает 2021-2024 годы.

Теоретическими основами исследования являются фундаментальные и монографические труды таких российских, зарубежных и отечественных ученых, юристов-международников, как А.Х. Абашидзе, Л.Н. Галенская, Г.В. Игнатенко, А.Я. Капустин, А.Р. Каюмова, А.А. Ковалев, Ф.И. Кожевников, Ю.М. Колосов, К. Кольяр, П.П. Кремнев, Э.С. Кривчикова, Н.Б. Крылов, В.И. Кузнецов, Ф. Ланцерини, И.И. Лукашук, Д.В. Мазеин, И.Э. Мартыненко, С.Н. Молчанов, Г.И. Морозов, М. Негин, Л. Оппенгейм, Л.Г. Пермякова, С.А. Раджабов, С.К. Романовский, К.П. Рубаник, К.Е. Рыбак, С.С. Рындин, Н.А. Сафаров, А. Сегура-Серрано, П.М. Стефан, О.И. Тиунов, Г.И. Тункин, М.А. Федотов, С.В. Черниченко, Е.А. Шibaева, Г.Г. Шинкарецкая, Е.Н. Яковлева и др.

Методологической основой исследования послужили общенаучные и частнонаучные методы познания. В частности, использовались следующие общие методы исследования: диалектический, формально-логический, историко-правовой и системного анализа, обобщения, индукции и дедукции,

системно-структурного анализа, метод толкования правовых норм, метод правового моделирования. В качестве специальных методов были выбраны методы изучения нормативно-правовой базы, сравнительно-правовой, аналитический и статистический методы.

Эмпирические предпосылки исследования составляет систематизированный автором материал о формировании и дальнейшего развития принципа универсальной юрисдикции.

Комплексный характер исследуемой проблематики предопределило многоплановость задач, что обусловило обращение к разнообразным источникам, затрагивающим те или иные её аспекты, в частности, анализ таких международно-правовых актов, как Устав ООН, конвенции ООН по борьбе с международными преступлениями, резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН по универсальной юрисдикции, другие международно-правовые акты, а также нормативные правовые акты Республики Таджикистан, послания Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной международно-правовой науке всестороннему анализу были подвергнуты международно-правовые основы принципа универсальной юрисдикции, а также прецедентное право на применение данного принципа. Проведенное исследование законодательных актов и международных договоров Республики Таджикистан, связанных с применением принципа универсальной юрисдикции, позволило выявить основные этапы формирования данного принципа. Анализ также выявил потребность в уточнении понятий, содержащихся в международно-правовых и национально-правовых документах.

Положения, выносимые на защиту. Научная новизна исследования подтверждается следующими положениями, выносимыми на защиту:

1. Научно обосновывается вывод о том, что в условиях исключительной юрисдикции государство вправе применять принцип универсальной

юрисдикции в отношении международных преступлений вне уголовной юрисдикции, в которой место преступления, гражданство преступника/жертвы играют ключевую роль. Универсальную юрисдикцию, в отличие от уголовной, определяет особая природа и характер международных преступлений, таких, например, как военные преступления, преступления против человечности, геноцид.

2. Типология международных судов (трибуналов) и идентификация их правовой природы и внутренних характерных особенностей основаны на обобщении их практики. Выявлено четыре типа учреждений уголовного правосудия, применявших принцип универсальной юрисдикции: 1) Нюрнбергский и Токийский трибуналы, или «суды победителей» – созданы государствами, входившими в антигитлеровскую коалицию, а основанием послужил пакет соответствующих соглашений между ними; 2) международные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде, учреждены Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (обоснование: глава VII Устава ООН); 3) «интернационализованные» или гибридные суды (обоснование: пакет соглашений, заключенных Организацией Объединенных Наций и правительствами стран, на территории которых были совершены преступления юрисдикционной компетенции; 4) Международный уголовный суд, его базу составляет многосторонний межгосударственный договор. Успешное функционирование этих судов доказывает состоятельность принципа универсальной юрисдикции, в том числе и в контексте активного взаимодействия.

3. Проведенное исследование показывает, что национальные суды занимают важнейшее место в вопросе разрешения уголовных дел о международных преступлениях, равно как и Международный уголовный суд. Универсальная юрисдикция национальных судов базируется на нормах обычного права, однако не исключает применения и договорных (конвенционных) норм международного права этими судами.

4. Обосновывается вывод о существенном влиянии судебных прецедентов на совершенствование принципа универсальной юрисдикции, который многие

десятилетия оставался основополагающим для международного уголовного права; его не применяли, но и не отменяли, за исключением судов за военные преступления и преступления против человечности, совершенные во время Второй мировой войны, таких как суд над Адольфом Эйхманном в Израиле или над Иваном Демьянюком в Германии.

Судебные прецеденты над Аугусто Пиночетом (Чили) и Хиссеном Хабре (Чад) показали, что для того, чтобы суды эффективно могли применять принцип универсальной юрисдикции, необходимо не только ратифицировать международные конвенции, устанавливающие данный принцип, но полностью имплементировать их во внутреннее законодательство. Большинство государств, исходя из политических соображений, не смогли дать своим национальным судам такое полномочие. В результате многие лица, совершившие международные преступления, уходили от правосудия в своих странах, легко находили «безопасное убежище» в других и оставались безнаказанными. Универсальная юрисдикция обеспечивает неотвратимость наказания и эффективность правосудия, а ее отсутствие или искажение подходов к ее применению ставят под сомнение суть правоприменительных практик.

5. Аргументируется важность разработки и ратификации универсального международного договора о применении универсальной юрисдикции к конкретным видам преступлений. Мы придерживаемся позиции о том, что к категории деяний, подпадающих под осуществление универсальной юрисдикции, уместно отнести преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Важно, чтобы нормы конвенции основывались на общепризнанных нормах международного права и положениях Устава ООН. Такой подход позволит обеспечить реализацию принципа верховенства права в контексте обеспечения универсальной юрисдикции. Эта мера особенно актуальна на современном этапе развития международной судебной системы, в которой правовой статус универсальной юрисдикции предусмотрен в рамках двадцати пяти международных договоров и конвенций, направленных на борьбу с международными преступлениями.

Выявлено, что Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. признает универсальную юрисдикцию, основываясь на международно-правовом обычае. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. предусматривают применение универсальной юрисдикции на основе *erga omnes* при несоблюдении императива *jus cogens* (пытки, военные преступления, преступления против человечности, геноцид). Универсальная юрисдикция в конвенциях по противодействию транснациональным преступлениям действует в рамках альтернативы (*aut dedere aut judicare*) «либо выдай, либо суди». Хотя указанные конвенции не предусматривают зависимость юрисдикции от места совершения нарушения, но их толкование, как правило, утверждает именно универсальную юрисдикцию.

6. Изучение практик государств по применению принципа универсальной юрисдикции показывает наличие нескольких факторов, определяющих векторы его использования и степень его эффективности. Во-первых, существование связи между универсальной юрисдикцией и самообороной. Действительно, если естественное право самообороны основано на фундаментальной человеческой природе, то естественное право наказывать врагов всего человечества (*hosti humani generis*) основано на более высоких принципах сообщества и цивилизации. Это может ограничить право на применение универсальной юрисдикции и оправдать использование силы для самообороны. Во-вторых, несмотря на то, что универсальная юрисдикция является дополнением к национальной юрисдикции, государства рассматривают универсальную юрисдикцию как угрозу их интересам и суверенитету. В-третьих, отсутствуют какие-либо гарантии фактического функционирования универсальной юрисдикции в странах с коррумпированными судебными системами. В-четвертых, зависимость судебной власти отдаляет, если полностью не исключает, перспективу беспристрастности и должным образом организованного процесса, особенно

в политически мотивированных делах. В-пятых, использование универсальной юрисдикции может повлечь за собой существенный риск необъективности в разрешении дел, что может вызвать напряженность в межгосударственных отношениях.

7. С целью совершенствования уголовного законодательства РТ предлагается ч. 2 ст. 1 УК РТ изложить в следующей редакции: «УК РТ основывается на Конституции Республики Таджикистан и международных правовых актах, признанных Таджикистаном». Кроме того, обосновывается необходимость более четкой представленности универсальной юрисдикции в новой редакции Уголовного кодекса Республики Таджикистан. Предлагаемые дополнения должны быть внесены в главу 34 раздел XV «Преступления против мира и безопасности человечества» и должны быть основаны на результатах, полученных Комиссией международного права ООН при кодификации этих преступлений.

8. Аргументируется некорректность расположения раздела XV («Преступления против мира и безопасности человечества») в тексте УК РТ. Данный раздел расположен в конце Особенной части действующего УК РТ, хотя в современных условиях эти два важнейших принципа тесно связаны с правами человека. А защита мира и безопасности человечества является целевой задачей не только международного права, но и приоритетной областью уголовно-правовой сферы. Вопросы регулирования ответственности за преступления против личности (раздел VII) и нарушение основных прав человека, его нормы содержатся вначале Особенной части УК РТ, в то время как нормы ответственности за преступления против мира и безопасности человечества – в конце Особенной части, что нарушает взаимосвязь этих норм. В связи с этим предлагается поместить раздел XV УК РТ после раздела VII УК РТ, посвященного преступлениям против личности.

9. С целью совершенствования законодательства РТ необходимо дополнить часть 2 статьи 15 Уголовного кодекса РТ фразой «Если совершенное ими деяние признано преступлением против мира и безопасности человечества», и изложить эту часть в следующей редакции: «Иностранцы

граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Республике Таджикистан, совершившие преступление за пределами Республики Таджикистан, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу в случаях, если преступление направлено против интересов Республики Таджикистан либо гражданина Республики Таджикистан или постоянно проживающего в Республике Таджикистан лица без гражданства, если совершенное ими деяние признано преступлением против мира и безопасности человечества, а также в случаях, предусмотренных международным договором Республики Таджикистан, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Республике Таджикистан, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Республики Таджикистан».

Теоретическая и практическая значимость исследования. Полученные научные результаты о состоянии и правовых основах универсальной юрисдикции, выводы и сформулированные на их основе практические предложения позволят разработать модели и концепции дальнейшего развития универсальной юрисдикции, что будет способствовать повышению эффективности осуществления правосудия с использованием этого правового инструмента.

Материалы и результаты диссертационного исследования могут быть применены в учебном процессе, в частности при изучении дисциплины «Международное публичное право» и на спецкурсах «Международное уголовное право», «Международные суды и трибуналы» и др.

Степень достоверности результатов исследования подтверждается объективным и всесторонним анализом теоретико-методологических аспектов темы диссертации, систематизацией и обобщением общепризнанных научных результатов, предложенными авторскими определениями, идеями и научно-практическими рекомендациями, научными положениями исследования и их новизной в сравнении с существующими научными достижениями, анализом реального состояния и факторов, влияющих на дальнейшее развитие и пути совершенствования принципа универсальной юрисдикции.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертация соответствует паспорту научной специальности: 12.00.10 – Международное право; Европейское право, утверждённой Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан.

Личный вклад соискателя учёной степени подтверждается уровнем научной новизны положений, представленных к защите, научными статьями и докладами на теоретических семинарах и научно-практических конференциях.

Апробация и применение результатов диссертации. Диссертация была подготовлена, обсуждена, рецензирована и рекомендована к защите на кафедре международного права юридического факультета Таджикского национального университета. Апробация результатов исследования производилась поэтапно, по мере разработки и решения определенных проблем диссертационной работы. Основные положения диссертации и теоретические выводы автора докладывались на международных и республиканских научно-практических конференциях, в частности, на:

– республиканской научно-практической конференции, посвященной празднованию Дня прав человека на тему «Теоретические вопросы реализации прав человека в Республике Таджикистан» – доклад по теме: «Салоҳдиди фарогир – мероси ҳуқуқи Нюрнберг» (г. Душанбе, 7.12.2020 г.);

– республиканская научно-теоретическая конференция профессорско-преподавательского состава и сотрудников ТНУ, посвященная 30-летию Государственной независимости Республики Таджикиста, 110-летию со дня рождения Народного поэта Таджикистана, Героя Таджикистана Мирзо Турсунзоде, 110-летию со дня рождения таджикского писателя Сотима Улугзаде и «Двадцатилетию изучения и развития естественных, точных и математических наук в сфере науки и образования (2020-2024)» – доклад по теме: «Универсальная юрисдикция и формы международной юрисдикций» (Душанбе, 2021 г.);

– республиканская научно-теоретическая конференция преподавателей и сотрудников ТНУ, посвященная «Годам развития промышленности (2022-2026)» и «Чествования Мавлоно Джалолиддина Балхи» – доклад по теме:

«Факторы, влияющие на возможности и дальнейшее развитие универсальной юрисдикции» (Душанбе, 2022 г.);

– республиканская научно-теоретическая конференция преподавателей и сотрудников ТНУ, посвященная «75-летию Таджикского национального университета», «115-летию академика Бободжона Гафурова», «2023 – Году русского языка» и «2025 – Международному году сохранения ледников» – доклад по теме: «Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 г» (Душанбе, 2023 г.).

Апробация результатов исследования осуществлялась в процессе подготовки и чтения лекций на юридическом факультете Таджикского национального университета по следующим учебным курсам: «Международное публичное право», «Международное уголовное право».

Публикации по теме диссертации. По теме диссертации автором опубликовано 9 научных статей, раскрывающих содержание рассматриваемой проблемы, из которых 6 – в научных изданиях, рекомендованных ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Структура и объем диссертации определяется его целями, задачами и логикой. Диссертация состоит из перечня сокращений и (или) условных обозначений, введения, трёх глав, семи параграфов, заключения, рекомендации по практическому использованию результатов исследования, список литературы (источников) и перечень научных публикаций соискателя ученой степени. Общий объем диссертации составляет 172 страниц.

ГЛАВА I. УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЮРИСДИКЦИИ ГОСУДАРСТВ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВАНИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ, ФОРМЫ И СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ

1.1. Понятие, основание и классификация юрисдикции государств

Беспрецедентный уровень развития международных отношений повлек за собой необходимость комплексного анализа, а в ряде случаев потребовал переосмысления международно-правовых понятий и институциональных концепций. Особый интерес в этом ключе представляет понятие «юрисдикция государства». Несмотря на то, казалось бы, достаточную его изученность в теоретическом плане и широкое употребление в юридической практике, разработка лаконичного и вместе с тем емкого определения юрисдикции представляет достаточно комплексный вопрос. Актуальность этой проблемы заключается и в дисбалансе дефиниций этого термина, то есть в достаточной его представленности в юридической науке и отсутствии общепризнанного толкования в международно-правовых актах.

Это обусловлено тем, что юрисдикция, которая как термин может быть применима не только в отношении государства, представляет собой семантически и контекстуально многозначное понятие, которое, что вполне логично, становится причиной теоретико-практических разночтений. В частности, внутригосударственная и межгосударственная юрисдикция являют собой полярно противоположные понятия.

Отечественная юрисдикционная доктрина эта разрозненность долгое время находилась за пределами исследовательского внимания. В этой связи мы посчитали, что словарные статьи и мнения некоторых зарубежных авторов позволят определить универсальные и уникальные характеристики этого понятия.

Так, англоязычный словарь термин «юрисдикция» дефинирует как «1. право, полномочие или власть осуществлять правосудие путем слушания и

вынесения решений по спорам; 2. степень или диапазон судебного, правового принуждения или другой власти; 3. полномочия, власть, контроль»⁴⁰.

Большой юридический словарь определяет юрисдикцию (лат. *jurisdictio* – судопроизводство, от *jus* – право и *dictio* – говорю; *jus dicere* – произносить или говорить то, что является правом) как «установленную законом совокупность правомочий соответствующих государственных органов разрешать правовые споры и решать дела о правонарушениях, оценивать действие лица или иного субъекта права с точки зрения их правомерности, применять юридические санкции к правонарушителям»⁴¹.

Словарь Вебстера юрисдикцию трактует двояко: «1. как правовое полномочие, право или власть слушать дело и выносить по нему решение. 2. власть суверенной державы управлять или принимать законы»⁴².

П. Робер тоже предлагает две словарные статьи: «1. власть судить, осуществлять правосудие, 2. территориальный предел ведения»⁴³; второе значение в словаре закреплено под лексемой *circonscription* – избирательный округ. Здесь наблюдается явная смысловая корреляция с дефиницией британского исследователя М. Эйкхерста. Ученый аналогично связывает юрисдикцию с определенной территорией⁴⁴, что больше транслирует семантику территориальной «досягаемости», то есть площади, где государственная власть может осуществлять свои полномочия.

Оксфордский юридический словарь утверждает, что юрисдикция – это «власть суда рассматривать и разрешать дела или принимать соответствующие постановления»⁴⁵.

О.С. Черниченко обозначает юрисдикцию государств в качестве «возможности, которой обладает государство, с учетом его международно-

---

⁴⁰ The Random House Dictionary of the English Language. – Second edition. – New York, 1987. – P. 1039.

⁴¹ Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 848.

⁴² Webster's Third International Dictionary of the English Language. – Springfield, Massachusetts, 1986. – P. 1227.

⁴³ Robert P. Dictionnaire alphabetique & analogique de la langue francaise. – Paris, 1977. – P. 1056.

⁴⁴ См.: Akehurst M. A modern Introduction to International Law. – 5th ed. – London, 1985. – P. 102.

⁴⁵ Oxford Dictionary of Law. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 298.

правовых обязательств, обеспечивать реализацию своего права путем угрозы применения или применения правового принуждения»⁴⁶.

Следовательно, понятие «юрисдикция государства» имеет непосредственное отношение к государственному суверенитету, то есть отсутствие последнего как бы автоматически отменяет необходимость юрисдикции государства. В этом смысле следует констатировать неразрывную связь иммунитета и юрисдикции государства.

Такое же дефиниционное разнообразие отличает понятие «иммунитета государства».

Так, для А.А. Данельян и И.З. Фархутдинова это: «свойство быть неподвластным другому государству. Ученые также понимают под ним неприкосновенность, неподсудность государства, его органов, должностных лиц, государственной собственности, то есть национальный суд неспособен осуществлять уголовную, гражданско-правовую, административную, налоговую, таможенную и другие юрисдикции на территории чужого государства»⁴⁷.

Международное право позволяет направить этот иммунитет на защиту любого государства, в отношении которого осуществляется принуждение другого государства к реализации функций, не входящих в спектр национальных интересов. А государство в лице его государственных органов и должностных лиц, действуя на территории иностранного государства, должно соблюдать законы этого государства. Так, согласно ч. 1 ст. 41 Венской конвенции о дипломатических сношениях «без ущерба для их привилегий и иммунитетов, все лица, пользующиеся такими привилегиями и иммунитетами, обязаны уважать законы и постановления государства пребывания. Они также обязаны не вмешиваться во внутренние дела этого государства».

---

⁴⁶ Черниченко О.С. Международно-правовые аспекты юрисдикции государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2003. – С. 9.

⁴⁷ Данельян А.А., Фархутдинов И.З. Международный инвестиционный арбитраж: учебное пособие. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – С. 350.

Свои рассуждения по поводу иммунитета С.А. Алешукина сводит к «защите от принудительного применения закона, от изъятия собственности, от привлечения к суду по предписанию иностранного законодательства»⁴⁸.

Н.А. Ушаков в этом вопросе изначально выделяет экстерриториальную (аргументируется за пределами государственными территориями и опирается на нормы международного права, взаимном интересе, суверенитете) и территориальную (аргументируется государственными границами и суверенитетом) юрисдикцию⁴⁹.

Для Л. Оппенгейма иммунитет государства: «это следствие равенства (англ. consequence of state equality) и собственно суверенитет страны, что и не позволяет осуществлять юрисдикцию в отношении друг друга по *par in parem non habet imperium*, то есть общему принципу международного права»⁵⁰.

Во втором докладе Комиссии международного права, представленном специальным докладчиком С. Сучариткулом, утверждалось, что «рациональные основы иммунитет государства можно было бы изложить с помощью самых различных концепций»⁵¹. В качестве более убедительного обоснования принципа иммунитета государства выдвигаются принципы суверенитета и равенства государств. Разумеется, все эти понятия взаимосвязаны и составляют международно-правовую основу иммунитета суверена.

В этой связи правомерно одно из положений доктрины, в котором указывается, что как носитель публичной власти государство подчиняется только международному праву, а не законодательству другого государства⁵². При таком ракурсе государства действуют в рамках параметров,

---

⁴⁸ Алешукина С.А. К вопросу о юрисдикционном иммунитете иностранного государства в Российской Федерации / С.А. Алешукина // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2016. – №1. – С. 127 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eprints.tversu.ru/5547/> (дата обращения: 26.04.2023).

⁴⁹ См.: Ушаков Н.А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности / Ин-т государства и права РАН. – М.: Наука, 1993. – 240 с.

⁵⁰ International Law. A Treatise. By L. Oppenheim. Sixth Edition / ed. by H. Lauterpacht. – London, New York. Toronto, 1947. – P. 239; Ту же мысль в кн.: Ушаков Н.А. Указ. соч. – С. 27; Словарь международного права / Ред. кол.: С.В. Черниченко, А.Н. Вылегжанин, Б.Р. Тузмухамедов; Отв. ред. С.А. Егоров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – С. 116-117.

⁵¹ Второй доклад о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, подготовленный Специальным докладчиком, господином С. Сучариткулом // Ежегодник Комиссии международного права. Организация Объединенных Наций, 1980. – Т. 2. – Часть первая. – С. 240-262.

⁵² См.: Фердросс А. Международное право / Пер. с нем.; Под ред. Г.И. Тункина. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – С. 208-209.

установленных нормами международного права. Здесь важно указать семантическую разницу между понятиями «суверенитет» и «юрисдикция». Так, «суверенитетом» считается «верховенство государственной власти в реализации внутренней и внешней политики»⁵³, что явно смещает фокус понятия «юрисдикция» на территорию другой страны или стран.

Следовательно, юрисдикцию необходимо обозначить как способность государства самостоятельно принимать решения в том объеме, на той территории и в той сфере, которые определены внутренним законодательством, и исходя из обязательств, определенных международно-правовыми документами.

Основания для уголовной юрисдикции классически делятся на традиционные (относятся ко всем уголовным преступлениям) и экстраординарные (относятся ко всем международным преступлениям), однако, несмотря на кажущуюся простоту, при выборе все же возникают определенные разночтения. Стандартно юрисдикцию осуществляют по четырем принципам, которые восходят к понятию государственного суверенитета и составляют суть уголовного законодательства большинства стран, в том числе и Республики Таджикистан: 1) территориальность, 2) личности субъекта и объекта преступления, 3) защита национальных интересов.

Каждый из принципов обладает своими сущностными характеристиками:

Принцип личности объекта преступления. Под юрисдикцией находится лицо, совершившее противоправные действия против гражданина конкретной страны даже за пределами ее государственных границ.

Принцип защиты национальных интересов. Юрисдикция государства распространяется на преступления (например, политическое, экономическое, валютное и т.п.) против его национальной безопасности или интересов.

Принцип территориальности. Судебному преследованию подвергается подданный любой страны, совершивший преступное деяние, которое

---

⁵³ Бекашев К.А. Международное публичное право: учебник. – М.: Проспект, 2022. – С. 126.

считается таковым по законодательству страны, где оно повлекло негативные последствия или было совершено.

Принцип гражданства. Территориальный аспект отходит на второй план, уступая место юрисдикции относительно граждан, совершивших преступное деяние»⁵⁴.

Конфликты юрисдикций при применении этих принципов регулируются договорами, которые регламентируют процедуру экстрадиции подозреваемых. Однако даже при наличии такого соглашения возникают спорные ситуации ввиду понятийных разночтений по определениям «гражданство жертвы» и «гражданство преступника». Противоречия главным образом сосредоточены на факте применения юрисдикции в отношении не подданных государства, но проживающих в нем длительное время и на законных основаниях.

Между тем никакого конфликта интересов не возникает при руководстве этими принципами в отношении международных преступлений, поскольку данная категория дел регулируется нормами обычного международного права⁵⁵.

Так, национальный суд может возбудить дело против лица, совершившего противоправные деяния в пределах государственных границ и удовлетворить просьбу любого компетентного государства о выдаче подозреваемого⁵⁶. В основе этой альтернативы лежит механизм «*aut dedere aut judicare*» (либо выдай, либо суди), а выбор юрисдикции зависит от типа преступления, территории его совершения, количеством фигурантов и пр. При всем многообразии этих аспектов для территориальной, экстерриториальной и универсальной юрисдикции центральной все-таки считается классификация по пространственному параметру. Предпримем попытку обосновать эту гипотезу.

---

⁵⁴ Подробный обзор применения данных принципов в национальном и международном праве см.: Cassese Antonio. *International Criminal Law*. – Oxford, 2003. – P. 277-284.

⁵⁵ См.: Хенкерте Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право: в 2-х т. Т. I. – М.: МККК, 2006. – С. 781.

⁵⁶ См.: Статья 9, комментарий 6 Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 года // Ежегодник Комиссии международного права 1996. – Том II. – Часть 2. – Нью-Йорк, 2004. – 192 с.

Итак, территориальная юрисдикция обусловлена государственными границами, суверенитетом и интересами. Эта же обусловленность утверждает право судов, зарегистрированных под флагом данного государства, исполнять их полномочия, так как они условно являются «островками» государственной территории. Реализация данной юрисдикции не вызывает особых практических сложностей, поскольку в ее теорию заложен принцип уважения к государственному суверенитету.

Принцип экстерриториальности, напротив, вызывает некоторые споры между странами ввиду главнейшей концепции международных договоров – взаимоуважение интересов, суверенитета и независимости во внешних делах⁵⁷. Основная сложность заключается в разночтениях юрисдикционных требований относительно наделения/лишения/нарушения суверенными полномочиями, что вполне ожидаемо могут отрицательно сказаться на международном порядке и дестабилизировать дипломатические отношения, что позже может выразиться в жестких санкционных мерах и привести к вооруженному противостоянию.

Явный перевес негативных последствий стал поводом для использования экстерриториальной юрисдикции исключительно в трех проекциях:

- охранительный принцип – преступление против стратегических интересов государства;
- пассивный личный принцип – преступление совершено против гражданина;
- активный личный принцип – преступление совершено гражданином.

Развивая идею охранительного принципа, отметим, что им достаточно редко руководствуются при принятии решений на международном уровне, поскольку негативные последствия затрагивают преимущественно граждан конкретного государства. Однако в случае существенного ущерба национальной безопасности государство руководствуется исключительно охранительным принципом экстерриториальной юрисдикции.

---

⁵⁷ См.: Ушаков Н.А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности / Ин-т государства и права РАН. – М.: Наука, 1993. – С. 22-23.

Основу классификации юрисдикции государств составляют права, присущие полному суверенитету, следовательно именно юрисдикция определяет объем и сферу ответственности государственной власти. При этом за рубежом деятельность органов государственной власти в отношении своих граждан не должна противоречить местному законодательству и не должна быть предметом вмешательства со стороны иностранных ведомств.

В пределах своей территории, согласно международному праву, государство обладает полной юрисдикцией, частично ограничить которую могут международные соглашения по отдельным повесткам. Экономическая зона – неприкосновенна, а континентальные рамки охватывают ограниченную целевую юрисдикцию.

Национальная юрисдикция позволяет государству применять ее в отношении своих граждан, находящихся за его границами. Важным условием при этом является возможность осуществлять юрисдикцию только на территории своего государства (при наличии этого пункта в международном соглашении). Между тем применение этой юрисдикции возможно и в рамках пребывания его граждан в другой стране. Такая разрозненность при выборе юрисдикции, безусловно, сказывается на результатах судебного разбирательства. Оптимальным выходом видится давно используемая практика обращения к положениям соответствующих договоров или международно-правовых обычаев.

Однако даже эти казалось бы надежные ресурсы не оградить от ситуаций неоднозначной трактовки юрисдикционной терминологии ввиду ситуации ввиду специфики ее использования. В частности, термином «личный принцип» некоторые авторы обозначают охранительно-защитный принцип, а другие используют его к контексту принципа национальности.

Таким образом, государство может осуществлять юрисдикцию как в пределах (полная юрисдикция), так и за государственными границами. При этом нормы международного, договорного (более четкие формулировки) и обычного права позволяют ограничить эту юрисдикцию, также она может быть остановлена в одностороннем порядке.

Некоторые договорные ограничения рассматриваются как иммунитеты, которые, однако, не могут быть абсолютными. Другие применяются к различным территориальным режимам, однако и здесь юрисдикция практически не бывает полной.

Экстерриториальная юрисдикция также распространяется на пространства, которые не принадлежат ни одному государству, в этом случае она отличается большей широтой, сочетая отдельные положения исполнительной и законодательной юрисдикций. Последняя, следует отметить, составляет основу экстерриториальной юрисдикции на территории других государств, хотя в каждом конкретном случае осуществляется либо по межгосударственному договору, или с согласия страны, в отношении которой она будет применена.

Экстерриториальная юрисдикция осуществляется также в соответствии с персональным принципом, вытекающим из личного или персонального верховенства государства. Здесь действие определенных законов государства распространяется на его граждан, а также на постоянно проживающих в нем лиц без гражданства во время их нахождения за рубежом. Это относится даже к карательным отраслям права. Например, действующий Уголовный кодекс Республики Таджикистан (УК РТ) предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности за действия, совершенные вне пределов РТ, таджикских граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории РТ (ч. 1 ст. 12).

В современных условиях свое присутствие активно расширяет принцип экстерриториальной юрисдикции как принцип защиты, в соответствии с которым государство вправе привлекать к уголовной ответственности лиц, не являющихся его гражданами, за преступления, совершенные вне его территории и направленные против существенных интересов самого государства или его граждан. Отметим, что некоторые страны включили это положение в свое законодательство. Так, согласно ч. 3 ст. 12 УК РТ, уголовная юрисдикция РТ распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в РТ, совершивших преступление

вне пределов РТ, в случаях, если преступление направлено против интересов РТ.

Актуальность принципа защиты очевидна ввиду беспрецедентного роста транснациональной преступности. Однако некоторую озабоченность вызывает широкий контекст его истолкования, что позволяет констатировать факт противоречия этого принципа с международным правом. Экстерриториальная уголовная юрисдикция может осуществляться в соответствии с принципом универсальности. Отметим, что в рамках экстерриториальной юрисдикции выделяется и квазитерриториальная юрисдикция; она ориентирована на объекты за пределами территории государства, например, космические корабли, воздушные и морские суда.

Международная договоренность кратно расширяет юрисдикцию стран, иногда вплоть до универсальной, что, однако, может стать предметом конфликта с третьими государствами. Отметим, что если договорные обязательства разделили лишь небольшое число стран, эти противоречия практически невозможно урегулировать.

Активное применение универсальной юрисдикции ограничивается уголовно-правовой сферой, хотя ее потенциал в решении дел, входящих в гражданскую юрисдикцию, достаточно широк.

Комплексный характер юрисдикции государства отражается и в рамках его классификаций, в разработке которых учитываются целый ряд факторов.

Во-первых, «возможность осуществлять юрисдикцию по совокупности составляющих аспектов власти – в контексте а) законодательной/предписательной (to prescribe) – юрисдикции, декларируемой государством, б) исполнительной (to enforce) – реально осуществимой юрисдикцией, в) судебной (to adjudicate)»⁵⁸.

Вторым основанием для классификации являются принципы (критерии) юрисдикции, то есть территориальный; личный активный; личный пассивный; охранительный; универсальный, которые в некотором смысле представляют индикатор пределов ее распространения.

---

⁵⁸ Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 344-345.

В-третьих, принимается во внимание область установления и осуществления юрисдикции: уголовная, гражданская и административная.

В-четвертых, объем юрисдикции как классификационный критерий позволяет разделить ее на полную (то есть и законодательную, и исполнительную) и ограниченную. Первая требует от государства установление законодательных норм и обеспечение условий их соблюдения. Ограниченная юрисдикция ориентирована на установление поведенческих норм, однако жестко регламентирует использование средств, обеспечивающих выполнение этих предписаний.

Пятым аргументом классификации может послужить разделение юрисдикции на материальную и процессуальную.

На шестом месте стоит сфера действия юрисдикции – территориальная и экстерриториальная.

Пик активности приходится на первые три классификации. Классификации по объему (4) и по пространственному критерию (6) на практике не столь востребованы, хотя их упоминают в рамках теоретических исследований. Деление юрисдикции на материальную и процессуальную в прикладном аспекте присутствуют лишь в незначительном количестве работ. Хотя каждая классификация имеет существенное теоретическое и практическое значение.

Анализ показал, что международно-правовая доктрина отличается методологической разрозненностью действующих видовых классификаторов юрисдикции. Эта недоработка актуализирует вопрос сущностных характеристик термина «юрисдикция» в срезе его конкретного юридического содержания.

1.2. Универсальная юрисдикция и подходы к ее определению

Особенность принципа универсальности как правового явления обоснована его стремлением переступить рамки суверенитета государств и межгосударственной договоренности, которые хотя являются первоосновами для других принципов юрисдикции. В этой связи универсальную юрисдикцию можно осуществлять даже если страна, которая обладает территориальной

или иными формами юрисдикции, отказывается от исполнения универсальной. Диапазон представляемых ею полномочий бесспорно выводит ее в приоритетные направления научного поиска.

Универсальная юрисдикция в широком смысле распространяется на правонарушения, совершенные не на территории государства гражданства преступника»⁵⁹.

В.Н. Додонов и Е.Ю. Четвертаков усматривают под универсальной юрисдикцией «один из принципов действия уголовного закона в пространстве, то есть право уголовного преследования физических лиц, подозреваемых в совершении некоторых категорий преступлений независимо а) от места их совершения, б) подданства исполнителей и потерпевших и в) непосредственного интереса этого государства»⁶⁰. Исследователи также обозначают универсальную юрисдикцию как обязанность государств, вытекающую из его участия в том или ином международном договоре, хотя в других случаях классифицируют ее как право⁶¹.

Г.А. Королёв причисляет универсальную юрисдикцию к видам юрисдикции общего международного права, где соотношение категории и разновидности основано на связи родового и видового понятий. Исходя из этого подхода, все, присущие ей категории, относятся и к ее видам»⁶².

В этой связи правомочными являются споры относительно сферы применения универсальной юрисдикции. Так, Л. Татаринич в рамках дискуссии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам охвата и применения принципа универсальной юрисдикции, сказала следующее: «В контексте обзора национальных законодательств по этому вопросу подчеркиваем сложную взаимосвязь национального законодательства и международного права, регулирующих вопросы универсальной юрисдикции. Исходим из того, что отражению в национальных законодательствах элементов универсальной

---

⁵⁹ Restatement (Third) of the Law of Foreign Relations of the United States, paragraph 401, intro (1987).

⁶⁰ Додонов В.Н., Четвертакова Е.Ю. Принцип универсальной юрисдикции в уголовном праве России и зарубежных стран и механизмы его реализации. – М., 2017. – С. 6.

⁶¹ См.: Додонов В.Н., Четвертакова Е.Ю. Указ. соч. – С. 6.

⁶² Королёв Г.А. Универсальная юрисдикция государств в отношении серьёзных нарушений норм международного права: основания применения и порядок осуществления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 6.

юрисдикции должно предшествовать соответствующее международно-правовое закрепление данного вопроса применительно к конкретным видам преступления. Такой подход позволит, в частности, обеспечить реализацию принципа верховенства права в контексте универсальной юрисдикции»⁶³.

А.Р. Каюмова утверждает факт нерационального лимитирования потенциала универсальной юрисдикции при закреплении ее норм в международных договорах. Исследователь предлагает пересмотреть положения уголовных кодексов, которые связаны с универсальной юрисдикцией, поскольку активизируется тенденция признания *opinion juris* отдельных преступлений правонарушениями по общему международному праву⁶⁴.

А.Н. Лавлинская признает универсальную юрисдикцию уникальным правовым явлением, поскольку «доктрина этой юрисдикции исходит из того, что некоторые преступления настолько опасны для каждого государства в отдельности и мирового правопорядка в целом, что их исполнители не должны избежать ответственности, даже апеллируя к принципу уважения государственного суверенитета и нерушимости границ»⁶⁵.

Отдельная когорта работ презюмирует идею об экстраординарности ситуаций, где должна быть применена уголовная юрисдикция. Ученые настаивают на ее привязке исключительно к международным правонарушениям; более того, «в это поле должны попасть прецеденты, когда государство не желает или не может осуществить юрисдикцию по данным преступлениям, хотя по традиционным основаниям должно это сделать»⁶⁶.

Н.А. Ушаков продвигает идею о договорном характере универсальной юрисдикции: «По международному праву, то есть по соглашению между

---

⁶³ Выступление заместителя начальника главного договорно-правового управления МИД Беларуси Людмилы Татаринич в рамках дискуссии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам охвата и применения принципа универсальной юрисдикции, г. Нью-Йорк, 21 октября 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/print/press/statements/ef4b21bc99d5d9de.html> (дата обращения: 20.12.2021).

⁶⁴ См.: Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2016. – С. 12.

⁶⁵ Лавлинская А.Н. Универсальная юрисдикция и принцип «*aut dedere aut judicare*» в международной борьбе с морским пиратством / А.Н. Лавлинская // Евразийский юридический журнал. – 2011. – №1 (32). – С. 46.

⁶⁶ Дмитриевский С. Международное уголовное право / С. Дмитриевский // Вестник международного уголовного правосудия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mup-info.com/mup/book/genocid> (дата обращения 20.12.2021).

государствами, в порядке исключения может устанавливаться экстерриториальная, универсальная, уголовная юрисдикция любого государства (или государства-участника соглашения) в отношении некоторых преступлений, независимо от места их совершения и подданства преступника»⁶⁷.

Предлагаемое положение не вызывает особых разночтений, поскольку демонстрирует сущность принципа универсальной юрисдикции. Конструктивное межгосударственное сотрудничество сосредоточено не на связи конкретной страны и(или) ее подданных с преступным деянием, а исключительно на осуждении самой природы международных преступлений.

Важно отметить, что благодаря введению международного обычного права, в XVII веке началась активная борьба с пиратством посредством универсальной юрисдикции, которую позже стали применять в отношении других преступлений, таких как пытки, геноцид, военные преступления, преступления против человечности и т.д.

Подчеркнем, что международные соглашения используют дуальный подход к применению универсальной юрисдикции, то есть отдельные государства наделяются правом ее осуществлять или не осуществлять, а для других стран это становится обязательным – принудительная юрисдикция. Например, в рамках промежуточной апелляции боснийского серба Душко Тадича Международный трибунал по бывшей Югославии отметил факт «принуждения договаривающихся государств к универсальной юрисдикции со стороны Женевских конвенций от 12 августа 1949 г.»⁶⁸. Другим эпизодом с аналогичным контекстом стало решение Гаагского Окружного суда (2005 г.) по делу двух афганских офицеров, нарушивших условия Женевских конвенций и Конвенции против пыток 1984 г.⁶⁹.

---

⁶⁷ Ушаков Н.А. Основания международной ответственности государств. – М.: Международные отношения, 1983. – С. 28.

⁶⁸ Международный трибунал по бывшей Югославии. Решение Апелляционной камеры по делу Тадича от 2 октября 1995 г., пар. 79.

⁶⁹ См.: Case against Heshamuddin Hesam and Habibulla Jalalzoy, Hague District Court, 14 October 2005; Case No. 09/751004-04; Ссылка дана по: After Pinochet: developments on head of state and ministerial immunities; by Dame Rosalyn Higgins. QC, President of the International Court of Justice. – 26 June 2006. – The ICLR Annual lecture, 2006. – P. 11.

Помимо двух упомянутых Конвенций, универсальную юрисдикцию обязывают применять Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений от 20 декабря 2006 года⁷⁰ и ряд договоров по борьбе с терроризмом.

Подчеркнем, что гибридные или международные суды являются действенным механизмом осуществления государством универсальной юрисдикции в отношении международных преступлений. Вторым способом в этом направлении может стать наделение национальных судов этими полномочиями. Данные формы применения универсальной юрисдикции можно обобщенно номинировать международной юрисдикцией.

Со времен Второй мировой войны универсальная юрисдикция применяется достаточно активно: прецедент Адольфа Эйхманна в Израиле; европейские практики по боснийским (МУТЮ) и руандийским ответчикам (МУТР); дело Аугусто Пиночета в Испании и Великобритании, дело Хиссена Хабре в Сенегале и другие.

Рассматривая все пробелы в юрисдикционном охвате данного принципа, С.А. Раджабов рассуждает следующим образом: «Вопрос того, перевесят ли выгоды универсальной юрисдикции ее затраты, нужно решать в свете тех контекстов, в которых универсальная юрисдикция будет последним и единственным средством. Альтернативой универсальной юрисдикции в таких случаях было бы отсутствие уголовного преследования. Это, по-видимому, привело бы к неудовлетворительной оценке практик правосудия и, следовательно, обусловила тенденцию применения неправовых средств в вопросе решения международных споров»⁷¹.

Обобщая различные подходы к определению универсальной юрисдикции, прежде всего, хотелось бы обратить внимание на сложность этой проблемы. Преступление, подпадающее под универсальную юрисдикцию, непременно

---

⁷⁰ Статья 9 (3). Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений от 20 декабря 2006 г. Принята резолюцией 61/177 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 2006 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disappearance.shtml (дата обращения: 20.12.2021).

⁷¹ Раджабов С.А. Универсальная юрисдикция в международном уголовном праве. – Душанбе: Дониш, 2016. – С. 169.

должно стать предметом судебного разбирательства в любом суде, при любых обстоятельствах и в соответствии с принятыми принципами международного уголовного права. Мировая практика демонстрирует многочисленные примеры признания комплексности этого юридического феномена и склоняется к рациональности, стремясь ввести универсальную юрисдикцию в практику международных и национальных судов.

Универсальная юрисдикция, будучи особым видом экстерриториальной юрисдикции, появилась как результат эволюционной модели развития, закрепленной в многочисленных договорах по борьбе с международными и транснациональными преступлениями. Другие виды экстерриториальной юрисдикции определяет «персональная» корреляция юрисдикции и преступления (через территорию, своих граждан, преступника и/или жертвы, свои законные/национальные интересы). Универсальная юрисдикция не представлена ни в одной из проекций этой корреляции; здесь государство устанавливает свою юрисдикцию в соответствии с международным правом и из факта всеобщего осуждения данного преступления. Главной целью универсальной юрисдикции является привлечение преступника к ответственности, а вопрос в том, какое государство будет судить преступника.

Национальные законодательства достаточно активно применяют практику универсальной юрисдикции⁷². Так, правозащитная организация «Human Rights Watch» указала на то, что «юридические реформы в Бельгии ненадолго задержали западно-европейскую тенденцию 2000-х гг. по активному применению универсальной юрисдикции, которая впоследствии была безоговорочно принята рядом европейских государств»⁷³.

Совет Европейского Союза по правосудию и внутренним делам в 2003 году вынес запрет участникам геноцида, военным преступникам и лицам, совершившим преступления против человечности, не только на проживание в европейских странах, но и въезд на их территорию. Более того, Совет призвал

---

⁷² См.: Хенкерте Ж.М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право: в 2-х т. Т. 1. – М.: МККК, 2006. – С. 776-777.

⁷³ Пресс-релизы. Новости в мире (2003) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hrw.org/legacy/russian/press/2003/world.html> (дата обращения: 16.04.2021).

все страны мира как на национальном уровне, так и в контексте межгосударственного взаимодействия к организации и проведению судебных преследований в отношении этих лиц»⁷⁴.

За год до этого громкого заявления Советом была создана сеть национальных центров по сбору информации о международных преступлениях и процедурах их расследований⁷⁵. Такой подход позволил внедрить принципы универсальной юрисдикции в реальную судебную практику и сделать ее неотъемлемой частью системы уголовного права в некоторых западноевропейских странах⁷⁶.

Сегодня, спустя более 20 лет с момента введения этих инициатив, около 120 государств скорректировали свои национальные законодательства на предмет включения в них какой-либо из форм универсальной юрисдикции⁷⁷. Однако некоторые сложности все-таки сохраняются, поскольку различия законодательных механизмов не позволяют унифицировать принципы применения универсальной юрисдикции.

Обращаясь к историческому аспекту, важно отметить, что благодаря РС МУС и Специальным трибуналам ООН, по делу Эйхманна была осуществлена универсальная юрисдикция и его рассматривал национальный суд. Это положило начало новой тенденции, яркими примерами которой можно считать целую серию уголовных дел: Аблбреча и Рохрига (Нидерланды), Савоньюка (Великобритания), Сарича (Дания), Джаджича, Джоргича, Соколовича и Куслджича (Германия), Финта (Канада), Польюковича (Австралия); за военные преступления были заведены дела на Грабежа и

---

⁷⁴ Council Decision 2003/335/JHA of 8 May 2003 / Official Journal L 118. – 14/052003. – P. 0012-0014; Preambular paras. 1.6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu.int/eurlex/pri/en/oj/dat/2003/1184_11820030514en001 (дата обращения: 16.04.2021).

⁷⁵ См.: Decision 2002/494/INA of 13 June 2002 / Official Journal L 167. – 26/06/2002. – P. 0001-0002 (retrieved January 2006) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu.int/eurlex/pri/en/o/dat/2002/1_1674_16720020626En000 (дата обращения: 16.04.2021).

⁷⁶ См.: Universal Jurisdiction in Europe. – Human Rights Watch, June 27, 2006. Introduction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrw.org/en/node/11297/section/2> (дата обращения: 16.04.2021).

⁷⁷ См.: Amnesty International, Universal Jurisdiction: The Duty of States to Enact and Enforce Legislation (2001) n, 38 ch. 4A [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.amnesty.org/library/index/ENGIOR530022001> (дата обращения: 16.04.2021).

Нийонтезе (Швейцария), Мунешхаяка (Франция), Бугаре (Бельгия), Кнешвича (Нидерланды)⁷⁸.

В качестве примера приведем судебное разбирательство в национальном суде Нидерландов по делу 76-летнего Абдул-Раззака Арифа – бывшего начальника главной афганской тюрьмы Пули-Чархи, обвиненного в ряде военных преступлений в Кабуле, в частности незаконных задержаниях граждан и жестоком обращении с заключенными⁷⁹. Судебный процесс закончился 14 апреля 2022 г. приговором к 12 годам тюремного заключения за военные преступления и пытки заключенных.

Сам факт того, что это судебное разбирательство состоялось и завершилось тюремным приговором доказывает эффективность универсальной юрисдикции. Именно благодаря этому принципу, виновные в преступлениях особой тяжести, все-таки понесли наказание, несмотря на то, что эти деяния были совершены в другой стране. Более того, осуществлению универсальной юрисдикции не препятствовало государство подданства осужденных.

Изложенное позволяет утверждать, что несмотря на наличие постоянно действующего МУС, в вопросе преследования международных преступлений именно национальные суды считаются эффективным механизмом и на практике доказывают свою состоятельность в этом аспекте. Между тем правовой статус МУС относит национальный суд и другие международные судебные учреждения к государственным органам с соответствующим набором полномочий. В целом же практика государств по наделению своих национальных судов универсальной юрисдикцией в отношении международных преступлений показывает, что основанием для принятия такого решения служат нормы обычного права.

---

⁷⁸ См.: Хенкерте Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право: в 2-х т. Т. I. – М.: МККК, 2006. – С. 777, прим. 195; с. 780, прим. 207.

⁷⁹ См.: В Голландии посадили на 12 лет экс-начальника афганской тюрьмы Пули-Чархи, якобы люто пытал моджахедов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1650193260> (дата обращения: 17.04.2022).

ГЛАВА II. ИСТОКИ ПРИНЦИПА УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ И РОЛЬ СУДЕБНЫХ ПРЕЦЕДЕНТОВ В ЕЕ ДАЛЬНЕЙШЕМ РАЗВИТИИ

2.1. Истоки появления принципа универсальной юрисдикции

Первые упоминания о применении принципа универсальной юрисдикции датированы первым веком до н.э. История отсылает нас к актам пиратства, совершенным в Римской Империи. В знаменитых трудах Цицерона пираты были приравнены к «*hostis humani generis*» (врагам всего человечества). В средние века голландский ученый и дипломат Гуго Гроций (1583-1645 гг.), известный как «отец» современного международного права, обращаясь к воззрениям Аристотеля и Цицерона, разработал концепцию свободы открытого моря, которая обязывала государство флага морского судна, пострадавшего от пиратов, осуществлять юрисдикцию в отношении нападавших.

Дальнейшее развитие принципа универсальной юрисдикции складывалось посредством сближения национальных законодательств прибрежных государств. Эта кооперация инициировала включение новой нормы в международное обычное право: «Любое государство уполномочено судить людей, подозреваемых в пиратстве, независимо от их гражданства и места совершения преступлений».

Второй этап в формировании общего универсального принципа, основанного на сотрудничестве, связан с решением итальянских городов-государств устанавливать юрисдикцию со ссылкой на место проживания преступника и местом совершения преступления.

Для континентальной Европы и бывших европейских колоний XIX век и первая половина XX века стали периодом полновесной кодификации национального законодательства. В общепринятую практику стали вводиться многосторонние международные конвенции, что ознаменовало реформу уголовно-правовой сферы, в рамках которой было принято международное право и открыты международные научные и институциональные учреждения, утверждались резолюции, проекты статей и докладов по уголовной юрисдикции.

Так, на сессии 1883 года в Мюнхене была принята резолюция, которая наделяла государство, задержавшее преступника, полномочиями начать судебное разбирательство по его делу в двух случаях: а) экстрадиция преступника в государство его гражданства не возможна или рассматривается опасной, б) если место преступления не может быть установлено. От судов же требуется учет законодательных норм для принятия объективных решений.

События Второй мировой войны стали веским поводом для кардинального пересмотра норм международного уголовного права. Результатом этого пересмотра стал Нюрнбергский процесс, который доказал состоятельность общего международного права в уголовном преследовании несмотря на давность совершенного преступления. Это решение инициировало переход от изучения национальных правовых систем в сфере юрисдикции к материально-правовым нормам международного уголовного права. Международные договоры и одноименная доктрина детально дифференцируют типы преступлений на предмет масштабов их территориальной угрозы. Из этого следует, что применение универсальной юрисдикции в расследовании новых категорий преступлений стало предпосылкой создания Международного уголовного суда.

Особая роль в идентификации сущности так называемой «чистой» или «абсолютной» универсальной юрисдикции отводится делу Эйхманна – заведующему отделом Гестапо по вопросам евреев и эмиграции в государственной тайной полиции в нацистской Германии. Существенное значение в этом разрезе имеет решение Верховного суда Израиля об универсальном характере расследования по делу о геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности. Г.А. Королев, например, называет это дело «образцом универсальной юрисдикции», а государство, ее осуществившим, – «агентом мирового сообщества, поддерживающим всеобщую безопасность и мир»⁸⁰.

---

⁸⁰ Королев Г.А. Универсальная юрисдикция государств в отношении серьезных нарушений норм международного права: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 52-53.

Универсальная юрисдикция формировалась при активном участии международного сообщества в части принятия, подписания и ратификации Уставов международных военных трибуналов (Нюрнберг и Токио) от 1945 г., Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним от 8 июня 1977 г., статуты Международных военных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде и др. В частности, Женевские конвенции 1949 г. обязывают государств-участников «разработать законодательство для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения» (ст. 40, 50, 129 и 146 I-IV Женевских конвенций соответственно).

Подчеркнем, что Уголовный Кодекс Республики Таджикистан от 1998 года соответствует требованиям МГП, а в 1999 г. Республика Таджикистан присоединилась к Женевским конвенциям о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. и Дополнительным протоколам к ним от 8 июня 1977 г. Здесь же важно обратить внимание на то, что УК РТ имплементировал положение МГП, указанное в ст. 50 Женевской конвенции I, ст. 51, Женевской конвенции II, ст. 130, Женевской конвенции III, ст. 147, Женевской конвенции IV и в ст. 11 и 85 Дополнительного протокола 1. Все эти положения отражены в главе 34, разделе XV УК РТ.

Следующий этап развития принципа универсальной юрисдикции связан с двумя документами, принятыми в первой половине 2000-х – Принстонские принципы универсальной юрисдикции (2001 год) и Резолюция по принципу универсальности Института международного права (2005 год).

В январе 2001 года в Принстоне (штат Нью-Джерси, США) в рамках проекта Принстонского университета была разработана система принципов универсальной юрисдикции, призванная усовершенствовать законодательство в этой сфере.

Примечательно и то, что данные Принципы, состоящие из 14 положений, были адресованы широкому кругу лиц:

- «законодателям, которые стремятся к обеспечению соответствия национального законодательства международному праву;
- судьям, чья деятельность направлена на объективную интерпретацию и применение международного права и анализ национального законодательства на предмет его соответствия международно-правовым обязательствам;
- правительственным должностным лицам всех уровней, осуществляющим свои полномочия как по национальному, так и по международному праву;
- неправительственным организациям и членам гражданского общества, борющимся за укрепление международного уголовного правосудия и за права человека;
- гражданам, которые стремятся к более глубокому пониманию сущности международного права и международно-правового порядка»⁸¹.

Содержание этого документа во многом схоже со статьями Римского статута Международного уголовного суда и представляет современную интерпретацию вопросов универсальной юрисдикции. Считаем целесообразным рассмотреть сущностные характеристики некоторых принципов.

Принцип 1 ориентирован на идентификацию оснований универсальной юрисдикции. Утверждается, что именно характер преступления (а не его связь с каким-либо государством) определяет основание для выбора этой юрисдикции и условия ее применения, а также экстрадиции лица, нарушившего нормы международного права. Принцип также обязывает государство соблюдать Конвенции о правах человека в контексте уголовного судопроизводства.

Принцип 2 содержит реестр подпадающих под универсальную юрисдикцию международных преступлений: 1) военные преступления; 2) геноцид; 3) преступления против мира; 4) преступления против человечности; 5) пытки; 6) пиратство; 7) работорговля. Этот же принцип указывает на

---

⁸¹ Горюнова Е.А. Значение принстонских принципов универсальной юрисдикции в международном уголовном праве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/21601/1/goryunova_BMW_2010.pdf (дата обращения: 02.06.2021).

эффективность универсальной юрисдикции при судебных разбирательствах в рамках других уголовных дел.

Принцип 3 обязывает национальные суды применять универсальную юрисдикцию, независимо от наличия/отсутствия данной нормы в законодательстве страны.

Принцип 4 регламентирует применение универсальной юрисдикции. В этой части документа оговаривается целый ряд факторов, в частности степень соответствия международным стандартам и требованиям уголовного судопроизводства. Отдельным пунктом затрагивается содержание партнерских межгосударственных соглашений на предмет формирования доказательной базы и предоставления (в случае необходимости) правовой помощи.

Принцип 5 запрещает освобождать лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности ввиду его высокого должностного статуса. Должность преступника также не должна стать поводом для смягчения приговора.

Временной характер универсальной юрисдикции определяется в Принципе 6, в частности отменяются сроки давности к данной категории преступлений, в связи с чем государству предписывается исходить из идеи неотвратимости наказания за совершение международных преступлений и необходимости судебного преследования виновных лиц согласно международным обязательствам государств и требованиям национального законодательства. Здесь же подчеркивается факультативный характер универсальной юрисдикции, что связано с неэффективностью национальной юрисдикции.

Принцип 7 воспрещает применять амнистию к лицам, нарушившим нормы международного права.

По мнению многих исследователей, Принцип 8 представляет особую практическую ценность, поскольку позволяет исключить возможные разночтения национальных юрисдикций. Так, универсальная юрисдикция при решении вопроса «судить либо экстрадировать» обязывает государство

руководствоваться такими параметрами, как: страна совершения преступления; подданство преступника/жертвы, а также их связь с государством, подавшим запрос; принципы (например, лояльность, объективность) судопроизводства запрашивающего государства; договорные обязательства и пр.

Вопрос о коллизиях национальных юрисдикций отличается комплексным характером, и этот принцип может играть решающую роль при решении внутренних противоречий многих современных концепций, недочетов уже налаженных механизмов межгосударственного взаимодействия по четкому перечню преступлений, осуждению *in absentia*, а также по вопросам, связанным с применением принципа к лицам, обладающим привилегиями и иммунитетами.

Отмеченные недостатки и недобросовестность в отдельных случаях в ходе реализации универсальной юрисдикции подрывают ее концептуальную основу – обеспечение верховенства права и неотвратимости наказания за международные преступления. Здесь предметом особой озабоченности становится рациональной стабилизации многих важных факторов, в частности а) равноправие и суверенное равенство прав больших и малых наций (по Уставу ООН), б) невмешательство во внутренние дела друг друга, в) принцип неотвратимости наказания за преступление и другие.

Двойное вменение составило содержание Принципа 9, который контролирует процедуру применения универсальной юрисдикции на предмет недопустимости повторного наказания, если в первый раз расследование и приговор были объективными и отвечали международным стандартам.

Принцип 10 позволяет не экстрадировать преступника при наличии даже малейшего риска необъективного судебного расследования и применения смертного приговора, пыток или других жестоких или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Принцип 11 дает основания сделать универсальную юрисдикцию частью национальных законодательствах стран, сохранив ее функциональный паритет.

Благодаря Принципу 12, положения универсальной юрисдикции могут включаться во все документы, регламентирующих судебные разбирательства по международным преступлениям.

Содержание Принципов 13 и 14 требует повышенного чувства ответственности и следования принципам конструктивизма при разрешении возникающих противоречий⁸².

Обратим внимание на то, что участники Проекта настаивают на недогматической природе Принципов и не предлагают рассматривать его нечто, препятствующее развитию универсальной юрисдикции. Однако несмотря на эту ремарку, можно вести речь об очевидной доктринальности Принстонских принципов; более того, они могут считаться фундаментальной основой при разработке списка индикаторов для резолюции по универсальной юрисдикции.

Однако Принципы являются не единственным источником, который имеет высокую практическую значимость. К данной категории трудов следует отнести и резолюцию Института международного права об использовании универсальной юрисдикции (2005 г.). В Преамбуле постановления освещается ее целевая парадигма – защита жизни, достоинства и физической неприкосновенности человека. Поправление этих фундаментальных ценностей или содействие другим международным преступлениям предполагает уголовное преследование.

В уголовно-правовом срезе универсальная юрисдикция – это уголовное преследование правонарушителей и вынесение им приговора безотносительно таких оснований международного права, как территория преступления и персональные принципы (активный/пассивного)⁸³. Более того, она представляет собой дополнительное основание для преследования и наказания предполагаемого правонарушителя через призму активного персонального принципа. Традиционно такой подход восходит к международному обычному

---

⁸² См.: Принстонские принципы универсальной юрисдикции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hrlibraryngo.ru/instree/princeton.html>. (дата обращения: 01.06.2021).

⁸³ См.: Институт международного права // Ежегодник. – Том 71 (2005). Сессия в Кракове (2005 год). – Часть II. – С. 297 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.idi-iil.org (дата обращения: 02.06.2021).

праву; на его принципы ссылаются при разработке многосторонних договоров; значимо их присутствие в клаузулах, которые утверждают право государства-участника на экстрадицию или суд предполагаемого правонарушителя в случае, если последний находится на его территории.

Все рассмотренные положения свидетельствуют о том, что международные преступления могут преследоваться в рамках национального или же внутреннего правопорядка. Для их предотвращения государства вправе принимать специальные законы⁸⁴, создавать специальные суды, а также использовать универсальную юрисдикцию. С другой стороны, преступников могут преследовать непосредственно в рамках международного правопорядка, то есть международными уголовными судами и создаваемыми при них следственными органами.

Параграф 3 Резолюции фокусируется на специфике универсальной юрисдикции в отношении лиц, совершивших международные преступления – геноцид, преступления против человечности и нарушивших Женевские конвенции от 12 августа 1949 года. В частности, оговариваются различия процедуры следственных действий и экстрадиции, утверждается факт обязательно личного присутствия подозреваемого на территории или на борту воздушного/морского судна государства, которое осуществляет такую юрисдикцию.

Параграф 4 Резолюции требует соблюдения международных стандартов в области прав человека и гуманитарного права.

Резолюцией регламентируются и порядок взаимодействия государств в рамках следственных действий. При этом в Параграфе 6 указывается на недопустимость нанесения ущерба иммунитетам, установленным согласно международному праву.

Ввиду отсутствия на сегодняшний день универсального международного договора о применении универсальной юрисдикции обстоятельства, и специфика обращения к ее нормам регламентируются международным обычным правом и особенностью судебных практик. В этой связи

---

⁸⁴ Германский Кодекс преступлений против международного права 2002 г. и др.

рассмотренные выше документы (Принципы и Резолюция) представляют собой ценнейший ресурс по развитию этого института в международном праве, потому как в них закреплены условия правомерности универсальной юрисдикции и перечень преступлений, подпадающих под ее действие.

2.2. Роль судебных прецедентов в развитии принципа универсальной юрисдикции

В Статуте Международного суда ООН (ст. 38) за судебными решениями и доктринами по публичному праву закреплен статус дополнительного ресурса по введению и закреплению правовых норм, что свидетельствует о «второстепенном характере практики по принятию решений Международным судом ООН»⁸⁵. Речь идёт об отдельных судебных решениях по конкретным делам, которые не регулировались нормами международного права.

В этой связи достаточно спорным является утверждение о не прецедентном характере приговоров при рассмотрении аналогичных дел⁸⁶. Между тем принципами аналогии могут руководствоваться и Международные суды. Однако, по мнению В.Л. Толстых, их роль не должна недооцениваться: «в некоторых случаях норма международного права фактически бездействует до ее подтверждения судом»⁸⁷.

Так, принцип универсальности, примененный к военным преступлениям и преступлениям против человечности в ходе Нюрнбергского процесса, привлек наше внимание к делам Эйхманна (Eichmann) и Ивана Демьянюка, которые рассматривали в суде города Иерусалима, затем – в Верховном Суде Израиля в 1962 году⁸⁸.

---

⁸⁵ Международное право: учебник / Под общ. ред. А.Я. Капустина. – М. Гардарики, 2008. – С. 83.

⁸⁶ См.: Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. – М.: Международные отношения», 2022. – С. 642.

⁸⁷ Толстых В.Л. Указ. соч. – С. 227.

* Адольф Эйхманн (1906-1962) – немецкий офицер, зав. отделом Гестапо, отвечавшим за «окончательное решение еврейского вопроса», непосредственно ответственный за массовое уничтожение евреев во время Второй мировой войны. После войны скрылся от суда в Аргентине. Агенты израильской разведки «Моссад» выследили его, похитили и вывезли в Израиль, где он был приговорён к смерти через повешение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Эйхманн,_Адольф (дата обращения: 02.06.2021).

**Иван Николаевич Демьянюк (1920-2012) – бывший гражданин СССР и США украинского происхождения, признанный виновным в военных преступлениях, которые он совершил, будучи охранником в нескольких нацистских концлагерях во время Второй мировой войны. В 1986 году Демьянюк был выдан Израилю, где его приговорили к смертной казни за убийство евреев. Однако Верховный Суд Израиля отменил приговор, и Демьянюк вернулся в США. В 2009 году американские власти экстрадировали Демьянюка в Германию, где его также подозревали в сотрудничестве с нацистами. Прокуратура Мюнхена предъявила ему обвинения в причастности к убийству 27900 заключенных-евреев в Собиборе. Весной 2011 года Демьянюка приговорили к

Судебные прецеденты Адольфа Эйхманна и Ивана Демьянюка отличаются несколькими важными признаками. Во-первых, преступления были совершены не на территории Израиля; во-вторых, в эти дела не были вовлечены (в принятом юридическом смысле) подданные Израиля, так как во время совершения преступных действий самого Израиля как государства не существовало. При установлении своей юрисдикции Верховный Суд Израиля заявил, что все совершенные преступления носят международный характер, а их негативные последствия потрясли все международное сообщество. В этой связи государство Израиль обязано судить апеллянтов в соответствии с принципом универсальной юрисдикции, независимо от факта несуществования государства Израиль на период совершения этих деяний⁸⁹.

Верховный Суд Израиля заключил, что независимо от действительного существования государства на тот период времени, оно могло предпринять действия по защите интересов всех наций в вопросе поиска и наказания лиц, совершивших такие преступления.

Суд над Эйхманном подтвердил правомерность применения универсальной юрисдикции по этому делу. Свое решение суд обосновал результатами послевоенных разбирательств: «Правда есть. Это подтверждает наше заключение о том, что применение Израилем принципа универсальной юрисдикции над Эйхманном вполне оправдано. Более того, это обращение к этому принципу при вынесении приговора за серьезное международное преступление расширило его (принципа) границы, выводя за рамки дел о пиратстве»⁹⁰. А отсутствие положений данного принципа в договорных обязательствах при вынесении судебных решений по преступлениям против человечности не создало преграды для обозначения универсальной юрисдикции неотъемлемой частью международного обычного права. Так,

---

пяти годам лишения свободы, но тут же его освободили из-за слабого здоровья. С тех пор он жил в доме престарелых и скончался 17 марта 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Демьянюк,_Иван_Николаевич (дата обращения: 02.06.2021).

⁸⁸ См.: Att. Gen. of Israel v. Eichmann, 36 I.L.R. 277 (Isr. S. Ct 1962). District Court of Jerusalem, The State of Israel v. Adolf Eichmann. – Case No. 40/61. – 11 December 1961; Supreme Court of Israel, Adolf Eichmann v. The Attorney General, Criminal Appeal 336/61. – 29 May 1962.

⁸⁹ См.: Att. Gen. of Israel v. – Eichmann, 36 I.L.R. 277 (Isr. S. Ct 1962). – P. 304.

⁹⁰ Att. Gen. of Israel v. – Eichmann, 36 I.L.R. 277 (Isr. S. Ct 1962). – P. 300; 304.

применяя универсальную юрисдикцию, позволившую по суду преследовать Эйхманна за преступления против человечности, Верховный Суд Израиля опирался и на прецеденты послевоенных судебных разбирательств, в том числе и по аналогии с пиратством⁹¹.

Важно отметить, что по делу И. Демьянюка апелляционный суд Соединенных Штатов Америки подтвердил универсальную юрисдикцию по предполагаемому нацистскому военному преступнику даже при том, что его преступления были совершены до того, как Израиль стал государством. Судом было отмечено следующее: «Ни национальность обвиняемого или жертвы, ни место преступления не существенно. Основное предположение – это то, что преступления являются нарушениями против права народов или против человечности, и что страна преследования по суду действует от имени всех стран. Это может быть Израиль или любая другая страна независимо от ее состояния в 1942 или 1943 году, которая может обязать защищать интересы всех наций и наказывать лиц, совершивших такие преступления»⁹².

Особый исследовательский интерес представляет судебный прецедент по делу Аугусто Пиночета. Согласно исторической справке в октябре 1998 г. генерал Аугусто Пиночет, военный диктатор Чили, который находился у власти с 1973 по 1990 гг., был арестован в лондонской клинике по распоряжению испанского суда. С 1996 г. суд, действующий по испанскому закону⁹³ и разрешающий универсальную юрисдикцию по определенным преступлениям, изучал дела высших чилийских и аргентинских военных руководителей, их роль в убийстве, исчезновении и пытках тысяч реальных или предполагаемых противников по Южной Америке.

Дело Пиночета и связанные с ним дела, которые рассматривались в испанских и других европейских судах, представляют аутентичный ресурс,

---

⁹¹ См.: 776 F.2d 571 (6th Cir. 1985), cert. denied, 475 US 1016 (1986).

⁹² Ibid. – PP. 582-583.

*Аугусто Хосе Рамон Пиночет Угарте (1915-2006 гг.) – чилийский государственный и военный деятель, генерал. Пришёл к власти в результате военного переворота 1973 года, свергнувшего социалистическое правительство президента Сальвадора Альенде. Председатель Правительственной хунты Чили (1973-1981), президент и диктатор Чили в 1974-1990 годах. Главнокомандующий вооруженными силами Чили (1973-1998) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пиночет,Аугусто> (дата обращения: 04.07.2021).

⁹³ См.: Ley Orgánica 6/1985, de 1 de julio, del Poder Judicial, art. 23(4) (1985).

позволяющий определить преимущества и недостатки универсальной юрисдикции. Полагаем, что в этом срезе необходимо сосредоточиться на нескольких важных аспектах: 1) на юрисдикционном основании испанского и других европейских исков и значениях этого основания в национальном праве; 2) на результатах и значении испанских прецедентов, в частности в пределах Чили и Аргентины; 3) на некоторых специфических факторах, повлиявших на относительный успех испанских судебных преследований.

Представляется уместным указать, что эти дела оказались в судопроизводстве с момента подачи жалобы членами испанского объединения «Прогрессивные обвинители» в апреле 1996 г. Суть жалобы составляло «обвинение членов аргентинской военной хунты в геноциде, терроризме и других преступлениях относительно задержания и последующего исчезновения многих испанских граждан и граждан испанского происхождения, которые жили в Аргентине в течение 1970-х годов⁹⁴.

Уголовные дела были зарегистрированы в соответствии с испанскими законами, которые позволяли организовать публичный процесс и разрешали подавать уголовные жалобы даже без поддержки государственной прокуратуры. Таким образом, группа ссыльных и активистов в области прав человека при поддержке испанской политической партии «Объединенные левые» и профессиональных ассоциаций смогла инициировать судебное преследование без государственного на то согласия, но заручившись обещанием правительства не вмешиваться в дела независимой судебной власти собственной страны.

Так, статья 23.4 испанского Закона о судах 1985 года⁹⁵ позволяет преследовать по суду испанских и неиспанских граждан за преступления (геноцид, терроризм и нарушения международного права, закрепленные в соглашениях, ратифицированных Испанией), совершенные за пределами Испании. В такой формулировке этот закон могут использовать для защиты жертвы-представители любой национальности. Согласно Закону

---

⁹⁴ См.: Spanish National Court (Audiencia Nacional), Case 19/97 (Judge Garzon) and Cast 1/98 (Judge Garcia-Castellon) (1998).

⁹⁵ См.: Ley Orgánica 6/1985, de 1 de julio, del Poder Judicial, art. 23(4) (1985).

рассмотрение этого дела было возложено на Национальную судебную палату Испании (Audiencia Nacional), которая имела юрисдикцию по международным преступлениям⁹⁶. Судья Балтазару Гарзон, который вел дело, принял жалобу, создал следственную группу, отправил запросы в Аргентину на документы и свидетельские показания.

Однако аргентинское правительство отказалось от содействия, расценив эти действия как нарушение своего суверенитета, несмотря на испанско-аргентинское соглашение о судебном сотрудничестве. В 1998 г. судья Гарзон выдал международный ордер на арест отставного генерала Галтири и девяти других аргентинских чиновников, позже расширив обвинительные акты и ордера, охватив ими более 100 чиновников.

По закону Испании, в отличие от законов других европейских государств, запрещается проводить судебный процесс заочно, то есть в отсутствие обвиняемого. И первый обвиняемый, отставной морской капитан Адольфо Шилинго, был доставлен в суд сразу по прибытии в Мадрид для дачи свидетельских показаний. Шилинго, который признался в том, что выбрасывал заключенных живыми из самолетов в море, был задержан в Испании в октябре 1997 г.

Другой обвиняемый, Мигуэль Ангэль Каволло, был задержан в Мексике по испанскому ордеру и экстрадирован в Испанию.

В мае 1996 г. было открыто второе уголовное дело по обвинению генерала Пиночета и других его соратников в убийстве и исчезновении чилийцев. Судьей был назначен Мануэль Гарсия Кастеллон, а судья Гарзон продолжал изучать материалы дела «Кондор» о скоординированных усилиях южноамериканских военных по убийству и исчезновению противников в Латинской Америке, Европе и Соединенных Штатах.

---

⁹⁶ Этот суд был создан в 1977 году, его юрисдикция распространялась на «преступления, совершенные людьми, принадлежащими к вооруженным группам или связанными с террористами или мятежниками, и на тех, кто таким образом сотрудничает с этими группами или отдельными людьми». В составе Audiencia Nacional имелось шесть следственных магистратов и столько же палат по уголовным делам, каждый контролировался группой из трех профессиональных судей.

Позже эти два дела объединили в одно, и судья Гарзон, который вел это дело, выписал ордер на арест и отправил запрос о выдаче генерала Пиночета, когда тот прибыл в Лондон на лечение.

Примечательно, что известны два решения Палаты лордов Великобритании об отмене неприкосновенности Пиночета, позволившие его экстрадировать⁹⁷. Свои решения суд обосновал, во-первых, отсутствием статуса неприкосновенности у бывшего главы государства, обвиняемого за международные преступления, включая пытки. Второе решение ускорило выдачу, но уменьшило число экстрадируемых лиц, обвиняемых в предполагаемом совершении пыток после 1988 г., когда Великобритания приняла законодательство по реализации положений Конвенции против пыток.

Вторым обоснование стало решение Апелляционной Палаты испанского Национального Суда (*Audiencia Nacional*), вынесенное одиннадцатью судьями⁹⁸, подтвердившими испанскую юрисдикцию в отношении аргентинских и чилийских дел.

Внутренние законы об амнистии не остановили испанских судей. В чилийских и аргентинских делах Национальный Суд признал факт геноцида части национальной группы, которая состояла из чилийцев, занимавших руководящие позиции, и аргентинцев, не разделявших взгляды военных о сущности понятия «нация». По замечанию Суда, отсутствие специального разрешения на универсальную юрисдикцию в Конвенции о геноциде 1948 г. не ставило запрет на применение такой юрисдикции.

В британских и в испанских решениях относительно целей универсальной юрисдикции упор был сделан на внутреннее, а не международное право, поскольку испанская юрисдикция разработана по букве и духу статьи 23.4 Закона о судах 1985 года. Тщательно выбиралась дата принятия

---

⁹⁷ См.: *Regina v. Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate, ex parte Pinochet Ugarte*, [1998] 3 W.L.R. 1456 (H.L.), reprinted in 37 LL.M. 1302 (1998); *Regina v. Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate, ex parte Pinochet Ugarte*, [1999] 2 W.L.R. 272 (H.L.), reprinted in 38 LL.M. 430 (1999); *Regina v Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate, ex parte Pinochet Ugarte*, [1999] 2 W.L.R. 827 (H.L.) [hereinafter House of Lords Decisions].

⁹⁸ См.: *Anto de la Salade lo Penal de la Audiencia Nacional confirmando la ju risdccion de Espana para conocer de los crimenes de genocidio y terrorismo comte-didos durante la dictadura chilena*, Nov. 5, 1998, Rollo de Apelacion 173/98.

законодательства, оговаривалась процедурность юрисдикции, степень ее применимости к определенным действиям, устанавливалась связь с более ранними испанскими законами, предусматривающими экстерриториальное судебное преследование. Суды говорили об универсальной юрисдикции, но обосновали свое решение внутренним законодательством.

Британская Палата лордов действовала аналогично и согласовывала многие спорные аспекты со своим законодательством, особенно в части осуществления Конвенции против пыток⁹⁹ для обоснования своей юрисдикции в отношении Пиночета. Британия также руководствовалась внутренним законом, а не международными конвенциями.

Палата лордов указала, что факт применения пыток как преступления, которое предполагает экстрадицию обвиняемого, должен быть учтен при датировании ратификации Великобританией Конвенции против пыток. Однако неоднозначность здесь просматривается в том, что пытки квалифицировались как международное преступление задолго до 1988 года¹⁰⁰. Такой подход был обозначен как инкорпорация Конвенции против пыток в британский закон, которая дала суду юрисдикцию, а не как ссылка на существовавшую норму обычного права.

В рамках этого уголовного дела испанский суд также сосредоточился на имплементации Конвенции о геноциде 1948 г. во внутреннее законодательство. Этот закон «первоначально предусматривал ссылку на социальные группы как одну из защищенных групп согласно определению геноцида»¹⁰¹.

Особенно актуальна в это плане корреляция национального и международного законодательства в отношении юрисдикционного производства в отношении международных преступлений. Считаем, что

---

⁹⁹ См.: Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984, ст. 19 п.17 // Действующее международное право: в 3-х томах. – Том 3 / Сост.: проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 38-50.

¹⁰⁰ См.: Regina v. Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate, ex parte Pinochet Ugarte, [1998] 3 W.L.R. 1456 (H.L.), reprinted in 37 L.L.M. 1302 (1998).

¹⁰¹ Anto de la Salade lo Penal de la Audiencia Nacional confirmando la jurisdiccion de Espana para conocer de los crimines de genocidio y terrorism comete didos durante la dictadura chilena, Nov. 5, 1998, Rollo de Apelacion 173/98.

необходимо сместить фокус на специфику инкорпорирования намерений международного права в национальное законодательство. Во многих случаях ратификация международного договора относительно прав человека или гуманитарного права не приводит к инкорпорации преступлений во внутренний уголовный кодекс, даже при том, что условия соглашения могут ее потребовать.

Что интересно, приблизительно половина государств, которые ратифицировали Конвенцию о геноциде¹⁰², внесли определение геноцида в свои уголовные кодексы. По вопросам пыток, однако, присутствуют некоторые разночтения. Законодательные органы убеждены в достаточности ратификации *per se* (по существу), но уголовные суды не соглашаются с этим на основании принципа *nullum crimen sine lege* (нет преступления без закона).

К примеру, в Чили Пиночет не был обвинен в геноциде ввиду отсутствия определения этого преступления в уголовном кодексе страны, несмотря на ратификацию Конвенции о геноциде.

Дело Пиночета показало важность не только ратификации международных соглашений, но и их полной имплементации во внутреннее законодательство, что признано кратно расширить возможности национальных уголовных судов.

В случае, когда национальным законом воспрещается судебное расследование в отсутствие обвиняемого, обращение к практикам универсальной юрисдикции не может получить однозначно положительную оценку в условиях ограничений полномочий национальных судов и МУС на предмет наложения ареста и осуществления юрисдикции над потенциальными обвиняемыми, опция транснационального судебного преследования станет рациональным решением в рамках международного правосудия. Наш вывод подтверждается испанским опытом применения универсальной юрисдикции в национальных судах.

---

¹⁰² См.: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания него, 9 декабря 1948 г. // Действующее международное право: в 3-х т. Т. 2 / Сост.: проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 68-71.

Считаем целесообразным рассмотреть специфику судебного преследования Хиссена Хабре, который пришел к власти в Чаде в 1982 г., свергнув правительство Гукуни Уэддея (Goukouni Wedeye). США и Франция содействовали и военному продвижению Хабре с целью захвата столицы Чада Нджамены, и в отношении других его инициатив, видя в нем противника ливийского президента Муаммара Каддафи¹⁰³.

Президент США Рональд Рейган предоставлял Хабре десятки миллионов долларов ежегодно и оказывал через ЦРУ тайную военизированную поддержку чтобы, по словам госсекретаря Александра Хэйга, «утереть нос кровавому Каддафи»¹⁰⁴.

Впоследствии режим Хабре был уличен в коррупции, местничестве и nepotизме. В стране с традиционным соперничеством между севером и югом Хабре периодически нападал на различные этнические группы – Сара (Sara) в 1984 г., Хаджерай (Hadjeraï) в 1987 г. и Загава (Zaghawa) в 1989 г., массово уничтожал и арестовывал их представителей, при малейшем подозрении в предательстве. До свержения Хабре в декабре 1990 г. президентом Идрисом Деби (Idriss Deby), выходцем с севера, который ранее был его министром обороны и начальником штаба армии, «президентская гвардия Хабре предположительно уничтожила больше 300 политических заключенных, которые тайно содержались в президентском штабе в столице страны Нджамене»¹⁰⁵.

Комиссия по установлению истины, «созданная правительством И. Деби и работавшая в сложнейших условиях»¹⁰⁶, обвинила режим Хабре в

---

¹⁰³ См.: Woodward, Bob. *Veil: the Secret Wars of the CIA 1981-1987* 97 (1987) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amazon.com/Veil-Secret-Wars-CIA-198-1987-ebook/dp/B000RWC6OE> (дата обращения: 24.04.2021).

¹⁰⁴ См.: О поддержке США стремления Хабре прийти к власти и использовании его как защиты против поддержанного ливийцами наступления см.: Rene Le Marchand, *The Crisis in Chad, in African Crisis Areas and U.S. Foreign Policy* (1985). – P. 239-256. Согласно Чадской Комиссии по установлению истины, адвокаты американского посольства регулярно посещали офис DDC (Службы национальной безопасности) Чада и помогали обучать их агентов. Комиссия цитирует одного сотрудника DDC, который утверждал, что один гражданин США по имени Джон был у них советником и особенно интересовался ливийской проблемой. См.: *Commission D'Enquete Nationale du Ministere Tchadi en de la Justice, Les Crimes et Detournements de L'Ex-President Habre et de Ses Complices (Truth Commission, 1993)*.

¹⁰⁵ См.: Сообщение международной правозащитной организации Amnesty International за 1991 г., с. 59-60.

¹⁰⁶ Комиссии по установлению истины считала себя виновной в нехватке времени и ресурсов, чтобы выполнить свою работу, и отмечала, что некоторые из её членов выбыли, потому что они нашли это слишком опасным. Комиссия, однако, выслушала 1726 свидетелей и провела три эксгумации. См.: *Commission D'Enquete*

политическом убийстве десятков тысяч людей и систематических пытках¹⁰⁷. Большинство зверств было совершено его политической полицией DDC (СНБ – Службой национальной безопасности), все четыре директора которой были выходцами из Горане (Gorane) – этнической группы, откуда происходил и сам Хабре. Самой известной была Специальная бригада быстрого действия, чьи «584 вооруженных солдата, согласно сведениям Комиссии по установлению истины, выполняли «все грязные дела, типа арестов, пыток, убийств и крупномасштабные резни»¹⁰⁸.

Комиссия по установлению истины призвала к «непосредственному судебному преследованию действий лиц, ответственных за этот ужасный геноцид и виновных в преступлениях против человечности»¹⁰⁹. Однако «новое правительство не предъявило обвинение Хабре и не потребовало его экстрадиции из Сенегала»¹¹⁰. С момента свержения Хабре была создана Чадская ассоциация жертв политических репрессий и преступлений (ЧАЖПП); полиэтническая группа собрала для суда подробную информацию относительно каждой из 792 жертв режима.

Вначале 1999 г., ссылаясь на «прецедент Пиночета», Делфин Джайрэйб, президент Чадской Ассоциации по продвижению и защите прав человека, обратился к Human Rights Watch с просьбой о содействии в уголовном преследовании Хабре в Сенегале, где тот нашел временное убежище. Демократические традиции Сенегала, относительно независимая судебная власть и соблюдение норм международного права позволили осудить Х. Хабре.

Nationale du Ministere Tchadien de la Justice, Les Crimes et Detournements de L 'Ex-President Habre et De Ses Complices (Truth Commission). – P. 10-11 (1993) T

¹⁰⁷ См.: Комиссия считала, что из 40 000 чел. идентифицированных жертв было 3780, т.е. 10%. См. там же. – С. 69 и 97.

¹⁰⁸ В структуре СНБ существовала также террористическая служба, отвечавшая за «физическую ликвидацию чадских оппозиционеров, живущих за границей», которая выполнила «множество убийств и похищений»// Commission D'Enquete Nationale du Ministere Tchadien de la Justice, Les Crimes et Detournements de L Ex-President Habre et De Ses Complices (Truth Commission), p. 23-25.

¹⁰⁹ Human Rights Watch, Chad: The Victims of Hissène Habré Still Awaiting Justice, 12 July 2005, A1710, available at [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/docid/45cb11b62.html> (дата обращения: 24.04.2021).

¹¹⁰ Чад действительно назначал успешный судебный процесс в Сенегале, чтобы вернуть самолет, в котором бежал Хабре. В 1998 г. тогдашний министр юстиции Чада Лимэйн Махамат сказал, что Чад будет искать выдачи Хабре из Сенегала, но официальный запрос не был сделан // The Prosecution of Hissene Habre-an «African Pinochet». – New England Law Review. – Vol. 35. – Winter 2001. – P. 323.

Международные правозащитники посетили Чад дважды¹¹¹, где они встретились с представителями ЧАЖПРП, которые передали им тысячи страниц документов, сохраненных ими в 1991 году. Работа велась под грифом «секретно», чтобы Хабре не сбежал из Сенегала и не смог скрыться в другом месте. «Human Rights Watch» создала «коалицию чадских, сенегальских и международных неправительственных организаций и группу сенегальских адвокатов»¹¹². Обвинения выдвигались в соответствии с сенегальским уголовным кодексом и Конвенцией ООН против пыток 1984 года¹¹³, которую Сенегал ратифицировал в 1986 г.

Уместно отметить, что в материалах суда, представленных судье Дембе Кандджи (Demba Kandji), группа НПО предоставила полную информацию о «97 политических убийствах, 142 фактах пыток, 100 случаев «исчезновений лиц» и 736 – произвольных арестов, наиболее часто осуществляемых СНБ». Кроме того, было задокументировано сообщение французской бригады врачей 1992 г., которые подверглись пыткам при Хабре, и сообщение Чадской Комиссии по установлению истины.

Согласно правилам, судья Кандджи отправил материалы дела государственному обвинителю на оперативное рассмотрение¹¹⁴, что позволило за два дня заслушать жертв перед возвращением в Чад; заседание было закрытым.

---

¹¹¹ Первое посещение в июле-августе 1999 г. было выполнено Геновевой Хернандес и Николасом Сеутином, адвокатами из Испании и Бельгии, соответственно. Поездка спонсировалась Программой по правам человека Гарвардской школы права через директора программы Питера Розенблума, который имел обширные контакты в Чаде. Второе посещение в ноябре-декабре 1999 г. проводилось конголезским адвокатом Паскалем Камбале, который способствовал всюду делу, и Тин Алиоунс, Директором основанной в Дакаре Африканской Ассамблеи за защиту прав человека. См.: David Bosco, Dictators in the Dock New Attempts to Bring Despots to Justice, 18 The American Prospect (2000) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.americanprospect.com/archives/VII-18/bosco-d.html/> (дата обращения: 01.08.2021).

¹¹² См.: Human Rights Watch, The Pinochet Precedent: How Victims Can Pursue Human Rights Criminals Abroad, (last modified Sept.2000) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrw.org/campaigns/chile-98/brochfln.htm> (дата обращения: 01.08.2021); Barbara Crossette, Dictators Face. The Pinochet Syndrome // N.Y. TIMES. – Aug. 22, 1999. – § 4. – At 3.

¹¹³ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, 10 декабря 1984. Рез. ГА ООН 39/46. Документ ООН. A/39/51 (1984) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 02.08.2021).

¹¹⁴ Истцы процитировали п. 1 статьи 6 Конвенции против пыток, который гласит: «Убедившись после рассмотрения имеющейся в его распоряжении информации, как обстоятельства того требуют, любое государство-участник, на территории которого находится лицо, обвиняемое в совершении любого из преступлений, указанных в статье 4, заключает его под стражу или принимает другие юридические меры, обеспечивающие его присутствие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 02.08.2021).

За два дня были опрошены шесть жертв режима Хабре. Один из них, Сулейман Гуенгуенг (Suleymane Guengueng), рассказал суду об невыносимых условиях содержания в чадских тюрьмах, где он провел два года и стал свидетелем повсеместной антисанитарии, заболел тропической лихорадкой и не получал никакой медицинской помощи. Две другие жертвы были подвергнуты пытке «Arba tachar», во время которой четыре конечности заключенного были связаны за спиной, что приводило к застою крови и параличу. Другой бывший заключенный, по приказу СНБ, должен был рыть массовые могилы, для противников режима Хабре. Один из свидетелей описал, как его брат, вице-губернатор провинции, был арестован и «исчез» во время кампании Хабре против народности наджерай¹¹⁵.

Таким образом, 3 февраля 2000 г. Хабре было предъявлено обвинение в соучастии в пытках. Ордер судьи Кандджи ограничил передвижения Хабре двумя дакарскими зонами, где он имел дома, запретил ему делать публичные заявления, предписал еженедельно посещать полицейское управление, конфисковал огнестрельное оружие и паспорт. Судья также открыл уголовные дела на его соратников, чтобы позже по этим составам предъявить обвинение Хабре.

Были также заслушаны нескольких свидетелей, приехавших в Дакар в мае 2000 г., включая председателя Чадской Комиссии по установлению истины и главу французской бригады врачей. Запросы были отправлены в Чад и Францию. Планировалась и личная поездка в Чад для сбора доказательств, даже при отсутствии финансовой поддержки сенегальского правительства¹¹⁶.

Однако 18 февраля 2000 г. адвокаты Хабре подали мотивированное прошение об отклонении рассмотрения дела перед Палатой обвинения Дакарского суда, утверждая, что а) сенегальские суды не имели никакой компетенции расследовать преступления в Чаде, б) что преступления, совершенные до ратификации в 1986 г. Сенегалом Конвенции против пыток,

---

¹¹⁵ См.: Human Rights Watch, Senegal Opens Investigation Against Ex-Chad Dictator [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrw.org/hrw/press/2000/01/habl27.html> (дата обращения: 17.06.2021).

¹¹⁶ См.: Stephen Smith, L'impossible enquête sur Hissene Habre au Chad: Le juge senegalais l'origine des poursuites contre l'ancien dictateur manque de moyens d'investigation a N'Djamena // LIBERATION. – Mar. 31, 2000. – At 7.

не могли быть приняты во внимание, и в) что судебное преследование должно быть прекращено из-за срока давности.

В марте 2000 г. Абдулай Вад (Abdoulaye Wade) был избран новым президентом Сенегала. Первые признаки изменения в отношении правительства к делу Хабре появились в мае 2000 г., когда прокуратура подала прошение об отклонении иска, а 28 января 2001 г. к нему присоединился помощник государственного обвинителя Франкоис Дайуф (Francois Diouf).

16 мая 2001 г. в Обвинительной палате Дакарского суда адвокаты Хабре и государственный обвинитель в течение более шести часов представляли свои аргументы о закрытии дела Хабре. Слушание было закрытым. При поддержке обвинителя адвокаты Хабре утверждали, что по сенегальскому уголовному кодексу сенегальские суды не имели никакой компетенции расследовать преступления, совершенные чадскими гражданами в Чаде¹¹⁷, а Конвенция ООН против пыток 1984 г., которую Сенегал ратифицировал в 1986 г., не была имплементирована в национальное законодательство до 1996 г., и даже законодательство 1996 г. не наделяло суды компетенцией при рассмотрении фактов пыток, совершенных за границей.

Адвокаты жертв утверждали, что положение «о непредоставлении убежища» вытекает из статей 5-7 Конвенции против пыток и обязывает государства или преследовать по суду, или выдавать предполагаемых нарушителей, которые окажутся на чужой территории. Они мотивировали это тем, что, согласно специальным условиям статьи 79 Конституции Сенегала, международные договоры, однажды ратифицированные, являются составной частью уголовного законодательства этой страны¹¹⁸.

Адвокаты Хабре также утверждали, что судебное преследование было запрещено в соответствии с трехлетним сроком давности для незначительных преступлений. Адвокаты жертв настаивали на учете 10-летнего срока давности

---

¹¹⁷ Статью 669 Сенегальского уголовно-процессуального кодекса. Адвокаты Х. Хабре утверждали, что экстерриториальная компетентность Сенегала по иностранцам была ограничена преступлениями против государственной безопасности и подделыванием национальной печати или официальной валюты // Senegal Code of Criminal Procedure, 1965 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.justice.gouv.sn/droitp/ CPP.PDF> (дата обращения: 17.06.2021).

¹¹⁸ Статья 79 Конституции Сенегала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.constituteproject.org/constitution/Senegal2016.pdf?lang=en> (дата обращения: 23.09.2021).

для серьезных преступлений и, согласно сенегальскому закону, отсчет времени начался тогда, когда судебное преследование стало возможным после отстранения Хабре от власти 1 декабря 1990 года. Дело было инициировано в Дакаре в январе 2000 г., меньше чем 10 лет спустя.

Хабре заявил о том, что положения этих двух документов не могли быть применены ретроактивно, поскольку Сенегал ратифицировал Конвенцию против пыток в 1986 г. и привел в действие инкорпорирующее законодательство в 1996 г.¹¹⁹. В этих условиях Обвинительная Палата под влиянием президента Вада вынесла свое решение об отклонении обвинения против Хабре. Уже 30 июня 2000 г. Верховный Совет магистратуры произвел кадровую ротацию, и Демба Кандджи перевели с должности главного судьи Дакарского Регионального Суда, назначив его помощником государственного обвинителя в Апелляционный Суд Дакара. Без сомнения, его отстранение и перевод можно считать репрессией за возбуждение дела против Хабре.

Некоторое недоумение вызывает факт быстрого карьерного роста Председатель Палаты предъявления обвинения Шейха Тидиана Диахэйта (Cheikh Tidiane Diakhate), который был повышен в должности и переведен в Государственный Совет. Эта ротация привела к тому, что 4 июля 2000 г. Палата предъявления обвинения отклонила обвинение против Хиссена Хабре, обосновав это отсутствием у сенегальских судов полномочий поддерживать обвинение, мотивируя это тем, что Сенегал не был местом преступления, но игнорируя факт ратификации Конвенции против пыток Сенегалом¹²⁰.

Аргументируя отказ, суд руководствовался законом Сенегала, предоставлявшим право вести дела по экстерриториальным преступлениям, совершенным иностранцами. Рассматривая Конвенцию против пыток, суд утверждал, что, в отличие от Устава Международного военного трибунала, она «не передавала компетенцию под любую юрисдикцию», в то время как в уголовном праве такие правила должны быть сформулированы с большой

---

¹¹⁹ Сенегал подписал Конвенцию против пыток 4 февраля 1985 г. и ратифицировал её 21 августа 1986 г. Однако Конвенция не вступала в силу до 26 июня 1987 г. Большинство преступлений, предполагаемых в жалобе, было передано после 1987 г.

¹²⁰ См.: République Du Senegal, Cour d'Appel de Dakar, Chambre d'Accusation, ArrStn' 135 du 04-07-2000.

точностью. Суд сосредоточился на статье 5 Конвенции против пыток, которая обращается к государствам с просьбой принимать законодательство, устанавливающее компетенцию над экстерриториальной пыткой, а не на статье 7, которая формулирует более четко требование *aut dedere aut judicare* (либо выдай, либо суди).

Суд указал, что Бельгия и Франция, в отличие от Сенегала, приняли имплементирующее законодательство, предоставляющее их судам компетенцию над «экстерриториально примененной пыткой». Суд заявил, что сенегальские суды не имеют юрисдикции в отношении пыток, которые применялись не на территории Сенегала, даже если пыткам подвергались сенегальские граждане.

Это решение заставило жертв обратиться в Кассационный суд. Тем временем (начало 2001 г.), однако, ограничения в передвижении Хабре были сняты, и он смог свободно покинуть Сенегал.

Такое решение суда и судебные манипуляции вызвали однозначно негативную международную реакцию. Специальный докладчик ООН по вопросам независимости судей и адвокатов и Специальный докладчик ООН по вопросам пыток совместно выразили свою обеспокоенность правительству Сенегала по поводу отклонения дела¹²¹.

Арест генерала Аугусто Пиночета в Великобритании, который покончил с его многолетней безнаказанностью в Чили и инициировал судебное преследование генерала, вызвало прямо противоположный общественный резонанс относительно обвинительного акта в отношении Хабре в Чаде.

Через нескольких дней молчания Чадское правительство объявило, что судебное преследование в Сенегале было логическим продолжением работы, которая началась с Комиссии по установлению истины. Когда дело было отклонено в июле 2000 г., чадское правительство официально заявило о своем разочаровании. Оно даже выразило готовность искать другие средства, чтобы

---

¹²¹ См.: United Nations Rights Experts Express Concern Over Dismissal of Charges against Hissene Habre // United Nations Press Release. – Aug. 2, 2000.

передать Хабре правосудию¹²². В таких условиях достаточно сложно дать оценку действиям США и западных лидеров в вопросе соблюдения Конвенции по правам человека.

Между тем ассоциация жертв и правозащитные организации, которые инициировали расследование дела Хабре в Дакарском суде, объявили о своих намерениях подать иски по уголовному обвинению теперь чадские суды.

27 сентября 2000 г. президент Чада Идрис Деби встретился с руководством Ассоциации жертв, чтобы сказать им, что «время для правосудия настало»¹²³, выразить свою поддержку, а также проинформировать о своей встрече с президентом Сенегала Ваду, в рамках которой он выразил озабоченность по поводу июльского решения 2000 года. Президент Деби также обещал «очистить» свою администрацию от всех прежних агентов СНБ и предоставить полный доступ Международному комитету к файлам Комиссии по установлению истины.

Важно отметить, что Исмаил Хашим, президент ЧАЖПРП, заявил: «Мы никогда не принимали и никогда не примем идею о том, что наши мучители избежали правосудия. После ареста Хиссена Хабре в Сенегале мы поняли, что можем требовать, чтобы правосудие было осуществлено здесь, в нашей собственной стране. Теперь наступило время для судебной системы Чада выполнить свои обязанности»¹²⁴.

В сентябре 2005 г. бельгийский суд выдал международный ордер на арест Х. Хабре по обвинению в «тяжких нарушениях международного права в области прав человека»¹²⁵. 25 ноября 2005 г. Верховный суд Сенегала заявил о своей неправомерности в решении вопроса о его экстрадиции в Чад и потому постановил выпустить Х. Хабре на свободу. Однако спустя несколько часов Х. Хабре вновь был арестован сенегальскими властями. 15 августа 2008 г. суд

---

¹²² См.: Communication du Garde des Sceaux, Ministre de la Justice au Conseil des Ministres sur l'Affaire Hissene Habre, July 6, 2000, quoted in Reed Brody «The Prosecution of Hissene Habre – An African Pinochet in New England Law Review 35. – №2. – P. 58.

¹²³ Press Release, de l'AVPRC, des ADH et du Comite International pour le Jugement d'Hissene Habre. – Oct. 6, 2000.

¹²⁴ Ismael Nachim, Chad: Hissene Habre's Victims Demand Justice, Nov. 22, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrw.org/hrw/press/2000/10/habrel026.htm> (дата обращения: 08.10.2021).

¹²⁵ Бывший диктатор африканской страны Чад объявлен в международный розыск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/29sep2005/dictator.html> (дата обращения: 20.01.2021).

Чада заочно приговорил Хабре к смертной казни. Сенегал так и не выдал Хабре в феврале 2009 г., а Бельгия подала иск в Международный Суд ООН против Сенегала за этот отказ¹²⁶.

Необходимо, однако, отметить, что 20 июля 2012 г. Международный Суд ООН постановил, чтобы власти Сенегала «без промедления» судили Хабре по обвинению в инкриминируемых ему преступлениях или экстрадировали в Бельгию¹²⁷.

Решение Международного Суда ООН было исполнено. Буквально спустя несколько недель Сенегал и Африканский Союз подписали соглашение по созданию специального трибунала, иначе именуемого «Чрезвычайные Африканские Палаты», в рамках сенегальской судебной системы. Трибунал был открыт в сенегальской столице 8 февраля 2013 года, а 2 июля 2013 года против Х. Хабре, был предварительно заключен под стражу, по обвинению в военных преступлениях, преступлениях против человечности и пытках, в результате которых за весь период его правления (с 1982 по 1990 г.) погибли более 40 тысяч человек¹²⁸. В ходе заседания свидетели подробно описывали унижительные наказания со стороны тайной полиции – Директората по документации и безопасности: пытки электрическим током, утопление, распыление газа в глаза, втирание острых смесей в половые органы и т.д.

«30 мая 2016 г. в Дакаре бывшего президента Чада Хиссена Хабре по прозвищу «Африканский Пиночет» признали виновным в совершении преступлений против человечности – пытках, изнасилованиях, принуждении к рабству и похищениях людей. При вынесении приговора – пожизненное заключение – Трибунал применил универсальную юрисдикцию»¹²⁹.

---

¹²⁶ См.: Бельгия подала в суд на покровителей «Африканского Пиночета». – 20 февраля 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lenta.ru (дата обращения: 20.01.2021)

¹²⁷ См.: Мезяев А. Дело экс-президента Чада Х. Хабре переворачивает с ног на голову международное право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2012/07/22/delohissena-habre-sudi-libovudaj.html> (дата обращения: 20.01.2021).

¹²⁸ См.: Сольвейг Анри. Дело «вопросы, касающиеся обязательства осуществлять судебное преследование или выдавать (Бельгия против Сенегала)»: значение решения, вынесенного Международным Судом ООН 20 июля 2012 года // Международное правосудие. – 2014. – №1. – С. 11-23.

¹²⁹ Экс-президент Чада по кличке Африканский Пиночет приговорен к пожизненному заключению за преступления против человечности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aripress.org/novosti/26425-eks-prezident-chada-po-klichke-afrikanskiy-pinochet-prigovoren-k-pozhiznennomu-zaklyucheniyu-za-prestupleniya-protiv-chelovechnosti.html> (дата обращения: 31.05.2021).

Успех этого процесса напрямую связан с принципом универсальной юрисдикции. Более того, эта первая практика на Африканском континенте, когда суд одной страны (Сенегал) вынес приговор бывшему лидеру другой страны (Чад) за преступления в сфере прав человека на основе универсальной юрисдикции.

Решения международных судов и трибуналов по уголовным делам А. Эйхманна, И. Демьянюка, А. Пиночета и Х. Хабре имеют существенное значение, поскольку на практике продемонстрировали действенность правовых механизмов, основанных на международных конвенциях (договорах). Рассмотренный механизм представляет собой реально функционирующий комплекс мер, призванный остановить/избежать военных преступлений, геноцида и пыток, и гарантировать преследование и наказание за эти преступления независимо от местонахождения лица их совершившего. Важным дополнением является и невозможность государств-участников оправдать свое бездействие внутренними или внешними ограничениями.

2.3. Факторы, влияющие на дальнейшее развитие принципа универсальной юрисдикции

Традиционно международное уголовное право основано на связи территории или национальности с преступлением, и именно эта связь является непременным условием для осуществления государством уголовной юрисдикции. Исключением может стать применение универсальной юрисдикции только к *hostes humani generis* – преступникам-врагам всего человечества, что дает полномочия судить их независимо от территории совершения преступного деяния или национальности/подданства преступника. Как функциональная доктрина универсальная юрисдикция зиждется на идее частичной (как минимум) компенсации за неисполнение фундаментальных юрисдикционных норм со стороны децентрализованной международной системы.

Следует иметь в виду, что универсальная юрисдикция изначально понималась только в узком смысле, и применялась исключительно к пиратству, однако эта концепция эволюционировала наряду с

международным правовым порядком. Сегодня она применяется к самым серьезным из преступлений, определенных международным правом, что, естественно, вызывает споры относительно точной квалификации таких преступлений.

По мере развития фундаментальных ценностей и норм международной системы, увеличилось также и число деяний, квалифицируемых международным правом как преступления. По сути, речь идёт о реальном функционировании международного права в объективной действительности, так как в международно-правовом дискурсе некоторые из этих новых международных преступлений стали подпадать под универсальную юрисдикцию. По итогам многосторонних переговоров был принят Римский статут Международного уголовного суда (МУС), в рамках которого возник спор о том, действительно ли все четыре основных преступления, предусмотренные им, подпадают под универсальную юрисдикцию.

По мнению современных экспертов, универсальная юрисдикция применяется к целому ряду международных преступлений и выходит за пределы небольшого списка основных преступлений, предусмотренных Статутом МУС. При этом некоторые исследователи предлагают ограничить ее применение преступлениями пиратства, геноцида и, возможно, пыток.

В настоящее время доктрина универсальной юрисдикции вызывает массу актуальных вопросов. В частности, следует ли вести речь о выборочном или обязательном характере применения государством универсальной юрисдикции для тех преступлений, к которым она применяется? Обладает ли государство правом предоставить амнистию за международные преступления, подпадающие под универсальную юрисдикцию? Присутствует ли смысловое дублирование идеи универсальной юрисдикции и обязательств препятствовать совершению преступления?

Ответы априори не могут быть однозначны, однако отметим, что за прошедшие столетия существенных отличий между современным принципом универсальной юрисдикции и его прошлым аналогом практически не наблюдается. Тем не менее некоторые вариации этого принципа теперь

применяются не только к пиратству, но и к внушительному списку международных преступлений, включая работорговлю, геноцид, пытки и др. Список регулярно увеличивается ввиду расширения возможностей международного права. Правовые реформы 90-х XX и первого десятилетия XXI веков обусловили активное развитие потенциала универсальной юрисдикции.

Определенно можно сказать, что многосторонние переговоры относительно создания постоянно действующего Международного уголовного суда, проходившие в 1994-1998 гг., обеспечили возможность переосмысления доктрины универсальной юрисдикции. В частности, перед Римской конференцией, где обсуждался текст Статута, Федеративная Республика Германия распространила документ, в котором высказывалась в пользу сильного и независимого МУС, основанного на универсальной юрисдикции. Американское правительство не отрицало, что геноцид подпадает под универсальную юрисдикцию, но не желало признавать этот его статус относительно военных преступлений и преступлений против человечества.

Изначально американское правительство выступало против всех предложений об учреждении МУС на основе универсальной юрисдикции. В некотором смысле американская позиция преобладала, потому как согласно компромиссному решению, в конечном счете включенному в Римский статут, деятельность МУС базируется не на универсальной юрисдикции, а «на праве каждого государства преследовать по суду преступления, совершенные на его территории или его гражданами»¹³⁰. Таким образом, территориальный принцип или принцип национальности обвиняемого должен учитываться при расследовании МУС всех уголовных дел, не считая входящих в полномочия Совета Безопасности ООН.

К сомнениям США по вопросам применения универсальной юрисдикции к преступлениям против человечности и военным преступлениям добавились

---

¹³⁰ Раджабов С.А. Становление и развитие Международного уголовного суда. – Душанбе: Деваштич, 2005. – С. 82-84.

возражения по поводу передачи МУС любых прав, которыми обладают государства, чтобы преследовать по суду лиц, ответственных за преступления, подпадающие под универсальную юрисдикцию. Однако спустя несколько лет, 31 декабря 2000 года США все-таки подписали Статут МУС. Президент Клинтон заявил, что подписание было «правильным действием на этом этапе», но отметил, что «мы продолжаем высказывать тревогу по поводу наличия существенных недостатков в договоре»¹³¹. Даже после его подписания, Клинтон отказался рекомендовать договор Сенату для одобрения, сообщив, что у США нет желания принимать юрисдикцию МУС. Соответственно, администрация Буша дала понять, что она не поддерживает МУС и отозвала подпись под этим документом.

На наш взгляд, на возможности и развитие универсальной юрисдикции влияют несколько факторов:

1. Связь между универсальной юрисдикцией и самообороной: параллели между двумя динамическими понятиями. В данном случае доктрины права помогают международному сообществу приспособиться к изменяющимся условиям. Доктрины самообороны и универсальной юрисдикции основаны на фундаментальных ценностях, и каждая обладает потенциалом к трансформации. Так, в статье 51 Устава ООН закреплено право на самооборону, хотя содержание этого понятия вызывает оживленные споры.

Отметим, что Устав ООН именуется самооборону как «врожденное право», указывая его фундаментальную природу. По мнению В.М. Шумилова, «государство не считается нарушителем, если его поведение является самообороной»¹³². В то же время самооборона подразумевает ограничение возможностей права. На практике государства осуществляют право на самооборону в ситуациях вне сферы уставных условий. Юридические и/или политические органы ООН склонны полагать, что более экспансивное понятие самообороны может оправдать использование силы. В юридической

---

¹³¹ Трикоз Е.Н. Начало деятельности международного уголовного суда: состояние и перспективы / Е.Н. Трикоз // Журнал российского права. – 2005. – №3. – С. 134.

¹³² Шумилов В.М. Международное право: учебник для бакалавриата вузов. – 2-е изд., перераб. – М., Международные отношения, 2012. – С. 158.

литературе все большую популярность получает тенденция выделять понятие «законная самооборона», которое применяется только к случаям использования вооруженной силы в ответ на уже совершенное незаконное вооруженное нападение другого государства и рассматривается как акт «вооруженной агрессии». Такая агрессия направлена против территориальной целостности и государственного суверенитета страны, которая «ставит под угрозу его сохранение как суверенного субъекта международного права»¹³³. Из этого следует, что, согласно ст. 51 Устава ООН, государство действует в целях самообороны от агрессии, совершаемой этим другим государством.

Несколько иначе следует воспринимать атомную бомбардировку США мирных японских городов Хиросимы и Нагасаки в 1945 году – она не может/ не должна быть признана военной необходимостью, так как, по сути, это было преступлением против человечности.

Следует иметь в виду, что подобно самообороне, универсальная юрисдикция может требовать обоснования в естественном праве. Действительно, если естественное право самообороны основано на фундаментальной человеческой природе, то естественное право наказывать врагов всего человечества основано на, возможно, более высоких принципах сообщества и цивилизации.

Нормативные принципы самообороны и универсальной юрисдикции будут неизбежно искать пути применения на практике. По мере развития международного сообщества, историческая тенденция, кажется, склоняется к более ограниченной интерпретации права самообороны, в соответствии со статьей 51 Устава ООН, и к более либеральному применению универсальной юрисдикции. Оптимист усматривает в этом тенденцию к верховенству права в международном сообществе. Пессимист же вынужденно указал бы на то, что интересы государств ограничат развитие универсальной юрисдикции.

2. Универсальная юрисдикция угрожает государственным интересам. Государственный суверенитет традиционно выдвигает общее правило – каждая страна вправе исключить других из процесса осуществления

---

¹³³ Международное право: учебник / Под ред. А.Я. Капустина. – М.: Гардарики, 2008. – С. 225.

юрисдикции по событиям, произошедшим на ее территории, особенно тем, которые вовлекают только ее собственных граждан.

В.М. Шумилов уверен, что, с точки зрения внутреннего суверенитета, «государства имеют право а) на юрисдикцию в отношении своей территории и проживающего на ней населения; б) на осуществление законодательной, исполнительной и судебной власти в стране»¹³⁴. Но если направленная на геноцид фракция захватывает власть, и ее политика состоит в совершении и потворствовании преступлениям против человечества, эти «местные» действия могли бы призвать судебное преследование со стороны других государств согласно доктрине универсальной юрисдикции.

В этом контексте защитное отношение американского правительства к суверенитету может быть выделена как часть более концептуального явления: государство воспринимают внешнюю юрисдикцию МУС по отношению к своим территориям и гражданам как угрозу своим интересам и суверенитету. Суть в том, что в современных условиях суверенные прерогативы государств неизбежно уменьшаются по мере развития международного сотрудничества, и в особенности по мере укрепления международного права и активизации роли международных учреждений. Наблюдается частичное неприятие этого факта, хотя во сути государства признают потребность в более эффективных международных механизмах.

Соответственно, государства заинтересованы в защите своих граждан от «несоответствующего» судебного преследования, даже когда оно проводится вне их территории. История экстерриториальных прав была долгой и насыщенной на события. Так, в деле *Reid v. Covert* Верховный Суд США подтвердил средневековую практику западных государств в использовании договоров для защиты своих подданных за границей от применения иностранного закона и юрисдикции иностранных судов.

По мере развития международной системы появилась система этнических государств, и этот аспект экстерриториальных прав был ослаблен доктриной

---

¹³⁴ Шумилов В.М. Международное право: учебник для бакалавриата вузов. – 2-е изд., перераб. – М., Международные отношения, 2012. – С. 65.

абсолютного территориального суверенитета. Уже в XIX столетии принцип экстерриториальной юрисдикции применялся только к юридическим системам, которые казались «подчиненными» юридическим системам западных христианских стран. В течение этого периода британцы и американцы вели переговоры о заключении договоров с Китаем, расширяющих британскую и американскую консульскую юрисдикцию, чтобы оградить своих подданных в этой стране от юрисдикции местных судов.

На самом деле в этом клубке интересов государственные интересы были не самым важным и совершенно точно не были завершением всего международного права. Это право выходит далеко за рамки узких интересов любого государства в признании универсальной юрисдикции и необходимости преследовать по суду лиц, ответственных за определенные преступления, вызывающие беспокойство всего международного сообщества.

Следовательно, никакое государство не имеет законного интереса для ограждения своих подданных от ответственности за геноцид, преступления против человечества или самые серьезные военные преступления. Полярные предположения вызывает колонизаторское понятие исключительных экстерриториальных прав, которое практикуется сегодня достаточно редко. В свете этих рассуждений попытка США оградить своих граждан от юрисдикции МУС кажется не соответствующей современным реалиям.

При анализе преимуществ и недостатков универсальной юрисдикции важно сосредоточиться на обязательном наличии универсальной юрисдикции как инструмента, а не на ее текущем правовом статусе. Даже если международное обычное право сегодня предписало бы применять универсальную юрисдикцию в отношении небольшого количества преступлений, то естественным образом актуализировался вопрос о необходимости продолжать эту практику. И такая постановка абсолютно закономерна ввиду не статичного характера законодательной базы, международных соглашений, желания или нежелания способности неспособности соблюдать договорные обязательства.

Международное обычное право может быть изменено через действия (практики) государств. Развитие обычного права может повлечь за собой расширение, сокращение или усовершенствование досягаемости экстерриториальной юрисдикции. Мы акцентируем сегодня меньше внимания на том, чем право является, в то время как должны обращать внимание на то, в каком направлении оно должно развиваться. Эта перспектива, как нам кажется, полностью соответствует универсальной юрисдикции в свете неоднозначного к ней отношения в современном мире.

3. Проблема должного процесса. Основу доктрины универсальной юрисдикции составляют предположение и необходимость обеспечения судами правосудия, в контексте которого преступные акторы обязательно понесут наказание за содеянное. Однако практика показывает отсутствие гарантий реализации потенциала универсальной юрисдикции по наделению полномочиями судов всех государств осуществлять юрисдикцию по преступлениям, подпадающим под соответствующую категорию. Корруптированные судебные системы игнорируют этот принцип, что обуславливает появление целого ряда проблем при исполнении универсальной юрисдикции

Между тем особый исследовательский интерес сосредоточен на ситуации, где государство осуществят универсальную юрисдикцию относительно действий, не входящих в перечень международных преступлений по установленному международному праву. Важно понимать, что каждое государство имеет свое мнение относительно содержания международного права. Некоторые страны, например, полагают, что использование кассетных бомб, разрушение системы водоснабжения или электрических линий (как было сделано силами НАТО в Югославии) являются военным преступлением. При этом государства НАТО не разделяют этого мнения. Если государство, ведущее преследование по суду, применяет закон, который, на его взгляд, является действующим международным правом, но универсально не принятым, тогда судебное преследование будет осуществлено недолжным образом.

Ярчайшим примером применения универсальной юрисдикции являются события 1998 г. – испанское движение против чилийского генерала Аугусто Пиночета, который должен был понести уголовную ответственность. Обвинение строилось на определении «международного преступления», выходящего за пределы принятого международным сообществом определения этого преступления. Отвечая на испанские обвинения Пиночета в геноциде, его адвокаты отрицали «национальную, этническую, расовую или религиозную принадлежность «группа», которая стала жертвой преследования, как будто инициированного Пиночетом.

Защита также настаивала на несоответствии предпринятых действий, названных геноцидом, международному обычному праву и Конвенции о преступлении геноцида, и Национальный Суд Испании (Audencia National) снял обвинения в геноциде.

В результате Испания переакцентировала внимание на универсальную юрисдикцию, которая предусматривала полную ответственность за международное преступление, даже если преступные деяния не попадают в ареал международного определения преступления. Обвиняемого должны были преследовать по суду на основе международного права, дающего начало универсальной юрисдикции для рассматриваемого преступления, элементы которого, однако, не уточнялись преследующей властью. В этой связи обвиняемый должен был считаться уголовно ответственным за поведение, которое не содержало состава преступления ни по международному праву, ни в стране, в которой он было совершено.

Что интересно, при рассмотрении этой категории дел проблема возникла не из-за разногласия государств относительно существующего содержания международного права, а по поводу содержания международного права.

4. Недостаточный уровень самостоятельности судов при принятии решений во многих странах представляет дополнительную пороговую проблему, которая усугубляется из-за зависимости судебной власти. Это делает отдаленной перспективу беспристрастности процесса, особенно в

политически мотивированных делах, в которых судебное преследование под универсальной юрисдикцией имеет тенденцию быть.

Свидетельством этому является дело Хиссена Хабре. Напомним, что судья, расследующий дело Хабре, был переведен на другую позицию, а председатель Палаты предъявления обвинения – продвинул на высокую должность в Государственный Совет, при этом все обвинения против Хабре были отклонены. В создавшейся ситуации есть веские причины подозревать, что отказ от рассмотрения дела Хабре можно расценивать как политическое вмешательство, что позволяет утверждать зависимость судебной инстанции от политических решений.

Государства, равно как и организации в области прав человека обеспокоены недостаточной степенью эффективности и относительно высокой зависимостью судов многих стран. Некоторые государства, например, отказываются выдавать преступников, а международные организации сосредоточивают свои усилия на демонстрации реформирования судебных систем. Это одна из проблем универсальной юрисдикции, которая таким образом расширяет экстерриториальную власть не независимых или, иначе, ненадлежащим образом функционирующих судебных органов.

Оценка универсальной юрисдикции требует тщательного анализа на предмет увеличения власти и экстерриториальной досягаемости всех судебных органов мира, особенно в категории дел, склонных к политизации. Здесь согласимся с аргументами В.Л. Толстых относительно того, что «международное право развивается не само по себе, а в результате усилий политиков, судей и ученых»¹³⁵.

5. При ухудшении межгосударственных отношений универсальная юрисдикция может стать источником и инструментом межнациональных конфликтов, связанных с геноцидом, военными преступлениями или преступлениями против человечности. Особую сложность в этом вопросе представляют действия официального характера, которые всегда становятся предметом споров, в частности универсальная юрисдикция в таких судебных

---

¹³⁵ Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. – М.: Международные отношения, 2022. – С. 12.

разбирательствах является платформой для предъявления претензий политиков одного государства в судах другого. В таких случаях есть риск, упомянутый в законе о пиратстве, то есть о двойкой роли универсальной юрисдикции в поле межгосударственного конфликта.

Дефиниционная сущность универсальной юрисдикции состоит в интересе государства в обеспечении ответственности за рассматриваемые преступления. То есть универсальная юрисдикция распространяется на акты, угрожающие интересам международного сообщества в целом. Даже в случае принятия существования такой единицы, представляющей интерес (пункт, который мог быть полемизирован), векторные интересы государств, расходятся по большому числу других дел. Это объясняется пересечением уголовных судебных расследований военных преступлений, геноцида и преступлений против человечности со многими аспектами межгосударственных отношений. В этой связи логичными представляются прецеденты использования универсальной юрисдикции в качестве инструмента достижения некоторых политических целей.

Подобные ситуации могут быть обусловлены двумя факторами. Во-первых, стремлением государств получить преимущества перед оппонентами в межгосударственных конфликтах, подвергая судебному преследованию их подданных за действия, совершенные в ходе конфликта. Так, во время войны в Демократической Республике Конго, Ангола и ее союзники – Намибия и Зимбабве – боролись в поддержку Конголезского правительства Кабилы против Руанды и ее союзников. Хроника событий показывает, что Руандийские силы совершили ряд преступлений (резню) против конголезского гражданского населения в 1998 г. В ответ ангольские чиновники подвергли уголовному преследованию своих руандийских коллег за предполагаемый геноцид, военные преступления и преступления против человечности, совершенные против конголезских жертв в ходе военных действий.

Государства также могут осуществить универсальную юрисдикцию, чтобы обеспечить себе более привилегированное положение по сравнению с государством-оппонентом посредством судебных процессов над его

гражданами даже, если эти дела никак не связаны с конфликтом. Так, например, центральноафриканский контекст свидетельствует о том, что, будучи противниками в конфликте в Конго, руандийские чиновники, гипотетически, могли преследовать по суду зимбабвийских лидеров за преступления против человечности, предположительно совершенные в деле экспроприации земли, принадлежащей белым в Зимбабве¹³⁶.

В качестве другого, теперь уже реального, примера можно привести Ближний Восток. 23 октября 2000 г. Лига арабских государств, заявила о том, что арабские государства заморозят все отношения с Израилем, кроме формальных дипломатических. В рамках этого заявления было отмечено следующее: «Арабские страны должны преследовать, в соответствии с международным правом, лиц, ответственных за эти зверские действия ...» (имеются в виду предполагаемые израильские преступления против палестинцев по Женевским конвенциям – Н.О.)¹³⁷. В этой связи Президент Палестины Махмуд Аббас подписал Римский статут Международного уголовного суда 31 декабря 2014 года. Статут МУС вступил в силу для Палестины 1 апреля 2015 г.

Подчеркнем особую значимость участия Палестины в Статуте МУС. Важность этого шага заключается в том, что факт государственности Палестины продолжает оставаться открытым вопросом, и эта инициатива приблизила ее к признанию международным сообществом¹³⁸. Эксперты отмечают, что «участие Палестины в работе суда на полноценной основе дало палестинским лидерам возможность преследовать израильских политиков и чиновников за военные преступления»¹³⁹.

Полагаем, что судебное преследование руандийских чиновников в ангольских судах, зимбабвийских чиновников в руандийских судах, или израильских чиновников в судах государств-членов Лиги арабских государств,

---

¹³⁶ См.: Jessica Graham, More Zimbabwe Farms Invaded // N.Y. POST. – Apr. 24, 2000. – At. 25.

¹³⁷ См.: Arab Statement: Criminals of War Who Committed Massacres // N.Y. TIMES. – Oct. 23, 2000. – At. A12.

¹³⁸ См.: Ближний Восток и международное право: монография / Коллектив авторов; Под ред. А.Х. Абшидзе. – М.: РУДН, 2019. – С. 253.

¹³⁹ Палестина станет участником Международного уголовного суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/12/31/palestine/> (дата обращения: 31.12.2021).

осуществленное под универсальной юрисдикцией, неизбежно приобрело бы политизированный характер и усилило межгосударственный конфликт.

В рамках судебного процесса одного государственного института под универсальной юрисдикцией против соотечественника из другого государства, государство обвиняемого гражданина может заявить о политически мотивированном и необоснованном характере преследования. Велика вероятность того, что в случае обоснованного преследования будет подан иск с целью оградить преступника. Здесь поднимается вопрос о том, кто должен будет принимать решение об уместности судебного преследования. Итак, если государство гражданина-ответчика может отклонить требование государства преследования на юрисдикцию, то эффективность универсальной юрисдикции минимизируется. Если же государство гражданства не сможет аргументировано отклонить требование на юрисдикцию, то эффективность универсальной юрисдикции практически обнуляется.

В связи с тем, что действия, составляющие основание для преследования по универсальной юрисдикции, как правило, носят официальный характер, универсальная юрисдикция по геноциду, военным преступлениям и преступлениям против человечности неизбежно будет использована в качестве инструмента межгосударственного конфликта. Соответственно, универсальная юрисдикция влечет за собой существенный риск необъективности и соразмерное усиление напряженности в межгосударственных отношениях.

Подчеркнем, что политически мотивированные судебные преследования представляют собой такую же проблему, как и безосновательное обвинение акторов, отвечающих за внешнюю политику страны. Судебное преследование иностранных подданных, особенно чиновников или лидеров, может иметь международные последствия вплоть до вооруженного столкновения. Например, как упомянутое ранее утверждение Лиги арабских государств от 23 октября 2000 г. со ссылкой на судебное преследование израильтян, подозреваемых в серьезных нарушениях Женевских конвенций. Учитывая нестабильность политических отношений на Ближнем Востоке во время этого

заявления, можно предположить, что судебное преследование израильских чиновников в судах государств-членов Лиги арабских государств стало бы причиной вооруженного конфликта в регионе и, возможно, за его пределами.

В этих условиях принципиально важным является осведомленность чиновников высокого ранга на предмет секретных данных разведки министерства иностранных дел с тем, чтобы воспрепятствовать судебному преследованию, которое могло бы привести к международной катастрофе.

В некоторых юридических системах эта практика активно применяется, и обвинитель является должностным лицом, работающим под контролем исполнительной власти правительства. В других системах индивидуальный обвинитель или даже частный истец может требовать, чтобы правительство продолжило судебное преследование и, если необходимо, послало запрос об экстрадиции.

Наглядным примером может стать испанская юридическая система. Согласно закону Испании, жертва преступления может совершить деяние, подпадающее под судебное преследование со стороны прокурора, или как частное судебное преследование в случае отказа прокурора вести это дело. Однако универсальная юрисдикция, осуществляемая не субъектами международных отношений и не акторами государственной власти, может привести к негативным последствиям.

Помимо испанского законодательства, других таких прецедентов использования универсальной юрисдикции нет, и все страны осуществляют ее в соответствии с классическими предписаниями, хотя существуют и некоторые отхождения от хрестоматийных норм (дела Пиночета и Хабре).

Противоречия при осуществлении универсальной юрисдикции обусловлены тенденцией по разработке юридических систем с внутренним контролем, предусматривающим независимую судебную власть и особые процессуальные действия. Неправомерность действий государства заключается в отказе осуществлять универсальную юрисдикцию, поскольку, по их соображениям, аресты и скорые суды (или еще менее формальные процедуры) являются более целесообразными.

Практика показывает, что потребность в оправдании и риторическом преимуществе остается актуальной для многих государств. Суть их заключается в том, что репутация государства в глазах международной общественности может серьёзно пострадать, когда судебное преследование проводится с явным нарушением международного права. Универсальная юрисдикция позволяет преследующему государству, безотносительно к его фактической мотивации, требовать для себя судейской мантии для осуществления универсальной юрисдикции.

Неудовлетворенность современными паттернами применения универсальной юрисдикции связана с вниманием к ее потенциалу не только со стороны государства, но и преступников. Более того, к инструментам универсальной юрисдикции обращаются правозащитные организации, задействованные в идентификации, преследовании предполагаемых преступников и убеждении правительств расследовать дополнительные обстоятельства дела.

В этой связи вопросами, открытыми для дискуссии, являются пути и практики дальнейшего применения универсальной юрисдикции.

Рассуждая по этому поводу, некоторые ученые выражают сомнения в том, что универсальная юрисдикция может быть осуществлена судами, где судебные процессы не проходят на должном уровне, наблюдаются зависимость от внешних/внутренних факторов и субъективность, политическая мотивированность и предвзятость.

Все эти аспекты составляют проблемный характер не только универсальной юрисдикции, но и других всемирно признанных форм юрисдикции – территориальности, национальности, защитного принципа и пассивной индивидуальности.

Возникает логичный вопрос о необходимости подвергать сомнению эффективность универсальной юрисдикции. Причина видится в оценке ее плюсов и минусов.

Преимущества юрисдикции по преступлениям, совершенным на их собственной территории, для государств огромны, ведь поддержание

общественного порядка в пределах собственной территории – центральная функция правительства. Также политически значима и юрисдикция государства в отношении своих подданных – это составляет суть отношений государства и его граждан.

Защитный принцип позволяет государствам осуществлять юрисдикцию в самозащите, где нарушения, совершенные за границей, направлены против безопасности страны или угрожают целостности правительственных функций.

В отличие от защитного принципа, принцип пассивной национальности действует в отношении действий, угрожающих гражданам государства, независимо от места их совершения и подданства преступника. Основание пассивной индивидуальности для юрисдикции также влечет существенные выгоды для государства-жертвы в установлении ответственности за преступления через судебное преследование – в тех ситуациях, когда никакое другое государство не может получить преимущество для преследования по суду. Применение этого основания юрисдикции к специфическим преступлениям типа угона самолета и воздушного саботажа признается правомерным во многих странах мира.

Однако для других категорий преступлений простую идентификацию жертвы (например, человек был ограблен, посещая столицу другого государства) сочли бы недостаточным основанием для осуществления юрисдикции. Такого рода пассивная индивидуальная юрисдикция расценивается как посягательство на территориальные прерогативы государства, где произошло преступление.

Между тем обоснование для пассивной индивидуальной юрисдикции является достаточно спорным. В каждой форме юрисдикции (кроме пассивной ввиду ее неоднозначности) выгоды юрисдикции перевешивают ее недостатки, даже принимая во внимание ее потенциал к злоупотреблению. В этой связи В.Л. Толстых считает, что «защитный принцип и принцип пассивной национальности посягают на юрисдикцию государства, на территории которого произошло преступление, или государства гражданства преступника; являются непрактичными (государственные органы могут

сталкиваться с большими трудностями при получении преступника в свое распоряжение и сборе доказательств); в большинстве случаев предполагают неосведомленность преступника о соответствующих запретах»¹⁴⁰.

Следующий важный вопрос затрагивает преимущества, получаемые государством от универсальной юрисдикции, которые не поддаются традиционной оценке. Именно в силу этого обстоятельства универсальная юрисдикция может успешно функционировать лишь некоторое время, ведь, как показывает опыт, подавляющее большинство дел связано с высокопоставленными чиновниками. Универсальная юрисдикция обязывает государства к осуществлению юрисдикции, но отмечается тенденция по уклонению от преследования по суду влиятельных, облеченных властью преступников из других государств в отсутствие явных связей между совершенным преступлением и государством, которое преследовало бы его по суду.

Сегодня большинство правительств стран мира практически единогласно отказались от использования универсальных инструментов юрисдикции. США потратили годы, убеждая правительства других стран следовать их (США) директивам. Так, США настаивали, чтобы Испания, Дания, Швеция, Германия, Израиль и другие государства преследовали по суду Пола Пота; убеждали Италию, Германию, Россию и Турцию преследовать по суду Оджалана; поощряли Австрию, Италию и другие европейские и ближневосточные государства в судебном преследовании иракских граждан, включая Саддама Хусейна. И во всех этих случаях присутствуют прагматичные рассуждения обвинителей.

Следуя логике исследования, рассмотрим пути повышения эффективности универсальной юрисдикции в борьбе с безнаказанностью.

18 октября 2012 года в Нью-Йорке VI комитет Генеральной Ассамблеи ООН на своей 67-ой сессии включил принцип универсальной юрисдикции в 84-й пункт Повестки. Для того, чтобы оценить масштабы охвата универсальной юрисдикции, сферы и специфику ее применения была создана рабочая группа.

---

¹⁴⁰ Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. – М.: Международные отношения, 2022. – С. 364.

Генеральный секретарь ООН детально осветил вопросы, связанные с международными договорами, по которым применялась универсальная юрисдикция. Особое внимание было уделено комментариям государств и наблюдателей по проблемам внедрения универсальной юрисдикции в национальные законодательства стран и их судебные практики¹⁴¹.

С 2012 по 2023 годы VI комитет Генеральной Ассамблеи ООН продолжает активное наблюдение за данной сферой, и внимание созданной Рабочей группы по-прежнему сосредоточено на вопросе охвата и применения принципа универсальной юрисдикции национальными и международными судебными учреждениями. Отметим, что отсутствие консенсуса между государствами относительно злоупотребления принципом универсальной юрисдикции или его ненадлежащего использования не позволило данному Комитету окончательно решить вопрос об использовании универсальной юрисдикции в отношении международных преступлений¹⁴².

Оценивая доклад, МККК заявили о всеобщей тенденции к признанию универсальной юрисдикции как одной из самых эффективных мер по борьбе с международными преступлениями¹⁴³. Эта единогласная позиция свидетельствует о готовности стран консолидировать усилия в этом направлении.

Мы считаем, что универсальная юрисдикция является не единственным способом борьбы с безнаказанностью лиц, совершающих международные преступления. Она может играть и самостоятельную роль, а может стать вспомогательным элементом в механизме противодействия международной преступности, особенно в случаях, когда суды выражают нежелание или ссылаются на невозможность осуществления юрисдикции на основе трех центральных принципов – территориальности, личности субъекта и личности объекта преступления.

---

¹⁴¹ См.: Охват и применение принципа универсальной юрисдикции / Доклад Генерального секретаря ООН / Документ A/67/1 16 от 28 июня 2012 г.

¹⁴² Резолюции 67/98, A/68/113, A/69/174, A/70/125, A/71/111, A/73/123, A/74/144, A/76/203 и A/76/203, принятые Генеральной Ассамблеей ООН за 2012-2023 гг.

¹⁴³ См.: Заявление МККК от 18 октября 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.ru/resources/documents/statement/2012/unitednationsuniversaljurisdictionstatement-2012-10-18> (дата обращения: 15.11.2021).

ГЛАВА III. ПРАВОВОЙ СТАТУС УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОНВЕНЦИЯМИ И УСТАВАМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

3.1. Правовой статус универсальной юрисдикции, предусмотренный конвенциями в борьбе с международными преступлениями

Международное право содержит солидный пакет многосторонних, региональных и двусторонних конвенций, посвященных борьбе с международными преступлениями и в которых универсальная юрисдикция представлена как наиболее действенный механизм решения межгосударственных проблем. В частности, универсальная юрисдикция включена в многочисленные международно-правовые акты, такие как Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.) и Женевские конвенции 1949 года о защите жертв войны и Дополнительные протоколы к ним 1977 года, Конвенция ООН по международному морскому праву (1982 г.), Уставы Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, Римский статут Международного уголовного суда и др.

Универсальная юрисдикция стала предметом многих международных конвенций, число которых на сегодняшний день перешагнуло отметку в 25 единиц. Такое количество явно свидетельствует о «консолидирующем характере этого правового института»¹⁴⁴. В этой связи считаем необходимым

---

¹⁴⁴ К ним, в частности, относятся: 1) Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков 1929 года; 2) Женевские конвенции 1949 года; 3) Конвенция об открытом море 1958 года; 4) Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года; 5) Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов; 6) Конвенция о психотропных веществах 1971 года; 7) Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 года; 8) Протокол 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах; 9) Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 года; 10) Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 года; 11) Дополнительный протокол 1977 года к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов; 12) Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года; 13) Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 года; 14) Конвенция ООН по морскому праву 1982 года; 15) Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года; 16) Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 года; 17) Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 года; 18) Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала 1994 года; 19) Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года; 20) Международная конвенция о

рассмотреть основные положения этих международных правовых актов в контексте универсальной юрисдикции.

В преамбуле Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. делается ссылка на резолюцию Генеральной Ассамблеи 96 (I) от 11 декабря 1946 года и еще раз утверждается, что «геноцид является преступлением, нарушающим нормы международного права и противоречащим духу и целям Организации Объединенных Наций, и что цивилизованный мир осуждает его»¹⁴⁵.

Статья V Конвенции призывает государств-участников к доработке национальных законодательств за счет включения положений Конвенции, и пересмотра действующих статей и пунктов, что позволит разработать эффективные меры борьбы с международными правонарушениями. Так, на сегодняшний день уже многие государства внесли соответствующие изменения в национальные уголовные кодексы. Республика Таджикистан присоединилась к данной Конвенции 29 апреля 2015 г. и ввела отдельную статью под названием «Геноцид» (ст. 398) в главу 34 Уголовного кодекса (1998г.), посвященную преступлениям против мира и безопасности человечества. Диспозиция нормы ст. 398 УК РТ приведена в соответствие с положениями Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года, что соответствует критерию обеспечения полноты имплементации соответствующих международных договоров.

Понятие геноцида продолжает сохранять свой дискуссионный статус ввиду наличия множества определений и исследовательских позиций. В частности, А.Н. Трайнин подчеркивал: «Следует различать три формы геноцида: физический, когда происходит непосредственное физическое уничтожение людей; биологический, когда речь идет о предотвращении

борьбе с финансированием терроризма 1999 года и 21) Конвенция Организации Объединенных Наций против организованной транснациональной преступности 2000 года.

¹⁴⁵ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. 9 декабря 1948 г. // Действующее международное право: в 3-х т. Т. 2 / Сост.: проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 68.

появления на свет человека, национально-культурный, когда речь идет об уничтожении национальной культуры»¹⁴⁶.

Относительно Статута Международного уголовного суда высказывается и российский исследователь И.И. Костенко: «Проект Конвенции 1948 г. содержал положения о культурном геноциде. Данное понятие охватывало любое преднамеренное деяние, совершенное с целью уничтожения языка, религии или культуры данной группы... Однако текст Конвенции... не включает в себя концепцию «культурного геноцида» ... и перечисляет лишь деяния, которые относятся к категории «физического» или «биологического» геноцида. Тем не менее, некоторые деяния, указанные в этом пункте, при определенных обстоятельствах могли бы представлять собой преступления против мира и безопасности человечества»¹⁴⁷.

Одно из наиболее спорных положений представлено в статье VI: «Лица, обвиняемые в совершении геноцида, ... должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда».

Данный контекст наделяет явным преимуществом всего две юрисдикции – Международного уголовного суда (хотя его на тот период времени не существовало) и территориальную, а универсальная подсудность геноцида умалчивается, что свидетельствует о периферийной его значимости. Конвенция и резолюция по разработке Устава этого суда принимались одновременно, что способствовало принятию Римского статута.

С принятием Конвенции израильские суды заявили о том, что универсальная юрисдикция в отношении геноцида может осуществляться даже при отсутствии международного уголовного суда и, руководствуясь международным обычным правом, признали ее весьма конструктивной

---

¹⁴⁶ Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон. – М., 1969. – С. 408.

¹⁴⁷ Костенко Н.И. Международный уголовный суд. – М., 2002. – С. 54.

судебной практикой¹⁴⁸.

Резолюция 96 (I) Генеральной Ассамблеи ООН (11 декабря 1946 года) обозначает «геноцид международным преступлением, которое осуждается цивилизованным миром»¹⁴⁹ и подпадает под универсальную юрисдикцию.

Представляется уместным указать, что ратификация Конвенции многими странами наделила ее статусом *jus cogens* и практически сделала ее нормой международного обычного права, что обязывает все страны мира осуществлять уголовное преследование участников геноцида.

Относительно пояснений к Конвенции о предупреждении преступления геноцида (1951 г.) Международный Суд признал намерения ООН «осудить и наказать геноцид, результатом которого являются огромные человеческие потери, и которое противоречит нормам морального права и духу и целям ООН»¹⁵⁰.

Возвращаясь к обязательствам государств *erga omnes*, подчеркнем, борьба и противодействие геноциду является долгом не только перед другим государством, но и перед международным сообществом в целом. Обязательства *erga omnes* (преследовать по суду) параметрально практически полностью сочетаются с универсальной юрисдикцией, что прослеживается и в исторической канве. Так, преамбула Римского статута МУС отражает эту тенденцию в проекции «обязанностей каждого государства осуществить свою уголовную юрисдикцию над лицами, ответственными за международные преступления». Обязанность, к которой обращается МУС, может быть охарактеризована, как обязательство *erga omnes*.

С содежательной точки зрения Уголовный кодекс Республики Таджикистан, равно как и положения многих международных договоров,

---

¹⁴⁸ См.: Шабас, Уильям А. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // United Nations Audiovisual Library of International Law [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/cppcg/erpeg_r.pdf (дата обращения: 23.12.2021).

¹⁴⁹ Резолюция ГА ООН 96 (1), принята 11 декабря 1946 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/035/53/PDF/NR003553.pdf?OpenElement> (дата обращения: 23.12.2021).

¹⁵⁰ Дело об оговорках к Конвенции о геноциде (1951), Международный суд ООН, доклад 15, стр. 23. Цит. по: Был ли армянский геноцид? Экспертное мнение. Джеффри Робертсон, Королевский адвокат 9 октября 2009 г. с. 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.araratheritage.org.uk/PDF/RobertsonOpinion/RobertsonArmenianGenocideRussian.pdf> (дата обращения: 23.02.2022).

предусматривает ответственность за преступления против мира и человечества. Однако разница наблюдается в формулировках и рубрикационной локации отдельных элементов состава этих преступлений, что затрудняет практическое применение этих норм. В частности, достаточно спорным следует считать, то что раздел XV действующего УК РТ, посвященного преступлениям против мира и безопасности человечества, расположен в заключении Особенной части.

Нам представляется, что в современных условиях вопросы обеспечения мира и безопасности человечества тесно связаны с правами человека. Более того, эти аспекты является не только важной задачей международного права, но и приоритетной областью уголовно-правовой охраны. При этом вопросы нарушения основных прав человека и ответственности за преступления против личности (раздел VII) составляют начало Особенной части УК РТ, а блок, посвященный преступлениям против мира и безопасности человечества, ее завершает. Подобное некорректное расположение, на наш взгляд, нарушает четкую линейность и логическую последовательность этих содержательных элементов. В связи с этим предлагается раздел XV УК РТ перенести за раздел VII (преступления против личности) Уголовного кодекса.

Особую значимость имеет Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (резолюция 39/46 от 10 декабря 1984 года), вступившая в силу тремя годами позже со дня своего принятия. Статья 4 Конвенции обязывает страны квалифицировать пытки как уголовное преступления, тяжесть наказания за которые будет зависеть от их тяжести и характера.

Согласно ст. 1 Конвенции пытка – это «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание

причиняется государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия».

В соответствии с этой нормой моральный и физический ущерб, обусловленный законными санкциями или вызванный ими случайно, не может быть признан пыткой. Тем не менее действие может быть квалифицировано как пытка при наличии субъект-объектных (государственное должностное или официальное лицо и физическое лицо) отношений в целях получения сведений, признаний путем наказания, запугивания, принуждения к определенным действиям и пр. в контексте двух критериев: 1) нарушение принципа неприкосновенности личности; 2) причинение лицу физических или нравственных страданий.

Помимо этого, Конвенция возлагает на государство-участника обязанность «предотвращать на любой территории, находящейся под его юрисдикцией, другие акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания», совершаемые указанными субъектами. Эти акты по уровню опасности для общества гораздо слабее пыток, чья высокая социальная угроза стала поводом обратиться к вопросу их предотвращения в Конвенции, где в этом же контексте упоминаются дисциплинарные, административные, уголовные и другие санкции (ст. 16).

К тому же следует отметить, что согласно статье 2 Конвенции от 1984 года пытки не могут быть оправданы никакими обстоятельствами (внутренний политический кризис, введение чрезвычайного положения, угроза вооруженного конфликта, война). Комплекс профилактических мер в этом вопросе начинается уже на этапе подготовки работников правоохранительных органов, в частности с включения в учебные программы специальных курсов, освещающих проблему применения пыток. Более того, список целевой аудитории данного курса должен быть расширен за счет «гражданского, военного, медицинского персонала и других лиц, связанных с содержанием лиц под стражей или обращением с ними» (ст. 10).

Процедурные этапы выдачи лиц, применявших пытки, также

регламентируются Конвенцией, в частности оговариваются условия расследования и судебного разбирательства в рамках универсальной юрисдикции, которые должно реализовать государство, где был выявлен преступник, но которое не может или отказывается его выдать. В соответствии с документом жертвы пыток получают право на компенсацию причиненного морального и физического ущерба и реабилитацию.

Контроль за исполнением норм Конвенции возлагается на Комитет против пыток, который один раз в четыре года принимает доклады государств-участников о предпринятых в соответствии с Концепцией мерах.

Ответственность за применение пыток также закреплена в ряде документов, в том числе в Межамериканской конвенции о предупреждении и наказании пыток (от 1985 г.), в Европейской конвенции о предупреждении пыток и негуманного или унижающего достоинство обращения и наказания (от 1987 г.) с Дополнительными протоколами (№1 и №2 от 1993 г.), в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (от 1996 г.).

Республика Таджикистан стала участником Конвенции 11 января 1995 года. Однако заявления о согласии на ратификацию статьи 22 Конвенции не последовало. Это решение логично объясняется потенциалом этой статьи дать возможность лицам, находящимся под юрисдикцией Таджикистана, обращаться в Комитет по правам человека ООН с индивидуальными жалобами против своей страны. Республика Таджикистан также не ратифицировала факультативный протокол от 18.12.2002 года к названной Конвенции, что означало бы взятие на себя обязательства по созданию в стране независимого национального органа, уполномоченного посещать закрытые учреждения, к которым относятся и места лишения свободы.

В октябре 2011 г. вопрос применения пыток в Таджикистане впервые рассматривался Советом ООН по правам человека в формате универсального периодического обзора, по итогам которого был сформулирован ряд важных рекомендаций. Таджикистан согласился привести определение пытки в соответствие с Конвенцией, а также предупреждать пытки и расследовать заявления о таких фактах. В итоге в марте 2012 г. в Уголовный кодекс

Республики Таджикистан была введена новая статья «Пытка» (ст. 143.1), усиливающая наказание за применение пытки – до 5 лет лишения свободы, а при повторном совершении – от 10 до 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Женевские конвенции о защите жертв войны (1949 г.) и Дополнительные протоколы к ним (1977 г.) стали мощнейшим средством борьбы с военными преступлениям, поскольку они а) предусматривали уголовную ответственность лиц, виновных в их совершении безотносительно места совершения преступления и гражданства правонарушителя, б) соответствовали стандартам универсальной юрисдикции, что закономерно следует из факта всеобщего осуждения конкретного преступления¹⁵¹.

Статьи Женевских конвенций 1949 года (ст. 49, 50, 129, 146) приводят ряд важных положений: «Каждая из стран, участвующих в Договоре, обязуется преследовать лиц, подозреваемых в совершении серьезных преступлений, независимо от их гражданства, и передавать эти дела в судопроизводство своих стран. Помимо этого, возможна и передача дела в суд другой страны-участницы договора, если последняя имеет доказательства для обвинения этих лиц, согласно законодательству каждой из стран».

Предлагаемые положения свидетельствуют о том, что Женевские конвенции о защите жертв войны устанавливают для государств-участников конкретное обязательство «ввести в действие эффективное законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения» (ст. 40, 50, 129 и 146 I-IV Женевских конвенций)¹⁵².

Эти нормы направлены на реализацию наиболее полного уголовного преследования за совершение серьезных нарушений. Любое государство, в котором находятся лица, совершившие преступления, обязано самостоятельно

---

¹⁵¹ См.: Фисенко И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. – Минск, 2000. – С. 176-177.

¹⁵² См.: Азимов Н.Б. Теоретические основы имплементация норм международного права в уголовном законодательстве РТ: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2019. – С. 347.

привлечь их к судебной ответственности или передать их государству, которое желает осуществить уголовное преследование (*aut dedere aut judicare*).

Вместе с тем следует отметить, что Женевские конвенции 1949 года предусматривают обязательную универсальную юрисдикцию только в отношении серьезных нарушений, специально указанных в этих международно-правовых актах. Пункт 1 ст. 85 Дополнительного протокола I распространяет положение Женевских конвенций, касающееся пресечения серьезных нарушений, также на нарушения Дополнительного протокола I.

Между тем универсальная юрисдикция в международном обычном праве может применяться и в отношении других нарушений, не упомянутых в международных договорах, однако характер и степень их общественной опасности дают основания признать их серьезным попранием международного гуманитарного права. К ним, как правило, относят несоблюдение общепринятых норм ведения войны и статьи 3 – общей для Женевских конвенций и Дополнительного протокола II.

«Военные преступления могут стать предметом универсальной юрисдикции»¹⁵³. Более того, на государство, в котором находится лицо, совершившее преступление, данное обязательство возлагается даже в том случае, если между этим государством и преступлением не существует никакой другой связи, кроме факта присутствия в нем подозреваемого лица. В этом смысле корректно утверждать, что положения Женевских конвенций о серьёзных нарушениях также охватывают преступления, совершенные в гражданских войнах¹⁵⁴.

С недавних пор преступления, совершенные в гражданских войнах, стали причисляться к военными преступлениям, что подтверждается правовыми доктринами и закрепляется национальными законодательствами, практикой международных трибуналов и национальных судов. Такого рода нарушения подпадают под так называемую факультативную юрисдикцию. В качестве примера можно привести решение Международного трибунала по бывшей

---

¹⁵³ Женевская конвенция IV от 12 августа 1949 года, ст. 146.

¹⁵⁴ См.: Варле Г. Принципы международного уголовного права: учебник / Пер. с англ. С.В. Саяпина. – Одесса: Феникс; Москва: Транслит, 2011. – С. 95.

Югославии по делу Тадича; бельгийский закон от 16 июня 1993 г. о пресечении серьезных нарушений Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. и Дополнительных протоколов I и II к ним от 8 июня 1977 г.; Уголовные кодексы Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Республики Таджикистан; решения Военной палаты Арnhemа в 1996 г. о том, что «законодательство Нидерландов предусматривает универсальную юрисдикцию в случае немеждународных вооруженных конфликтов; позицию судов Швейцарии, согласно которой статья 109 Военно-уголовного кодекса Швейцарии предусматривает универсальную юрисдикцию в случае нарушений, перечисленных в общей статье 3 Женевских конвенций и протокола II, и т.д.»¹⁵⁵.

К Женевским конвенциям о защите жертв войны (от 12 августа 1949 г.) и Дополнительным протоколам к ним (от 8 июня 1977 г.) Республика Таджикистан присоединилась 13 января 1993 г. В Уголовный кодекс РТ, принятый 21 мая 1998 года, были имплементированы 29 составов серьезных и иных нарушений норм международного гуманитарного права, которые содержатся в следующих статьях: «Умышленные нарушения норм международного гуманитарного права, совершенные в ходе вооруженного конфликта» (статья 403); «Умышленные нарушения норм международного гуманитарного права, совершенные во время международного или внутреннего вооруженного конфликта с угрозой здоровью или повлекшие физические увечья» (статья 404); «Иные нарушения норм международного гуманитарного права» (статья 405).

Уголовный кодекс Республики Таджикистан не противоречит нормам Международного гуманитарного права о преследовании лиц за нарушение Женевских конвенций о защите жертв войны и Дополнительных протоколов. В разделе XV (гл. 34) УК РТ предусмотрена возможность нарушения Международного гуманитарного права, что отражено во всех четырех Женевских конвенциях (ст. 50 в I; ст. 51 во II; ст. 130 в III; ст. 147 в IV) и в Дополнительном протоколе I (ст. 11 и 85).

---

¹⁵⁵ Калугин В.Ю. Курс международного гуманитарного права. – Минск: Тесей, 2006. – С. 229-230.

29 самостоятельных составов преступления зафиксированы в трех статьях главы 34 УК РТ (403, 404, 405). Так, в соответствии с УК РТ преступления, совершенные в ходе гражданской войны 1992-1997 гг., являются военными преступлениями, к ним не распространяется срок давности, и они подсудны судам Республики Таджикистан.

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. основана на универсальной юрисдикции в отношении актов пиратства как древнейшему обычаю международного права, который гарантирует уголовное наказание независимо от срока давности преступления.

Статья 105 Конвенции легализует арест пиратских судов или судов, захваченных пиратами, и дает основания для принятия решений о дальнейшей судьбе имущества, которое было захвачено пиратами. До XX века эта норма считалась принципом универсальности, позже она была принята в качестве конвенции.

Эксперты констатируют историческую связь между принципом универсальности и пиратством, которую объясняют постоянным противостоянием пиратов как главного объекта опасности для морских судов всех наций, с одной стороны, а с другой – государств, которые арестовывали пиратские корабли и казнили морских разбойников без суда и следствия.

Высокие темпы развития международной торговли способствовали выработке свода правил, обязательных к исполнению представителями всех государств. Так, арестованный пиратский корабль направлялся в акватории (любого) цивилизованного государства, его экипаж судили, а сам корабль и имущество осужденных пиратов, становились предметом разбирательства призового суда.

На сегодняшний день проблема практической реализации универсальной юрисдикции продолжает входить в актуальную повестку ввиду отсутствия четкой правовой регламентации принципов ее применения. Такая неопределенность не позволяет в полной мере противостоять пиратству и другим международным преступлениям.

Отметим, тем не менее, некоторую противоречивость в этом вопросе. Пиратство, по мнению многих исследователей, не требует универсальной юрисдикции, поскольку все действия после ареста пиратских судов, равно как и сам арест регламентированы международными обычаями. Действительно, за последние три века пираты становились фигурантами судебных разбирательств по принципу универсальности всего пять раз. Причину такой ограниченности эксперты видят в том, что некоторые страны запрещают применение универсальной юрисдикции над пиратами¹⁵⁶ как в рамках уголовного, так и гражданского судопроизводства. Этот запрет мотивирован возможностью сторон (пираты, государство, жертвы) подать иск на возмещение ущерба после призовых процедур.

Конвенцией определяется, что территория захвата пиратского судна, находится вне юрисдикции какой-либо страны, что соответствует классическим нормам. Такая постановка вопроса свидетельствует о конструктивном характере универсальной юрисдикции и целесообразности ее применения. Примером могут стать открытые воды, не входящие в территориальную юрисдикцию ни одного государства. Следовательно, само судно и люди на его борту находятся под юрисдикцией государства флага, и все дальнейшие действия совершаются в соответствии с пассивным личным принципом.

В отличие от этого, открытые воды представляют собой место пересечения различных видов международной юрисдикции, и одновременность действий в этих обстоятельствах может привести к определенному сценарию событий.

Один и тот же инцидент может стать предметом заявления государств на юрисдикцию по целому перечню принципов. Формальные основания для юрисдикционных требований должны преобладать над всеми другими основаниями, в противном случае процесс решения юрисдикционных коллизий будет кратно осложнен. Такие прецеденты требуют ссылку на

---

¹⁵⁶ См.: Лавлинская А.Н. Универсальная юрисдикция и принцип «aut dedere aut judicare» в международной борьбе с морским пиратством / А.Н. Лавлинская // Евразийский юридический журнал. – 2011. – №1(32). – С. 46-50.

универсальную норму, запрещающую стране единолично устанавливать универсальную юрисдикцию. При этом международные нормы предусматривают право государства отказаться от своей юрисдикции в пользу той страны, для которой эта юрисдикция представляет вопрос национального интереса.

Как правило, такой отказ мотивирован скорее стремлением привлечь правонарушителя к уголовной ответственности и в целом на борьбу с международными преступлениями.

Анализ практики осуществления уголовной юрисдикции показывает достаточно парадоксальную картину. Известны случаи, когда обычное уголовное преступление становилось объектом юрисдикции сразу нескольких стран, и государства изъявляли желание осуществить свою юрисдикцию, однако, в аналогичной ситуации в отношении пиратства – преступления международного характера – государства отказывались от ее осуществления. Подобную избирательность государства обосновывали необязательным, а выборочным характером уголовной юрисдикции фактически перекладывают обязанность по борьбе с пиратством на государства, судна или граждане которых станут жертвами этих же пиратов в следующий раз.

Так, принцип, призванный гарантировать наказание за совершенное преступление, на практике стал действенным инструментом, позволяющим уйти от ответственности за международные преступления и избежать государствами выполнения своих международных и внутригосударственных обязательств.

При принятии практически всех решений основным ориентиром является статья 105 Конвенции ООН 1982 г., которая дает право любой стране арестовать пиратское судно в открытых водах (или ином месте)¹⁵⁷. В таком редакторском представлении текст статьи представляет декларирование оговариваемой нормы, а не императив.

---

¹⁵⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву в 1982 г. / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 3. / Сост.: проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 363-364.

В этой связи нами предлагается формулировка, согласно которой «Каждое государство обязуется арестовывать пребывающие в открытых водах или исключительной экономической зоне пиратские суда или суда, находящиеся под контролем пиратов, для принятия решения об их уголовной ответственности. В случае отсутствия каких-либо сторонних требований выдать правонарушителей, то государство, арестовавшее пиратское судно, должно самостоятельно осуществлять уголовную юрисдикцию в отношении задержанных».

Данная трактовка обладает очевидными преимуществами по сравнению с действующей, по нескольким параметрам, ключевым из которых стало то, что, во-первых, принцип универсальности получает свое императивное наполнение, а обязательство захватывать пиратов зачисляется в разряд обязательств *erga omnes*; во-вторых, применение данного принципа подкрепляется принципом «*aut dedere aut judicare*» который даёт гарантию ответственности за совершенные преступления. Несмотря на это, для того чтобы реализовать положения статьи в такой формулировке необходимо учесть, что вводимая в научный оборот формулировка требует соблюдения иерархии юрисдикционных требований, с четким определением их очередности и разработкой механизма устранения коллизий юрисдикций.

Из всех видов юрисдикций Принципы международного права наделяют территориальную юрисдикцию гораздо большим приоритетом, что дает государству, в отношении которого (то есть судна этого государства) был совершен акт пиратства, больше привилегий и его требования учитываются в первую очередь. Уверены, что такая расстановка приоритетов должна считаться неоспоримой.

Однако существуют обстоятельства, не позволяющие реализовать территориальную юрисдикцию; к ним можно отнести регистрацию судна под «удобным» флагом, то есть флагом страны с особыми условиями или страны, отказавшейся от осуществления юрисдикции. Здесь оптимальным представляется экстерриториальная юрисдикция. Данный выбор обусловлен

принципом суверенитета, который в том числе подразумевает защиту своих граждан, однако это не должно ущемлять права подданных других государств.

При такой очередности юрисдикционное требование которое основывается на универсальном принципе можно поставить на последнем месте. При том что такое требование не имеет связи с преступлением оно может восполнить отказ государств от выполнения суверенных обязательств.

В этой связи предметом особой важности является требование по защите суверенных прав граждан страны в случае ее отказа от их выполнения. Недостаточность контроля в этом вопросе и слабость механизма осуществления обязательств активизировали принцип целесообразности действий, что несколько вытеснило с данной площадки принцип международного сотрудничества. Отказ от юрисдикции должен обязательно рассматриваться как нарушение межгосударственного соглашения в борьбе с пиратством, за что страна, непременно, должна нести международную ответственность.

В этой связи целесообразно изменить формулировку статьи 100 Конвенции по морскому праву (от 1982 г.), в соответствии с которой «все государства мира должны максимально взаимодействовать в борьбе с пиратством в открытом море или в любом другом месте за пределами юрисдикции какого-либо государства»¹⁵⁸.

Предлагаем внести с статью некоторые изменения: «Безопасность морского судоходства и эффективное развитие международной торговли зависит от добросовестного исполнения всеми государствами обязательств по пресечению актов пиратства».

Такие редакционные правки с параллельным использованием правовых инструментов могут стать полноценной ресурсной базой в борьбе с морским пиратством.

Безусловно, принципы универсальной юрисдикции и клаузула «aut dedere aut judicare» не решат весь спектр проблем, связанных с пиратством, однако

---

¹⁵⁸ Действующее международное право: в 3-х т. Т. 3 / Сост.: проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 362.

будут способствовать совершенствованию системы международной борьбы в этом векторе.

Кроме рассмотренных выше международных конвенций, которые прямо обязывают государств-участников применять принцип универсальной юрисдикции, другие многочисленные международные договоры, например, ст. 3 Токийской конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов от 14 сентября 1963 года; ст. 4 (п. 3) Гаагской конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 года; ст. 3 Конвенции ООН о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14 декабря 1973 года; ст. 5 Конвенции о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 года; ст. 6 (п. 5) Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства от 10 марта 1988 года; ст. 9 (п. 3) Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989 года; ст. 9 (п. 3) Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений от 20 декабря 2006 года и ряд других допускают возможность осуществления государствами универсальной юрисдикции на национальном уровне в отношении предусмотренных в них преступлений.

Поскольку ст. 3 (п. 3) Токийской конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов от 14 сентября 1963 года, ст. 4 (п. 3) Гаагской конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 года, ст.3 (п. 3) Конвенции ООН о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14 декабря 1973 года, ст. 5 (п. 3) Конвенции о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 года; ст. 6 (п. 5) Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства от 10 марта 1988 года; ст. 9 (п. 3) Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989

года; ст. 9 (п. 3) Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений от 20 декабря 2006 года являются идентичными, рассмотрим положение первой из этих конвенций более подробно.

Так, ст. 3 Токийской конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов от 14 сентября 1963 года, гласит:

«1. Государство регистрации воздушного судна правомочно осуществлять юрисдикцию в отношении преступлений и актов, совершенных на борту.

2. Каждое Договаривающееся государство принимает такие меры, какие могут оказаться необходимыми для установления своей юрисдикции в качестве государства регистрации в отношении преступлений, совершенных на борту воздушных судов, зарегистрированных в таком государстве.

3. Настоящая Конвенция не исключает осуществления любой уголовной юрисдикции в соответствии с национальным законодательством»¹⁵⁹.

Анализ показывает, что Токийская конвенция 1963 года считается одним из наиболее успешных международных договоров, заключенных под эгидой Международной организации гражданской авиации (ИКАО). Однако, в последнее время, исследователи заговорили в качестве одного из главных ее «слабых мест» (недостатков) юрисдикционных положений данной конвенции.

Стоит напомнить, что в докладе, подготовленном А. Пьер для обсуждений в рамках Специального подкомитета Юридического комитета ИКАО по модернизации Токийской конвенции, 22-25 мая 2012 г., было указано, что данная Конвенция имеет два основных недостатка: во-первых, отсутствие обязательной юрисдикции и во-вторых – наличие так называемого «юрисдикционного пробела»¹⁶⁰.

---

¹⁵⁹ Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов. Подписана в Токио 14 сентября 1963 года. По состоянию на 1 января 2024 года Токийскую конвенцию ратифицировали 187 государства-члены Организации Объединенных Наций, за исключением Доминики, Восточного Тимора, Эритреи, Кирибати, Микронезии, Сомали, Южного Судана и Тувалу. Святой Престол подписал, но не ратифицировал договор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icao.int/secretariat/legal/List%20of%20Parties/Tokyo_EN.pdf (дата обращения: 31.12.2023).

¹⁶⁰ Доклад Специального подкомитета Юридического комитета ИКАО по модернизации Токийской конвенции, включая проблему недисциплинированных пассажиров (Монреаль, 22-25 мая 2012 г.) / Документ ИКАО LC/SC-MOT. – Монреаль: ИКАО, 2013.

Что касается первого недостатка, то исследователи часто указывают, что согласно Токийской конвенции 1963 г. фактически юрисдикция государства регистрации воздушного судна не является обязательной. Конвенция обязывает государства-участников лишь установить (но не осуществить) юрисдикцию, и только в отношении преступлений (но не актов, не являющихся преступлениями), то есть речь идет только о законодательной уголовной юрисдикции¹⁶¹.

Второй недостаток – так называемый «юрисдикционный пробел» – заключается в том, что многие недисциплинированные лица остаются безнаказанными по причине отсутствия юрисдикции, поскольку зачастую государство посадки не может применить свою юрисдикцию. Например, преступление может быть совершено на борту воздушного судна, зарегистрированного в другом государстве, и это преступление никак не затрагивает территорию государства посадки и не связано с вопросами его национальной безопасности.

На наш взгляд, здесь имеет место не юрисдикционный, а правоприменительный пробел. Дело в том, что во внутреннем законодательстве многих государств уже есть положения о юрисдикции государства посадки, и они, на основании п. 3 ст. 3 Токийской конвенции 1963 г., успешно применяют данные положения на практике, в то время как другим государствам, действительно, для включения соответствующего правила во внутреннее законодательство необходимо его прямое закрепление в международном договоре.

Проведенная работа под эгидой ИКАО по выявлению и анализу недостатков Токийской конвенции 1963 г., завершилась принятием на Дипломатической конференции, проходившей с 26 марта по 4 апреля 2014 г. Протокола, изменяющего Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (Монреаль, 4 апреля 2014 г.).

---

¹⁶¹ См.: Конюхова А.С. Международно-правовые основы противодействия правонарушителям на воздушном транспорте: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2017. – С. 38-52.

Протокол вступит в силу после его ратификации (принятия и утверждения) 22 государствами (п. 1 ст. XVIII).

В ответ на выявленные недостатки Токийская конвенция была дополнена Протоколом 2014 года, который вводит новые виды юрисдикции, включая юрисдикцию государства посадки и государства эксплуатанта. Протокол устанавливает, что государства могут применять любую уголовную юрисдикцию, включая универсальную уголовную юрисдикцию в соответствии с национальным законодательством, что может помочь в решении вопросов безнаказанности правонарушителей (ст. IV).

Универсальная уголовная юрисдикция позволяет государствам преследовать и наказывать преступников за определённые тяжкие преступления независимо от места их совершения. Это подход может компенсировать недостатки Токийской конвенции, позволяя странам действовать в случае, если государство регистрации не принимает мер по расследованию или преследованию.

Многие международные договоры, такие как статьи Гаагской конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 года и другие, прямо обязывают государства применять универсальную юрисдикцию. Они дополняют Токийскую конвенцию, предоставляя возможность осуществления юрисдикции на национальном уровне для предотвращения безнаказанности. Связь между Токийской конвенцией 1963 года и универсальной уголовной юрисдикцией проявляется в контексте международных усилий по борьбе с преступлениями, совершаемыми на борту воздушных судов, и эффективному правоприменению для обеспечения безопасности граждан.

Таким образом, связь между рассмотренными конвенциями и универсальной уголовной юрисдикцией заключается в необходимости комплексного подхода к борьбе с преступлениями на борту воздушных судов. В то время как названные конвенции предоставляют основы для регулирования юрисдикции, универсальная уголовная юрисдикция может стать ключевым инструментом для преодоления существующих недостатков и

обеспечения эффективного правоприменения в международной практике. Принятые изменения в виде Протокола 2014 года могут стать важным шагом к улучшению ситуации с правоприменением и безопасности на борту воздушных судов, так как они не налагают чрезмерных обязательств на государства и уважает их суверенитет, однако реализация этих положений на практике требует международного сотрудничества.

В контексте влияния международных правовых актов важное место занимает их место в правовой системе государства. Так, согласно абз. 3 ст. 10 Конституции РТ «Международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы республики. В случае несоответствия законов республики признанным международно-правовым актам применяются нормы международно-правовых актов». В то же время в ч. 2 ст. 1 УК РТ говорится о том, что УК РТ основывается на Конституции Республики Таджикистан и общепризнанных принципах, и нормах международного права. В целях их унификации с положениями ст. 10 Конституции РТ считаем необходимым ч. 2 ст. 1 УК РТ изложить в следующей редакции: «УК РТ основывается на Конституции Республики Таджикистан и международных правовых актах, признанных Таджикистаном».

3.2. Правовой режим универсальной юрисдикции, предусмотренный уставами международных судебных учреждений ad hoc и Статутом Международного уголовного суда

На Лондонской конференции 8 августа 1945 года, при участии СССР, Франции, Великобритании и США были созданы Международный военный трибунал и его Устав¹⁶². Данный документ был утвержден Генеральной Ассамблей ООН в качестве общепризнанных принципов в борьбе с преступлениями против человечности, и является полновесным отражением

---

¹⁶² См.: Соглашение между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г. // Действующее международное право: в 3-х т. Т. 3 / Сост.: проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 761-763; Там же. Устав Международного военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. – С. 763-770.

позиции всех стран-участниц конференции, которые входили в антигитлеровскую коалицию.

Трибуналом не предусматривает упрощенный подход к реализации решений Ялтинской конференции союзных держав (4-11 февраля 1945), что требует выносить обвинительные или оправдательные приговоры с опорой на объективные свидетельские показания.

О справедливости вынесенных решений свидетельствуют следующая статистика: оправдательных приговора – 3, пожизненных заключения – 3, тюремных срока (10, 15, 20 лет) – 4, приговоров к смертной казни через повешение – 12.

При расследовании и вынесении решений судья Джексон в Нюрнберге руководствовался принципом универсальности, о чем и заявил в ходе своей вступительной речи: «Подлинным истцом в этом процессе является цивилизация, которая требует ответа: настолько ли правовые нормы отстали, что они бессильны справиться с преступлениями такого размаха, совершенными преступниками, занимавшими столь высокое положение»¹⁶³. В речи также было указано следующее: «Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся»¹⁶⁴. Мы не должны ни на минуту забывать, что по протоколам судебного процесса, по которым мы судим этих людей сегодня, история будет завтра судить нас самих. Мы должны добиться такой беспристрастности и целостности нашего умственного восприятия, чтобы этот судебный процесс явился для будущих поколений примером практического осуществления надежд человечества на справедливость»¹⁶⁵.

Нюрнбергский суд руководствовался принципами универсальности, что было обусловлено готовностью стран действовать по аналогичному принципу

---

¹⁶³ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками: в 2-х т. Т. 1 / Подготовлен под ред. К.П. Горшенина (гл. ред.), Р.А. Руденко и И.Т. Никитченко. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1954. – С. 153.

¹⁶⁴ См.: Нюрнбергский процесс. Там же. – С. 101.

¹⁶⁵ Нюрнбергский процесс. Там же. – С. 103.

независимо от обстоятельств и позиции других государств, и учреждать специальные суды для защиты законных прав и интересов граждан, что было закреплено подписью каждой страны.

Несокращенный национальный суверенитет (инициированный Уставом Нюрнбергского трибунала) и универсальная юрисдикция представляются как полярно противоположные доктрины. Сокращенный национальный суверенитет максимизировал индивидуальную ответственность, отменив «должностное положение подсудимых <...> как основание для освобождения от ответственности или смягчения наказания»¹⁶⁶. <...> «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия»¹⁶⁷.

Как видим, Устав Нюрнбергского трибунала и вынесенные на его основе решения имеют непосредственную связь с принципом универсальной юрисдикции, где территория совершения преступления, подданство преступника и жертвы отходят на периферию, уступая место верховенству закона и неизбежности наказания за содеянное.

В Уставе Нюрнбергского трибунала определено, что преступления против человечности носят массовый характер и направлены против любого гражданского населения; к ним относят «убийство, истребление, порабощение, депортацию и другие негуманные действия или преследование по политическим, расовым или религиозным основаниям». Такой широкий охват преступлений позволил применить принцип универсальной юрисдикции – подсудной юрисдикции судов любой страны в мире.

Правовым наследием Нюрнберга является универсальная юрисдикция. До его учреждения национальные суды – практически единоличный судебный орган – вели дела исключительно с учетом территориального факта.

---

¹⁶⁶ Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, ст. 7 / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 3 / Сост.: проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 765.

¹⁶⁷ Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, ст. 7. Там же. – С. 8.

Более того, благодаря Нюрнбергскому трибуналу в судебную теорию и практику было введено понятие «преступления против человечности». Другим нововведением Нюрнберга стал перенятый многими конвенциями подход к универсальной юрисдикции. В частности, Конвенция о геноциде 1948 г. обязывает страны обращаться к универсальной юрисдикции в вопросах этнических чисток любого масштаба, поскольку «геноцид является преступлением, нарушающим нормы международного права и противоречащим духу и целям Организации Объединенных Наций, и что цивилизованный мир осуждает его»¹⁶⁸.

Этот список могут пополнить Женевские конвенции о защите жертв войны (от 12 августа 1949 г.)¹⁶⁹, в соответствии с которыми страна, не готовая применять универсальную юрисдикцию, должна «передать их для суда другой заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороне»¹⁷⁰.

Трибунал в Нюрнберге положил начало множеству судебных процессов, подтвердивших эффективность применения универсальной юрисдикции. Например, когда США обвиняли в военных преступлениях генерала юго-восточного фронта Вильгельма Листа¹⁷¹. Так по делу В. Листа немецкие офицеры были привлечены к ответственности за повешение тысячи гражданских заложников. Вынося многочисленные приговоры, суд заявил о том, что «международное преступление – это деяние, которое признается таковым во всем мире. Этот вопрос вызывает озабоченность международного сообщества и в силу ряда объективных причин международные преступления нельзя оставлять в исключительной юрисдикции государства»¹⁷². И «дело заложников», равно как и другие дела Нюрнберга, были признаны

---

¹⁶⁸ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказаний за него. 9 декабря 1948 г. / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 2 / Сост.: проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 68-71.

¹⁶⁹ См.: Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 года, ст. 49; Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г., ст. 50; Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г., ст. 129; Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г., ст. 146; Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. – М.: МККК, 2003. – 344 с.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ См.: *United States v. List, Case No 7, 11. Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals Under Control Council Law. – No 10 (1948).*

¹⁷² *Ibid.* – P. 1241.

международными преступлениями и подпадали под юрисдикцию Нюрнбергского трибунала.

Нюрнберг показал миру состоятельность универсальной юрисдикции как эффективного инструмента правосудия, независимо от социального и должностного статуса преступника. А факт неизбежности наказания за совершенные преступления, несмотря на срок их давности, территориальный фактор, гражданство преступника и жертвы, станет серьезным сдерживающим фактором для потенциальных правонарушителей.

Универсальная юрисдикция стала оптимальным решением в политически мотивированных делах. Ярким примером стало создание Нюрнбергского трибунала, деятельность которого доказала возможность привлечения к уголовной ответственности граждан вне зависимости от их гражданства и политического ранга.

Международный военный трибунал для Дальнего Востока (Токийский военный трибунал) по расследованию японских милитаристов. Токийский военный трибунал был создан на основе Потсдамской декларации и решения Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, что отражало стремление международного сообщества к справедливости и ответственности за преступления, совершенные во время Второй мировой войны. Он был учрежден в 1946 году и действовал на основании Устава, принятого 19 января того же года, который определял структуру трибунала и виды преступлений, подлежащих рассмотрению. Местом пребывания Трибунала был Токио.

Токийский военный трибунал состоял из 11 членов, предложенных государствами, подписавшими Акт о капитуляции (США, СССР, Китай, Великобритания, Австралия, Канада, Франция, Нидерланды и Новая Зеландия), а также представителей Индии и Филиппинской Республики.

Трибунал имел право судить и наказывать главных военных преступников на Дальнем Востоке, которые обвинялись либо персонально, либо как члены организаций в преступлениях против мира, военных преступлениях, преступлениях против человечности.

Главный обвинитель был ответственен за следствие и поддержание обвинения против военных преступников. Любое государство, с которым Япония была в состоянии войны, могло назначить дополнительного обвинителя в помощь главному обвинителю.

Главнокомандующий союзными оккупационными войсками генерал Дуглас Макартур (США) 11 сентября 1945 года распорядился начать аресты подозреваемых в совершении военных преступлений. Всего было задержано 28 человек – в основном члены кабинета министров генерала Хидэки Тодзио.

19 января 1946 года, в день создания трибунала, Дуглас Макартур утвердил Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока, который устанавливал порядок формирования трибунала, его функции, а также перечислял преступления, которые были ему подсудны. Устав в целом следовал модели трибунала, который ранее был создан для проведения Нюрнбергского процесса¹⁷³.

Как и на Нюрнбергском процессе, все пункты обвинения были разделены на три категории: А, В и С.

Категория А включала в себя обвинения в преступлениях против мира – планировании и ведении агрессивной войны и нарушении международного законодательства. Она применялась только против высшего руководства Японии.

Категория В включала обвинения в массовых убийствах.

Категория С – обвинения в преступлениях против обычаев войны и преступления против человечности, применялись к японцам любого ранга¹⁷⁴.

Устав Токийского трибунала предусматривал процессуальные гарантии для подсудимых, что также свидетельствует о том, что правосудие должно основываться на принципах справедливости и законности. Это был важный шаг в установлении стандартов для международных судебных процессов, которые могли бы быть использованы в будущем для борьбы с

---

¹⁷³ См.: Rules of Procedure of the International Military Tribunal for the Far East. April 25, 1946 / Trials of War Criminals Before the Nuernberg Military Tribunals Under Control Council Law. – №10. – Vol XV. Procedure, Practice and Administration. Washington, DC: Government Printing Office, 1946-1949.

¹⁷⁴ Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_382/doc382a860x217.htm (дата обращения: 31.12.2023).

преступлениями против человечности. В результате процесса, который проходил в Токио (1946-1948 гг.), суду были преданы 28 преступников, 7 из них были приговорены к смертной казни, 16 – к пожизненному заключению, 2 – к тюремному заключению. В ходе процесса двое подсудимых умерли, один был признан психически больным.

Необходимость преследования за чудовищные преступления во время войны привела к закреплению в международном праве нормы о неприменении срока давности к таким преступлениям. Принятая в 1968 году Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества была важным шагом в развитии универсальной юрисдикции, расширяя возможности международного права в области борьбы с безнаказанностью. Связь между Токийским процессом (1946-1948 гг.) и универсальной уголовной юрисдикцией заключается в том, что Токийский военный трибунал стал одним из первых примеров применения универсальной юрисдикции в международном праве, сосредоточив внимание на преследовании лиц, ответственных за серьезные преступления против человечества, военные преступления и преступления против мира.

Универсальная уголовная юрисдикция позволила государствам, подписавшими Акт о капитуляции Японии, привлекать к ответственности преступников за тяжкие преступления независимо от места их совершения и национальности обвиняемых. Токийский военный трибунал, судя по всем обвиняемым, в том числе и членам правительства Японии, продемонстрировал важность международного сотрудничества и возможность привлечения к ответственности за преступления, затрагивающие не только одну нацию, но и международное сообщество в целом.

Таким образом, Токийский процесс можно рассматривать как знаковый момент в истории международного права и универсальной уголовной юрисдикции. Он установил прецедент для будущих международных трибуналов, таких как трибуналы по бывшей Югославии и Руанде, а также подчеркивает важность борьбы с безнаказанностью для обеспечения справедливости на глобальном уровне. Токийский военный трибунал служит

напоминанием о том, что международное сообщество несет ответственность за привлечение к ответственности тех, кто совершает ужасные преступления, независимо от времени и места их совершения.

В современных условиях принципы международного права должны стать частью повседневной жизни граждан, поскольку, по словам судьи Роберта Джексона, «международное право – это не статический набор принципов, это живой организм, и оно должно отвечать требованиям изменяющейся обстановки».

Одной из актуальных проблем современного общества является невозможность осуществить судебное преследование лиц, нарушающих международное право. Полагаем, что конструктивное применение универсальной юрисдикции как реально действующий правовой инструмент внесет значимый вклад в цивилизационное развитие.

Приступая к рассмотрению Уставов Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, отметим, что Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии учрежден резолюцией Совета Безопасности ООН (№827 от 25 мая 1993 г.) на основании главы VII Устава ООН. Он создан с «целью судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии в период с 1 января 1991 г.»¹⁷⁵.

В Преамбуле отмечается, что Совет Безопасности будет «содействовать восстановлению и поддержанию мира, прекращению и исправлению нарушений международного гуманитарного права»¹⁷⁶.

Юрисдикция МУТЮ распространяется на серьезные нарушения норм международного гуманитарного права по четырем категориям преступлений:

1. нарушения Женевских конвенций 1949 г.;
2. военные преступления;
3. геноцид;
4. преступления против человечности.

---

¹⁷⁵ Эта цель была впервые указана в Резолюции Совета Безопасности №808, от 22 февраля 1993 г.

¹⁷⁶ Statute of the International Criminal Court for the former Yugoslavia, S.C. Res. – 827, Annex.

По делу Prosecutor v. Tadic Апелляционная палата Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии поддержала решение Верховного военного суда Италии: «Нормы, запрещающие их [преступления против законов и обычаев войны], имеют универсальный, а не просто территориальный характер. Преступления против законов затрагивают все цивилизованные государства, и им необходимо противостоять и наказывать так же, как должно противостоять и наказывать за преступления пиратства, торговлю женщинами или порабощение, где бы они ни совершались»¹⁷⁷.

Однако некоторая противоречивость в действиях Совета Безопасности становится причиной опасений относительно соблюдения принципа универсальной юрисдикции. Так, по мнению профессора Ганса Кёхлера, «Совет Безопасности своими (не прямыми) попытками взять под контроль учрежденные на основании главы VII Устава ООН ad hoc трибуналы дискредитировал принцип универсальной юрисдикции»¹⁷⁸.

Н.Г. Михайлов уверен, что «селективное применение МУТЮ принципа универсальности юрисдикции, то есть только по отношению к высшим должностным лицам и гражданам бывшей Югославии, подавляющее большинство из которых составляют сербы, и его отказ от привлечения к международной уголовной ответственности военнослужащих – граждан стран НАТО, их непосредственных начальников, а также руководителей соответствующих государств и правительств, за преступления, совершенные ими в Косово и Сербии в ходе агрессии этих стран против Союзной Республики Югославии, демонстрирует зависимость МУТЮ от НАТО и свидетельствует о нарушении принципа равноотстояния (principle of equidistance), то есть о его предвзятости»¹⁷⁹.

Совет Безопасности ООН в ноябре 1994 г. резолюцией 955 учредил Международный уголовный трибунал по Руанде¹⁸⁰, юрисдикция которого

---

¹⁷⁷ Prosecutor v. Tadic, решение от 2 октября 1995 г., абзац 57.

¹⁷⁸ Koechler H. Global Justice or Global Revenge? International Criminal Justice at the Crossroads. (Vienna/New York: Springer, 2003) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icdsm.org/COH/Koechler.htm> (дата обращения: 20.03.2022).

¹⁷⁹ Михайлов Н.Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии как институт международной уголовной юстиции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2006. – С. 33.

¹⁸⁰ См.: Statute of the International Criminal Tribunal for Rwanda, S.A. Res. – 955, Annex.

распространялась на преступления на территории Руанды или совершенные руандийцами в соседних странах за период 1994 года: 1) геноцид, 2) преступления против человечности 3) военные преступления (ст. 3 – общая для Женевских конвенций (1949 г.) и Дополнительного протокола II.

Резолюция от 27 февраля 1995 г., №978 призывала страны «задерживать и арестовывать обнаруженных на их территории лиц, в отношении которых имеются достаточные доказательства их причастности к преступлениям, подпадающим под юрисдикцию Международного трибунала по Руанде»¹⁸¹.

Трибунал по Руанде систематически заявлял о необходимости применения универсальной юрисдикции, в частности в отношении преступлений геноцида, как в деле Нтуахад¹⁸².

В деле по Демократической Республики Конго против Бельгии судья Рандзев заявил: «Я подвожу итог о том, что вопрос об универсальной юрисдикции заочно возникает из-за возможности применения экстерриториальной уголовной юрисдикции при отсутствии какой-либо связи между государством, требующей такой юрисдикции, и территорией, на которой предполагаемые преступления совершены, с любым действующим органом власти в государстве подозреваемых правонарушителей. Эта проблема связана с характером акта уголовного процесса: это не просто завладение, он имеет исковую силу, и, как таковая, требует минимальной материальной базы в соответствии с международным правом. Отсюда следует, что прямой запрет на осуществление, как толковала Бельгия, универсальной юрисдикции не является достаточным основанием»¹⁸³.

Была выражена и иная точка зрения (судьи Коойманс, Хиггинс, Бюргенталь), в контексте которой выделялись два положения: а) при заочном применении универсальной уголовной юрисдикции должны быть предоставлены обязательные гарантии защиты; б) оправдательный приговор не должен дестабилизировать межгосударственные отношения.

¹⁸¹ Резолюция Совет Безопасности ООН от 27 февраля 1995 г., № 978.

¹⁸² См.: Prosecutor v. Ntuyahada, Case N ICTR-90-40-T, Decision on the Prosecutor's Motion to Withdraw the Indictment (March 18, 1999).

¹⁸³ Democratic Republic of the Congo v. – Belgium, Judgment, I.C.J. Reports 2002. – P. 58.

Особым пунктом оговаривались условия ведения следствия, в частности соблюдение иммунитета обвиняемого и связь с государством его гражданства.

Одним из первоочередных требований выступало предложение государства-инициатора уголовного дела государству гражданства обвиняемого самому вести судебное разбирательство на основе универсальной юрисдикции¹⁸⁴.

В современных условиях, особенно после МУТЮ и МУТР, в целях привлечения лиц, виновных в совершении тяжких преступлений государства в последнее время стали чаще ссылаться на принцип универсальной юрисдикции. К таким преступлениям относятся преступления против человечности, военные преступления и геноцид которые являются одним из наиболее тяжких преступлений, которые вызывают озабоченность всего мирового сообщества. В самом деле, в дополнение к Международному уголовному суду для преследования тех, кто несет наибольшую ответственность за совершение таких преступлений в ходе многочисленных конфликтов по всему миру были созданы различные специальные международные или гибридные уголовные трибуналы, где государства опирались на принцип универсальной юрисдикции в оправдание такого осуществления национальной уголовной юрисдикции. К таким специальным международным или гибридным судебным органам и трибуналам относятся сегодня: специальные судебные палаты по серьезным преступлениям в Тиморе-Лешти (2000); смешанные судебные коллегии в Косово (2000); Специальный суд по Сьерра-Леоне (2002); Судебная палата по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине (2005); Чрезвычайные судебные палаты в Камбодже (2006); Специальный Трибунал по Ливану (2007). Рассмотрим Специальные палаты по тяжким преступлениям в Тиморе-Лешти и Специальный суд по Сьерра-Леоне в качестве иллюстраций.

В ответ на насилие и нарушения прав человека, произошедшие в Восточном Тиморе в 1999 году, были созданы специальные палаты по тяжким преступлениям. Эти палаты функционировали в рамках судебной системы

---

¹⁸⁴ См.: Democratic Republic of the Congo v. – Belgium, Judgment, I.C.J. Reports 2002. – P. 80-81.

Восточного Тимора в сотрудничестве с международным сообществом, включая ООН. Основной задачей было расследование и судебное разбирательство по делам, связанным с преступлениями, совершенными перед независимостью Тимора. Привлечение к ответственности охватывало как местные, так и иностранные элементы. Некоторые дела рассматривались в судебных палатах для международных преступлений в Восточном Тиморе, тогда как другие – в международных трибуналах. Это было ключевым шагом к достижению справедливости и восстановлению доверия к правосудию, что, в свою очередь, способствовало процессу примирения в обществе. Несмотря на трудности, создание специальных палат стало важным шагом к обеспечению правосудия и уважению прав человека в Восточном Тиморе, а также послужило сигналом для других стран о необходимости справляться с насилием и нарушениями прав человека. В соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН 1272 (1999) общая ответственность за административное управление в Восточном Тиморе возлагалась на Временную администрацию ООН, которая получала все необходимые законодательные и исполнительные полномочия, включая осуществление правосудия.

В 2000 году Временная администрация ООН в Восточном Тиморе (ВАООНВТ) приняла несколько решений, на основе которых был создан соответствующий механизм, известный сегодня как Специальные палаты по тяжким преступлениям в Тиморе-Лешти.

Юрисдикция специальных палат по тяжким преступлениям включала в себя геноцид, военные преступления, преступления против человечности, убийства, сексуальные надругательства, пытки. Территориально Специальные палаты были наделены юрисдикцией в отношении преступлений, совершенных на территории Тимора-Лешти. Временная юрисдикция судебных палат в отношении преступлений ограничена периодом с 1 января 1999 г. по 25 октября 1999 г.

Судебная система Восточного Тимора, состояла из окружных судов и Апелляционного суда. Окружные суды были организованы по территориальному принципу, и их юрисдикция охватывала восемь основных

районов, в том числе столицу страны – город Дили. Структуру Специальных палат образуют Судебная палата и Апелляционная палата, состоящие из двух международных судей и одного восточнотиморского судьи. В исключительных случаях Апелляционная палата могла заседать в составе пяти судей – трех международных и двух восточнотиморских. Для поддержания обвинения в палатах была учреждена Канцелярия Прокурора, а осуществление расследования и сбор доказательств были поручены Группе по тяжким преступлениям. Кроме того, была создана в 2001 году Комиссия по приему, установлению истины и примирению. Максимальное наказание за совершение тяжких преступлений, включенных в предметную юрисдикцию палат не должно превышать 25 лет лишения свободы, а также предусмотрено штрафные санкции, которые не должны превышать суммы в 500 тыс. долларов.

Всего Группой по тяжким преступлениям было зарегистрировано 1339 сообщений об убийствах и других преступлениях, совершенных в стране. По результатам проведенных расследований 392 лицам были предъявлены обвинения в совершении 684 убийств, в связи с которыми Группа запросила и получила 285 ордеров на арест. Специальные палаты провели 55 судебных разбирательств в отношении 87 обвиняемых, 85 из которых были признаны виновными.

Однако, это лишь малая часть тех, кому были предъявлены обвинения, поскольку к моменту завершения мандата палат, большая часть обвиняемых, 339 человек, оказались на территории Индонезии, то есть вне пределов юрисдикции Восточного Тимора и продолжают там находиться. Среди них - основные лица, ответственные за преступления, совершенные индонезийскими военными во время конфликта: бывший министр обороны Индонезии, главнокомандующий индонезийской армией, генерал Виранто; шесть высокопоставленных военных чиновников и бывший губернатор Восточного Тимора. Для привлечения этих лиц к судебному разбирательству Специальные палаты прибегли к применению принципа универсальной юрисдикции.

Теперь рассмотрим специальный суд по Сьерра-Леоне. Специальный суд по Сьерра-Леоне – судебный орган, созданный совместно правительством Сьерра-Леоне и Организацией Объединенных Наций для преследования в судебном порядке лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права и национального законодательства Сьерра-Леоне, совершенные на территории Сьерра-Леоне после 30 ноября 1996 года во время гражданской войны. Постоянным местом нахождения суда являлся Фритаун, дополнительные офисы находились также в Гааге и Нью-Йорке.

10 августа 2000 года Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 1315, в которой попросил Генерального секретаря начать переговоры с правительством Сьерра-Леоне по вопросу создания специального суда. 16 января 2002 года ООН и правительство Сьерра-Леоне подписали соглашение о создании Специального суда по Сьерра-Леоне, а 19 января 2002 г. оно было ратифицировано Парламентом Сьерра-Леоне.

Специальный суд обладает полной предметной юрисдикцией в отношении любых физических лиц, которые на территории Сьерра-Леоне в период, начиная с 30 ноября 1996 года совершили следующие виды преступлений:

– преступления против человечности, совершенные в рамках нападения на гражданское население (убийство; истребление; порабощение; депортация (высылка); заключение в тюрьму; пытки; изнасилование; сексуальное рабство, принудительная проституция, принудительная беременность и любая другая форма сексуального насилия; преследование по политическим, расовым, этническим или религиозным мотивам; другие бесчеловечные деяния);

– серьезные нарушения статьи 3 Женевской конвенции 1949 года и Дополнительного протокола II к ней (военные преступления);

– другие серьезные нарушения международного гуманитарного права (умышленные нападения на гражданское население не принимающих непосредственного участия в военных действиях; умышленное нападение на персонал или объекты, задействованные в оказании гуманитарной помощи

или в миссии по поддержанию мира в Сьерра-Леоне; призыв или зачисление детей, не достигших 15-летнего возраста, в вооруженные формирования);

– преступления по законодательству Сьерра-Леоне (надругательство над девочками в возрасте до 14 лет; похищение девочек; поджог и разрушение жилых домов и зданий).

Временная юрисдикция Суда распространена на преступления, совершенные в ходе гражданской войны в Сьерра-Леоне в период с 30 ноября 1996 года.

По неофициальным данным в ходе гражданской войны в Сьерра-Леоне погибло не менее 75 тысяч человек, еще больше получили ранения и увечья. Как повстанцы, так и проправительственные войска (Силы гражданской обороны) совершали зверские преступления против мирного гражданского населения: практиковали массовые убийства; казни без суда и следствия; причинение увечий, в частности путем отсечения кистей, рук, ног, губ и других частей тела; совершали сексуальное насилие против девочек и женщин; вспарывали животы беременным; заставляли детей убивать своих родителей, а затем рекрутировали их в солдаты или превращали в сексуальных рабов.

В соответствии со ст. 11 Устава, Специальный суд по Сьерра-Леоне состоял из камер, включающих одну или более судебных камер и Апелляционную камеру, Обвинителя и Секретариата. В состав судебной камеры входили трое судей, назначаемых сроком на три года и правом переизбрания, причем один из них назначался правительством Сьерра-Леоне, трое – Генсеком ООН; Апелляционная камера состояла из пятерых судей – двое сьерра-леонских и трое международных.

Ответственным за расследование дел и судебное преследование подозреваемых был Обвинитель, назначаемый Генеральным секретарем сроком на три года, который действовал независимо в качестве отдельного органа Суда. Как судьи камер, так и Обвинитель должны были быть лицами, обладающими высокими моральными качествами, беспристрастностью и добросовестностью, и выполнять свои функции независимо, не запрашивая и не получая указания от какого-либо правительства или другого источника.

Секретариат отвечал за выполнение административных функций и обслуживание Специального суда.

Всего 22 главных преступника были привлечены к ответственности, среди них президент Либерии Чарльз Тейлор, обвиненный в поддержке Объединенного революционного фронта (повстанческого движения в соседней Сьерра-Леоне), поставками оружия и торговлей в обмен на алмазы. 26 апреля 2012 года Специальный суд по Сьерра-Леоне применив принцип универсальной юрисдикции, как предписано Женевскими конвенциями 1949 г и Дополнительными протоколами к ним, признал Чарльза Тэйлора виновным в пособничестве и подстрекательстве к военным преступлениям и в соучастии в преступлениях против человечности и приговорил его к 50 годам тюремного заключения.

Специальный суд по Сьерра-Леоне сосредоточил внимание на «главных ответственных» за серьезные нарушения гуманитарного права, он не рассматривал мелкие дела или заявления подсудимых с признанием вины. По мнению обвинителя, жестокие преступления, совершенные в Сьерра-Леоне, были частью широкомасштабной компании запугивания, замысел которой заключался в том, чтобы привести в повиновение мирное население. В этом смысле представленная формулировка совсем не обязательно исключала бы возможность юрисдикции в отношении детей. Трудно себе представить, чтобы дети могли занимать какое-либо положение в политическом или военном руководстве, но в Сьерра-Леоне в некоторых случаях дети в возрасте 11-15 лет становились «бригадными генералами». Закрепление возрастного ценза лиц, могущих нести ответственность перед Судом, явилось для разработчиков Устава сложной моральной проблемой. В итоге статья 7 документа наделяет Суд юрисдикцией только в отношении лиц, достигших 15-летнего возраста, и при судебном преследовании лиц от 15 до 18 лет, с ними обращался в соответствии с международными стандартами, с учетом их возможной реабилитации и последующей реинтеграции в общество. Суд полностью завершил свою работу в 2012 году.

Таким образом, специальные международные и смешанные (гибридные) суды и трибуналы изменили характер международного правосудия и усилили глобальный характер господства права. Оценка работы указанных судов показывает, что применение принципа универсальной юрисдикции дает хорошие результаты в деле обеспечения неотвратимости наказания лиц, виновных в совершении наиболее тяжких международных преступлений и продолжает оставаться правовым средством при складывающейся сегодня системы международного уголовного правосудия.

Теперь обратимся к выделению функциональных характеристик Римского статута Международного уголовного суда. Учреждение Международного уголовного суда является знаковым и значимым событием в обеспечении международного правопорядка конца XX – начала XXI веков. Специальный и Подготовительный комитеты рассматривали МУС как ключевое дополнение национальных судебных органов, но не их замену, поскольку юрисдикция Суда не может выполнять остаточную функцию. После серии консультативных встреч Римский статут МУС создал новую модель, которая принципиально отличалась от действующих аналогов. Более того, ее уникальность прослеживалась и в трибуналах *ad hoc* международной уголовной юрисдикции.

Статут МУС представляет собой оригинальный юридический документ, объединивший нормы процессуального, международного и уголовного права. Формулировки его статей подверглись серьезной редакторской правке со стороны представителями различных школ и традиций. Учитывались и различные политические мотивы, степень эффективности функционирования которых оставались открытыми для обсуждения.

О дополняющей функции как основополагающей цели Статута МУС говорится в статье 1. В рамках дискуссии участники сошлись во мнении, что национальные органы уголовной юстиции должны быть ответственны за расследование преступлений и судебное преследование виновных. Передача дела в МУС происходит по инициативе государства или по причине бездействия или отсутствия ожидаемого эффекта от действий государственных

органов. В этом случае МУС избирает территориальную и национальную (персональную) уголовную юрисдикцию.

Согласно статье 1 Международный уголовный суд уполномочен осуществлять свою юрисдикцию в отношении «лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества». В той же статье сказано, что «юрисдикция и функционирование Суда регулируются положениями настоящего Статута».

Статья 11 гласит, что Суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений, совершенных после вступления в силу Статута. Если государство ратифицирует Статут после его вступления в силу, Суд сможет осуществлять свою юрисдикцию только в отношении преступлений, совершенных после его вступления в силу для данного государства, за исключением случаев, когда оно сделало заявление о признании юрисдикции Суда в отношении данного преступления, не будучи государством-участником (статья 12(3)).

Любое государство-участник, которое желает подвергнуть судебному преследованию лицо, совершившее преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, должно, как минимум, принять законодательство, обеспечивающее ему как территориальную юрисдикцию в отношении этих преступлений, так и экстерриториальную юрисдикцию в отношении своих граждан, совершивших такие преступления за границей.

Государства-участники, желающие подвергнуть судебному преследованию лицо, совершившее преступление, которое подпадает под юрисдикцию Суда, должны принять законодательные акты, позволяющие им осуществлять юрисдикцию в отношении всех лиц, обвиняемых в совершении таких преступлений на их территории и в отношении собственных граждан, совершивших таковые за границей. В некоторых случаях необходимое законодательство может быть введено в действие путем простого внесения поправки в национальные уголовные кодексы государств.

В Статуте МУС явно отражается актуальная тенденция к дальнейшему сужению территориальной уголовной юрисдикции государств. При этом

также явно прослеживается курс к расширению универсальной международной уголовной юрисдикции. Такая направленность позволяет вести речь о том, что в теоретически обозримом будущем некоторые международные преступления под территориальной юрисдикцией перейдут в категорию уголовной. Кроме того, государство может рассмотреть возможность осуществления универсальной юрисдикции, как она определена в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительном протоколе I для «серьезных нарушений»¹⁸⁵.

Так, принятый Канадой Закон о преступлениях против человечности и военных преступлениях предусматривает, что лицо, подозреваемое в совершении за пределами канадской территории преступления геноцида, преступления против человечности, военного преступления или в невыполнении своих обязанностей военного командира может быть привлечено к ответственности, если:

А) в момент совершения предполагаемого преступления 1) данное лицо имело канадское гражданство или находилось на службе в Канаде в качестве гражданского лица или военнослужащего; 2) данное лицо было гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте против Канады, или было на службе этого государства в качестве гражданского лица или военнослужащего; 3) пострадавший в результате предполагаемого преступления был гражданином Канады, или 4) потерпевший в результате предполагаемого преступления был гражданином государства, являющегося союзником Канады в вооруженном конфликте;

Б) в момент совершения предполагаемого преступления Канада могла, в соответствии с международным правом, осуществлять свою юрисдикцию в отношении любого лица в связи с таким преступлением, если данное лицо находилось в Канаде и после этого проживает на ее территории.

Несмотря на поддержку Суда отдельными странами, распространить универсальную юрисдикцию на все международные преступления все-таки не

---

¹⁸⁵ Ст. 49, 50, 129, 146 Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. и ст. 11 и ст. 85 Дополнительного протокола к ним.

удалось, и в качестве компромисса МУС предложил два принципа – территориальный и гражданства¹⁸⁶. Между тем преступления против человечности как наиболее тяжкие правонарушения продолжают вызывать международную обеспокоенность и включены в Римский статут Международного уголовного суда.

По состоянию на 24 марта 2024 года Римский статут МУС ратифицировали 124 страны¹⁸⁷. Республика Таджикистан стала государством-участником Римского статута МУС, подписав его 30 ноября 1998 г. и ратифицировав его спустя год – 11 декабря 1999 г., собственно документ вступил в республике в силу 5 мая 2000 г.

В Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы¹⁸⁸ указывается важность пересмотра норм уголовного законодательства на предмет их соответствия международно-правовым актам, признанных республикой. Полагаем, что фокус следует сместить на ряд аспектов, где установление и развитие принципа универсальной юрисдикции имеет особую важность:

1. В Конституции Республики Таджикистан необходимо закрепить положение, согласно которому нарушивший нормы международного права гражданин республики может быть передан Международному уголовному суду на основании Римского статута МУС.

2. В законы Республики Таджикистан о судеустройстве и судебной системе, о прокуратуре и органах юстиции следует включить пометы о необходимости межгосударственного сотрудничества по гармонизации законодательства Республики Таджикистан с нормами международного права и с общепринятой практикой осуществления универсальной юрисдикции в отношении международных преступников.

---

¹⁸⁶ См.: Варле Г. Принципы международного уголовного права: учебник / Пер. с англ. С.В. Саяпина. – Одесса: Феникс; Москва: ТрансЛит, 2011. – С. 28.

¹⁸⁷ См.: Многосторонние договоры, сданные на хранение Генеральному секретарю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://treaties.un.org/PAGES/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVIII-10&chapter=18&clang=_fr (дата обращения: 24.03.2024).

¹⁸⁸ См.: Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы. – Душанбе, 2018. – С. 19.

3. В Уголовном кодексе Республики Таджикистан важно четко прописать возможность осуществления универсальной юрисдикции относительно международных преступлений (глава 34, раздел XV «Преступления против мира и безопасности человечества»); в частности, включить в этот раздел статьи по составам преступлений против человечности, взяв за основу результаты работы Комиссии международного права ООН по кодификации этих преступлений.

В этой связи необходимо дополнить часть 2 статьи XV Уголовного кодекса РТ фразой «если совершенное ими деяние признано преступлением против мира и безопасности человечества» и изложить в следующей редакции: «Иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Республике Таджикистан, совершившие преступление за пределами Республики Таджикистан, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу в случаях, если преступление направлено против интересов Республики Таджикистан либо гражданина Республики Таджикистан или постоянно проживающего в Республике Таджикистан лица без гражданства, если совершенное ими деяние признано преступлением против мира и безопасности человечества, а также в случаях, предусмотренных международным договором Республики Таджикистан, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Республике Таджикистан, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Республики Таджикистан».

Все рассмотренные нами общезначимые международно-правовые акты направлены на предупреждение и пресечение уголовных преступлений международного характера и устанавливают универсальную юрисдикцию (или обязанность выдачи) государства, на территории которого находятся подозреваемые лица или гражданство которого они имеют.

Международные преступления представляют собой комплексную проблему, требующую к себе такого же комплексного внимания, где особое место отводится новым конвенциям как рациональным дополнениям уже

действующих. Обновление блока мер обусловлено развитием преступности как в статистическом, так и в содержательном аспектах.

Рассмотрение правового режима универсальной юрисдикции, предусмотренного уставами международных судебных учреждений *ad hoc* и статутом МУС, обусловила актуальность исследования нескольких вопросов: 1) факультативность или обязательность универсальной юрисдикции, 2) согласие государств на ее реализацию, 3) возможность применения универсальной юрисдикции к гражданам (подданным) государств-не участников конвенций (договоров) при наказании за преступления, которые вызывают обеспокоенность всего мирового сообщества

Проблема обязательности или факультативности универсальной юрисдикции при наказании за преступления, представляющие предмет международной озабоченности, имеет особую теоретическую и практическую значимость.

Традиционная форма универсальной юрисдикции не требует никаких действий со стороны государств¹⁸⁹. Это положение указывает на наличие у сторон права (но не обязательства!) принимать юрисдикцию по действиям, с которыми они не имеют никакой связи. Оно предоставляет сторонам опцию преследования по суду определенных преступлений, даже при условии отсутствия традиционной связи с территорией или гражданством. Однако эта дополнительная юрисдикция является отклонением от исключительной юрисдикции государства над действиями своих граждан на своей территории. На наш взгляд, в данном случае традиционная форма универсальной юрисдикции только утверждает факт существования права, а не обязательства, которые создают явное правовое взаимодействие.

---

¹⁸⁹ Сравним норму обычного права об универсальной юрисдикции с целью осуждения пиратов, кодифицированную Конвенцией ООН по морскому праву от 7 октября 1982 года: «Статья 105. Захват пиратского судна или пиратского летательного аппарата в открытом море или в любом другом месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства: любое государство может захватить пиратское судно или пиратский летательный аппарат либо судно или летательный аппарат, захваченные посредством пиратских действий и находящиеся во власти пиратов, арестовать находящиеся на этом судне или летательном аппарате лиц и захватить находящееся на нем имущество. Судебные учреждения того государства, которое совершило этот захват, могут выносить постановление о наложении наказаний и определять, какие меры должны быть приняты в отношении таких судов, летательных аппаратов или имущества, не нарушая прав добросовестных третьих лиц» / См.: Действующее международное право: в 3-х т. Т. 1 / Сост.: Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. – М., 1996. – С. 363-364.

Принцип *jus cogens* как императивная норма международного права¹⁹⁰ и обязательство *erga omnes* как связывающаяся всех норма требуют от государств не дополнительного, а законодательного закрепления права преследовать по суду преступления универсальной юрисдикции. Данный принцип поднимает множество вопросов о взаимодействии доктрин универсальной юрисдикции *jus cogens* и обязательства *erga omnes*, которые не только включают побуждающие принципы права, но и создают права или обязательства для каждого государства. Каждая из них также применяется только к очень ограниченному и четко определенному диапазону ситуаций.

Однако некоторая неопределенность этих доктрин все-таки присутствует, иначе все три в одинаковой степени применялись бы к запрещению геноцида. Международный суд ООН идентифицировал этот запрет как норму *jus cogens*, отклонение или оговорку от которой не разрешается¹⁹¹, поскольку геноцид – это преступление, подпадающее под универсальную юрисдикцию.

Важно отметить ограничения перекрывающей функции этих двух доктрин. Нарушение *jus cogens* может часто квалифицироваться как международное преступление, подпадающее под универсальную юрисдикцию, и наоборот. Определенные сомнения присутствуют и в отношении того, насколько далеко простираются положения доктрины при квалификации преступления как геноцида.

Более широко применимо обязательство *erga omnes* – это ответственность не только перед другим государством, но и перед международным сообществом¹⁹². Эти обязательства включают широкий диапазон дел по всему

---

¹⁹⁰ Понятие *jus cogens* определено в Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. следующим образом: «Статья 53. Договоры, противоречащие императивной норме общего международного права (*jus cogens*). Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Поскольку это касается настоящей Конвенции, императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо, и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер» / См.: Действующее международное право: в 3-х т. Т. 1 / Сост.: Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М., 1996. – С. 359-360.

¹⁹¹ См.: Консультативное мнение Международного суда ООН об оговорках к Конвенции о предотвращении и наказании преступления геноцида. – Т. С. J. 1,15 (28 мая 1951 г.).

¹⁹² В деле *Barcelona Traction*, Международный суд определил понятие обязательств *erga omnes* в следующих словах: «Основное различие должно быть выведено между обязательствами государства по отношению к международному сообществу в целом, и тем, которые возникают в отношении другого государства в области дипломатической защиты. По своей природе первый – озабоченность всех государств. Ввиду важности

массиву всемирно признанных человеческих прав. Немногие утверждают, что все нарушения прав человека подчинены универсальной юрисдикции, хотя историческая тенденция свидетельствует именно об этом.

Признание того, что все международные преступления кроме геноцида могут составить нарушения нормы *jus cogens*, привело бы к множеству трактовок по определению этого обязательства. Однако самым проблемным является решение вопроса о безнаказанности лиц, представляющих уже не действующие режимы, но которые были ответственны за нарушения прав человека.

Универсальная юрисдикция, по крайней мере, в ее послевоенной кодификации, подразумевает некоторые государственные обязательства. Международное уголовное право обязывает страны преследовать по суду лиц, совершивших тяжкие преступления международного характера. Женевские конвенции (1949 г.) и Конвенция против пыток (1984 г.) определяют международные преступления и обязывают государства-члены или судить, или выдавать тех, кто их совершил. Это обязательство появилось как современная форма универсальной юрисдикции, хотя дискуссии о признании его как универсальной юрисдикции до сих пор актуальны¹⁹³.

При этом встает ряд вопросов о способности договорных обязательств по универсальной юрисдикции создавать обязательства *erga omnes* и значит ли это, что договор объединит государства-членов? Возможно, нет, но эти договоры устанавливают новую модель универсальной юрисдикции, и если она становится обобщенной в международном обычном праве, идея относительно обязательства *erga omnes* преследовать по суду преимущественно будет ассоциироваться с универсальной юрисдикцией. Преамбула Римского статута МУС отражает эту тенденцию в части, где

вовлеченных прав, все государства, можно считать, имеют юридический интерес в их защите: это и есть обязательства *erga omnes*» / См.: *Barcelona Traction, Light and Power Co. Ltd. (Belg. v. Spain)*. – 1970. L.C.J. 3, 32 (Feb. 5).

¹⁹³ Ян Браунли отличает общепринятое право любого государства судить и наказывать военных преступников от принципа универсальности, который, по его мнению, все еще обсуждается. Он отмечает, что «поскольку ссылка на принцип универсальности в случаях кроме военных преступлений и преступлений против человечества создает опасения, может быть важным поддержать различие» / См.: *Ian Brownlie, Principles of Public International Law* (4th ed., 1990). – P. 305.

указывается, что «обязанностью каждого государства является осуществление его уголовной юрисдикции над лицами, несущими ответственность за совершение международных преступлений»¹⁹⁴. Эта обязанность может быть описана только как обязательство *erga omnes*.

Не менее важно определить, подразумевает ли универсальная юрисдикция обязанность предотвратить международные преступления. Требование к государствам наказывать за преступления универсальной юрисдикции является ключевым шагом в этом направлении. В этой связи закономерен вопрос о включении в это понятие обязанность государства предотвратить такие преступления.

Статья 1 Конвенции о геноциде действительно призывает государства-члены «предупредить и карать» за его совершение¹⁹⁵. Однако здесь продвигается идея о потенциале этой обязанности предотвратить геноцид, применимой под почти универсально принятым договорным режимом, то есть быть примененной ко всем преступлениям, подпадающим под универсальную юрисдикцию по международному обычному праву. Не менее важным представляется территориальный аспект возможностей этого обязательства и точная формулировка требований к государствам-участникам Конвенции по предотвращению геноцида по всему миру или исключительно на своей территории.

Наложение широкой обязанности предотвратить геноцид могло бы иметь непреднамеренные последствия. Если государства находятся под обязательством предотвратить геноцид даже в других странах, они могли бы отказаться признать, что геноцид имеет место. На практике американское правительство и ООН опасались называть геноцидом широко распространенные и систематические этнические злодеяния¹⁹⁶. США

---

¹⁹⁴ Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г., преамбула, абзац 6.

¹⁹⁵ Конвенцию о предотвращении и наказании преступления геноцида, 9 декабря 48 г., ст. 1: «Договаривающиеся стороны подтверждают, что геноцид независимо от того, совершается ли он в мирное время или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение» / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 2 / Сост.: Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. – М., 1997. – С. 68.

¹⁹⁶ Бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали признал эту проблему. В апреле и мае 1994 г. имела место резня руандийского племени тутуй и Совет Безопасности ООН колебался использовать слово

несколько лет не признавали, что резня в Руанде в 1994 г. является геноцидом пока президент Клинтон не принёс извинения за то, что был не в состоянии противостоять этому преступлению¹⁹⁷. Юридически оправдывая бомбежки Сербии от имени Косова, США и их союзники по НАТО также не ссылались на Конвенцию о геноциде и спорную доктрину гуманитарного вмешательства.

Приходится признать, что дополнительное право осуществлять универсальную юрисдикцию по международным преступлениям более «удобно», нежели обязательство препятствовать совершению таких преступлений. Бездействие государств в вопросе геноцида в Руанде в 1994 г. и Камбодже в 1970-х гг. доказывает, что страны не приняли обязательство предотвратить геноцид на территории других государств.

При осуществлении универсальной юрисдикции согласие государств имеет существенное значение. Согласно проекту Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, разработанному Комиссией международного права ООН (1994 г.), только государства и Совет Безопасности ООН могли представить жалобы Суду¹⁹⁸. Как было отмечено ранее, Римский статут МУС также разрешает прокурору возбудить дело по собственной инициативе. Римский статут отклонил первоначальную концепцию КМП и требует от всех государств-участников принятия имманентной юрисдикции Суда по всем преступлениям, предусмотренным в статье 5, включая семилетнее уклонение для военных преступлений¹⁹⁹. Запрещены и замечания относительно юрисдикции Суда по специфическим

«геноцид» / См.: William Schabas, *The Greatest Crime* // THE WASH. TIMES. – Dec. 7, 1998. – Final Edition, at A19.

¹⁹⁷ Вот что сказал президент США Билл Клинтон: «Ведомое правительством усилие истреблять тутой и умеренных хату в Руанде, как вы знаете лучше, чем я, унесло, по крайней мере, миллион жизней.... Эти события выросли из политики, нацеленной на систематическое уничтожение людей. Основа для насилия была тщательно подготовлена, радио, отравленное ненавистью, выдавая тутой за козлов отпущения для проблем Руанды, отказывало им в человечности. Все это было сделано специально, чтобы люди, не желающие насилия, участвовали в массовой резне. Международное сообщество, вместе с государствами Африки, также должно нести долю ответственности за эту трагедию. Мы не действовали достаточно быстро после того, как уничтожение началось. Мы не должны были позволить лагерям беженцев становиться убежищем для убийц. Мы медлили назвать эти преступления их законным именем: геноцид» / President William J. Clinton, *President of the United States Delivers Remarks to Survivors of Genocide in Rwanda, March 25, 1998* // FDCH POLITICAL TRANSCRIPTS. – March 25, 1998.

¹⁹⁸ См.: Report of the International Law Commission // U.N. GAOR, 49th Sess. Supp. – No. 10, U.N. Doc. A/49/10. – Arts. 23, 25 (1994); Римский статут МУС, ст. 124.

¹⁹⁹ Римский статут МУС, ст. 124.

нарушениям. Такой подход сокращает, но не устраняет власть Совета Безопасности ООН по продолжающимся процедурам, разрешая Совету вмешаться, только в случае принятия разрешающей резолюции в рамках Главы VII, с просьбой к Суду не начинать расследование или судебное преследование, или задержать любое расследование, которое уже идет²⁰⁰. Наконец, требование КМП к Совету Безопасности затрагивает вопрос определения агрессии, теперь включенную в юрисдикцию Суда.

Международным уголовным правом не было предусмотрено договорное определение агрессии. Ситуация изменилась в 2010 г. – в ходе конференции по обзору Римского статута МУС (31 мая – 11 июня 2010 года, Кампала, Уганда). Поводом послужила «резолюция RC/Res. 6 от 10 июня 2010 года, в соответствии с которой государства-участники выдвинули определение агрессии. Контекст нового определения основывался на Резолюции 3314 (XXIX), ГА ООН от 14 декабря 1974 года»²⁰¹.

Возникает вопрос: основана ли судебная юрисдикция в Римском статуте на «универсальной» теории юрисдикции или на основе теории согласия юрисдикции? Разночтения были вызваны попыткой отделить принципы юрисдикции, на которых Статут базируется, от режима, которым Суд руководствуется, осуществляя юрисдикцию в специфических случаях.

Действительно, юрисдикция по специфическим случаям основывается на трех принципах, которые широко распространены в международном праве. Первым является принцип универсальности, который работает не только как принцип предписывающей юрисдикции, но также и как принцип судебной юрисдикции. Если Совет Безопасности передает ситуацию в Суд, то Суд может попросить передать суждение по совершению преступлений в любой части мира. Не требуется согласия никакого государства, даже когда речь идет о подданных государств-не членов Римского статута. В целом такая постановка за исключением того, что поскольку принцип универсальности был расширен от принципа, регулирующего межгосударственные отношения, до принципа

---

²⁰⁰ Римский статут МУС, ст. 16.

²⁰¹ См.: Верле Герхард. Принципы международного уголовного права: учебник. – Одесса: Феникс; Москва: ТрансЛит, 2011. – С. 781-787.

общего предписывающего международного права, как обсуждалось выше. Даже это, однако, не беспрецедентно, поскольку, по-видимому, это и есть та юрисдикционная база, на которой были основаны Уставы МУТЮ и МУТР.

Несмотря на возражение некоторых стран против утверждения Судом своей юрисдикции по подданным государств-не членов Римского статута МУС, что учреждение трибуналов для суда над международными преступлениями требует от государств осуществления универсальной юрисдикции как в совместных уголовных делах, так и на уровне национальных судов.

Если дело инициируется прокурором или государством, принцип универсальности используется в рамках государственного режима согласия, основанного на двух дополнительных принципах юрисдикции: территориальном и личном. Таким образом, Суд (или прокурор *proprio motu*) имеет юрисдикцию по делам, переданным государствами, пока территориальное государство или государство национальности обвиняемого является или стороной Римского статута или приняло юрисдикцию Суда²⁰².

С теоретической точки зрения государства могут осуществить юрисдикцию одновременно с МУС по преступлениям в пределах Статута Суда, а государственный режим согласия и принцип юрисдикции здесь выступают конкурентами: если Совет Безопасности не утверждает потребность в передачи дела Суду из-за угрозы миру и безопасности, то между государствами и МУС могут возникнуть прения по поводу субъекта расследования в пределах предписывающей юрисдикции Суда. Кроме того, государство, при ограниченных обстоятельствах, может препятствовать МУС в продолжении расследования, не давая на него согласия. Государства-не члены Статута имеют право не соглашаться на уголовное расследование, по крайней мере, относительно преступлений, совершенных на их территориях, или их подданными на территориях государств-не участников, также выражающих несогласие.

---

²⁰² Римский статут МУС, ст. 12(3).

При сохранении государственного режима в качестве уступке суверенитету Статут был не в состоянии реализовать поставленные цели имеющимися средствами. Во-первых, Статут резко останавливает разрешение опекунами государства соглашаться на юрисдикцию. То есть при приезде обвиняемого, имеющего подданство какого-то государства-не участника Статута, в страну-участницу Статута, то последняя, может быть, не связана юрисдикционно с МУС, даже обладая возможностью самостоятельно судить обвиняемого по принципу универсальной юрисдикции. Сообщество по правам человека предприняло немало попыток включить опекунов как юрисдикционную связь для предотвращения такого явления, как «путешествующие тираны», то есть те, кто не проживают в государстве гражданства и странах-участницах МУС.

Во-вторых, под государственным режимом согласия, в отличие от системы дополнительности, государство, отказывающееся дать свое согласие, само не должно предпринимать никаких усилий судить обвиняемого. Так, если бы Совет Безопасности не передавал бы дела, многие серьезные преступления не стали бы предметом судебных разбирательств. Отметим, что международное сообщество имеет юрисдикцию по предписанию, следовательно юрисдикция, выносящая приговор, должна следовать принципу подчинения конфликта разумности и уважения к юрисдикции «суверена».

В соответствии с задачами, обозначенными во введении, рассмотрим принцип дополнительности по отношению к государственным судебным системам. Так, и преамбула Статута, и статья 1 выражают фундаментальный принцип Римского статута: «Суд должен быть «дополнительным» к национальной уголовной юрисдикции», хотя суть и содержание этой дополнительности не определены, а в самом Статуте нет общего раздела, посвященного его трактовке. Однако в пределах специфических статей некоторые условия дополнительности все-таки оговариваются. Анализ статей относительно допустимости демонстрирует, что дополнительность не означает конкурентную («параллельную») юрисдикцию, и Суд может осуществить юрисдикцию, только если: 1) национальная юрисдикция «не

желает или неспособна»; 2) преступление имеет достаточную серьезность и 3) человека еще не судили за деяние, на котором базируется жалоба²⁰³.

Дополнительность имеет материальный, процедурный и «политический» или «благоразумный» компонент (названия последних эксперты объясняют отсутствием лучшего термина). Процедурный аспект дополнительной воплощен в режиме допустимости. Благоразумный аспект относится к выбору политики, по которой определяется, какие случаи должны быть рассмотрены в МУС, а не в национальных судах. Это означает, что некоторые дела, которые четко вписываются в пределы предписывающей юрисдикции Суда, не будут слушаться Судом.

Как было отмечено ранее, собравшиеся в Риме правительства пытались найти нейтральный и принципиальный способ определять критерии, по которым случаи должны были быть заслушаны в новом международном учреждении. Одним из главных параметров был нежелание или неспособность национальных судов рассматривать эти дела. Учредители данной схемы, возможно, дали бы юрисдикцию Суда по всем случаям – очевидно, в пределах его компетенции. Но такой подход сделал бы Статут неприемлемым для многих государств и было принято решение ограничить юрисдикцию Суда, где дополнительность выступала нежелательным принципом, но была обязательной частью государственного режима сотрудничества.

Преступления универсальной юрисдикции по международному праву могут быть установлены как в соответствии с договором, так и в соответствии с обычаем. Универсальная юрисдикция осуществляется в случае, когда, согласно договору, государство преследует по суду любого обвиняемого, находящегося на его территории и кого оно решило не выдавать.

К группе этих договоров относятся: Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г., Конвенция по морскому праву 1958 г., Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г., Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г., Конвенция о предотвращении и наказании преступлений

---

²⁰³ Римский статут МУС, ст. 17(1).

против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г., Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1988 г., Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г., Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала 1994 г. и Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1998 г.

Учреждение Международного уголовного суда актуализировало вопрос способности государств-участников этих конвенций руководствоваться ими при преследовании по суду подданных государств-не участников, которые могут находиться на их территории. В этой связи возникает проблема осуществления универсальной или других типов экстерриториальной юрисдикции, предоставленных в соответствии с многосторонним договором в отношении подданных государств-не участников. Так, например, Соединенные Штаты не поддержали Римский статут, утверждая, что юрисдикция МУС по подданным государств-не участников нарушит Венскую конвенцию о праве международных договоров, которая предусматривает: «Договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия»²⁰⁴.

Экстерриториальная юрисдикция осуществляется в соответствии с «принципом Лотус», четко сформулированным Постоянной палатой международного суда (ППМС) Лиги наций в 1927 г.: «Ограничения на независимость государств не могут предполагаться <...>, и международное право остается за государствами и может быть ограничено в определенных случаях запрещающими нормами»²⁰⁵.

---

²⁰⁴ Статья 34 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 1 / Сост.: Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. – М., 1996. – С. 354.

²⁰⁵ S.S. Lotus (France v. Turkey). – 1927 P.C.I.J. (ser. A). – No. 10. – At. 18.

Этому положению предшествовал спор между Францией и Турцией о том, имела ли Турция юрисдикцию для суда над французским моряком за его халатность. Столкновение французского «Lotus» и турецкого морских судов привело к смертельным жертвам с турецкой стороны. Когда французское судно бросило якорь в турецком порту, Турция взяла под стражу и преследовала по суду вахтенного французского офицера за непреднамеренное убийство. Франция, в свою очередь, настаивала на том, что юрисдикцию должно было осуществлять государство флага, суд французского гражданина противоречит международному праву, так как это не могло «указать на какую-нибудь титульную юрисдикцию, признанную международным правом»²⁰⁶, однако ППМС аргумент Франции отклонил.

Принятие доводов французской стороны означало бы признание права суверенных государств коллективно устанавливать международный юрисдикционный режим, применимый к подданным государств-участников и государств-не участников. При этом отсутствие доказательств обратного нарушает запрещающее правило международного права. И пока государства имеют законный интерес в установлении такой договоренности, весьма остро стоит вопрос о существовании какой-либо международной правовой нормы, запрещающей это.

С того времени принцип Lotus начал свою юрисдикционную жизнь. В частности, США обосновали им судебное преследование немецких военных преступников после Второй мировой войны в военных судах, установленных в соответствии с международным соглашением победивших государств. В суде Хадамар (Hadamar Trial) в качестве аргумента защиты была высказана идея об отсутствии на тот момент международной юридической власти, что не позволило комиссиям вооруженных сил оккупирующей власти судить обвиняемых, совершивших преступления до оккупации.

Соединенные Штаты считали, что по «принципу Lotus» юрисдикция Комиссии должна быть отклонена только после доказательства наличия

---

²⁰⁶ S.S. Lotus (France v. Turkey). – 1927 P.C.I.J. (ser. A). – No. 10. – At. 18.

общепринятого правила международного права, запрещающего осуществление такой юрисдикции»²⁰⁷.

Универсальная юрисдикция обладает уникальными сущностными характеристиками. Именно она предоставляет каждому государству юрисдикцию в отношении правонарушений, которые становятся предметом озабоченности всего мирового сообщества. Основным фактором здесь выступает само преступление, а не территория его совершения, подданство преступника и жертвы. Другие же юрисдикции основаны на многопараметральных связях государства-обвинителя, собственно преступления, преступника и пострадавшего.

Основу универсальной юрисдикции составляют два фактора: 1) тяжесть преступления, то есть деяние несет полновесную угрозу международному сообществу или беспокоит всё человечество; 2) место действия (*locus delicti*), то есть деяние происходит на территории, над которой не имеет юрисдикции ни территориальное государство, ни государство национальности преступника, ни какая-либо страна, поскольку вряд ли преступники являются представителями государственной власти или агентами государства²⁰⁸.

Первым широко признанным преступлением универсальной юрисдикции было пиратство. В течение 500 лет государства акты пиратства ввиду своей хладнокровной сущности и негативных последствий подпадали под эту юрисдикцию. Пираты не руководствовались никакими принципами при захвате морских судов, кроме наживы. А их способность передвигаться по морским путям с высокой скоростью делала их практически недостижимыми при преследовании представителями государств-жертв. В 1820 году американский Верховный Суд поддержал инициативу по применению американскими судами универсальной юрисдикции по пиратству в деле Смита²⁰⁹. Обосновывая свое решение суд заявил, что «пираты – это *hostis*

---

²⁰⁷ Charles H. Taylor, Memorandum, Has the Commission Jurisdiction to Hear and Determine the Hadamar Case? U.S. JAGD Document - declassified on June 19, 1979 in: Scharf, Michael P., «The ICC's Jurisdiction Over the Nationals of Non-Party States: A Critique of the U.S. Position» (2001). – P.73.

²⁰⁸ См.: Leila Sadat Wexler and S. Richard Carden. The New International Criminal Court: An Uneasy Revolution // *Military Law Review*. – Vol. 167. – March 2001. – P. 167-168.

²⁰⁹ См.: *United States v. Smith* // 18 U.S. (5 Wheat.) 153 (1820). Закон против пиратства 1819 г. предусматривал, что «если человек или люди вообще, на открытом море, должны совершать преступление пиратства, как

humani generis (враги всего человечества), и они подлежат наказанию в трибуналах всех стран. Все государства объединяются в союз против них для взаимной защиты и обеспечения всеобщей безопасности»²¹⁰.

По окончании Второй мировой войны в универсальную юрисдикцию был внесен перечень военных преступлений и преступлений против человечества, суды над которыми проходили как в национальных судах, так и в рамках международных трибуналов в Нюрнберге и Токио. В результате перед судом предстали люди, совершавшие преступления не в стране своего подданства, других судили в государствах, в которых они проживали в том числе под вымышленными именами, но были найдены или сдались добровольно.

Суд Израиля вынес приговор Адольфу Эйхманну в 1961 г.²¹¹ и Ивану Демьянюку в 1988 г.²¹² за преступления, которые были совершены ими до того, как Израиль был объявлен государством. При этом суд руководствовался принципами универсальной юрисдикции.

Отметим, что примеры актов пиратства позволили нам изучить специфику применения универсальной юрисдикции. При этом считаем закономерным провести аналогию пиратства и преступлений нацистов и японских военных, которые совершали многочисленные акты «предательства и насилия на территориях, где предотвращение этих преступлений не представлялось возможным, равно как и наказание за них. и, более того, ни одна юрисдикция, кроме универсальной уголовной, не могла быть применена в их отношении»²¹³. 11 декабря 1946 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций единодушно подтвердила «принципы международного

определено в соответствии с международным правом, и ... будет впоследствии принесен или найден в Соединенных Штатах, каждый такой обвиняемый... будет, после осуждения... приговорен к смерти» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/l1/usrep/usrep018/usrep018153/usrep018153.pdf> (дата обращения: 24.03.2024).

²¹⁰ В деле *U.S. v. Klintock*, Верховный Суд США заявил: «Пират, будучи *hostis humani generis*, не имеет никакой национальности или государства... Все государств мира находятся в молчаливом союзе против них. Нарушение, совершенное ими против любой индивидуальной нации, является нарушением против всех. Это наказуемо в Судах всех государств... Так, в существующем деле, нарушение, совершенное на борту пиратского судна, пиратом, против подданного Дании, является нарушением против Соединенных Штатов, которые Суды этой страны имеют разрешение и обязаны наказать» // 18 U.S. (5 Wheat.) 153 (1820), p. 147-148.

²¹¹ См.: *Attorney General of Israel v. – Eichmann*, 36 L.L. R. 277, 299, 304 (Isr. S. Ct 1962).

²¹² См.: *Demjanjuk v. – Petrovsky*, 776 F. 2d 571 (6-th Cir. 1985).

²¹³ Willard B. Cowles, *Universality of Jurisdiction Over War Crimes*, 33 CAL L. REV. 177, 194 (1945).

права, признанные Уставом Нюрнбергского Трибунала и приговором Трибунала»²¹⁴.

Отметим, закрепляя «право всех государств преследовать по суду военные преступления, преступления против человечества и преступления агрессии»²¹⁵, Генеральная Ассамблея ООН обязала страны плотно сотрудничать в судебных преследованиях такого рода прецедентов, несмотря на срок давности. Более того, документ запрещает применять амнистию к данной категории преступлений»²¹⁶.

В последние годы XX века внутренние суды Дании и Германии руководствовались принципом универсальности в суде над «хорватскими и боснийскими гражданами сербской национальности за военные преступления и преступления против человечества, совершенные в Боснии в 1992 г.»²¹⁷. Этим же принципом обосновывали выдачу ордеров на арест руандийских преступников (1994 г.) бельгийские суды²¹⁸.

Пиратство, военные преступления, преступления против человечества и геноцид, растущее число других международных нарушений, таких как пытки, терроризм и торговля наркотиками составили блок дел, к которым была применена универсальная юрисдикция посредством переговоров по заключению многосторонних конвенций под эгидой Организации Объединенных Наций, Международной организации гражданской авиации и Международной морской организации. Отметим, что все вышеупомянутые конвенции могут быть применены при расследовании нарушений, совершенных гражданами сторон. Более того, уголовные кодексы

---

²¹⁴ Рез. ГА ООН 95 / Документ ООН. A/64/Add.1. – С. 188 (1946).

²¹⁵ Соглашение для Судебного преследования и наказания главных военных преступников европейской оси и Устава Международного военного Трибунала, приложенного к нему, 8 авг. 1945. ст. 6.

²¹⁶ Например, Декларацию о территориальном убежище. Рез. ГА ООН 2312 / Документ ООН A/6716 (1967); Рез. ГА ООН по преступлениям, №2712 / Документ ООН A/8028 (1970).

²¹⁷ В 1994 г. в деле *Director of Public Prosecutions v. T.* обвиняемого осудил суд Дании за военные преступления, совершенные против боснийцев на территории бывшей Югославии / См.: *Maqu Ellen O'Connell, New International Legal Process*, 83 All L. 334, 341 (1999). 30 апреля 1999 г. немецкий федеральный Верховный Суд поддержал осуждение боснийского серба, обвиненного за то, что совершил действия геноцида в Боснии. См.; *5th International Law Update* 52 (May 1999), (пресс-релиз по этому делу – No 39/1999 / См. также дело *Kadic v. Karadzic*, 70 F. 3d 232, 240 (2-on Cir. 1995)).

²¹⁸ См.: *Theodor Meron, International Criminalization of Internal Atrocities*, 89 AJIL. 554, 577 (1995).

предусматривают возможность судебного преследования как подданных стран-участниц договора, так и сторонних государств.

Подавляющее большинство этих договоров дублируют нормы международного обычного права, а запрещаемые ими деяния 1) практически никогда не попадают под юрисдикцию национальных судов; 2) угрожают международному сообществу. То есть согласно принципу Lotus основной акцент делается на экстерриториальную юрисдикцию в отношении подданных государств-не участников за нарушения, не предусмотренные ни одной международной правовой нормой.

Пока все страны мира не подпишут или не ратифицируют антитеррористические конвенции и другие международные конвенции, устанавливающие универсальную юрисдикцию, нет смысла говорить о том, что универсальная юрисдикция стала неотъемлемой частью международного обычного права, которое является результатом «общей и непротиворечивой практики государств, основанной на юридических обязательствах»²¹⁹.

На январь 2024 г. статусом члена Организации Объединенных Наций обладало 193 государства²²⁰. 196 государств мира являются сторонами четырех Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 года²²¹, 151 – сторонами Конвенции против угона воздушных судов и Конвенции о саботаже на борту самолета, 173 государств – Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года²²² и 95 государств ратифицировали Конвенцию о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала от 9 декабря 1994 года²²³.

---

²¹⁹ Статут Международного суда, ст. 38 (1) (b).3.

²²⁰ См.: Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/member-states> (дата обращения: 24.03.2024).

²²¹ См.: Официальный сайт МККК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/treaties-and-states-parties> (дата обращения: 24.03.2024).

²²² См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-9&chapter=4&clang=_en (дата обращения: 24.03.2024).

²²³ Многосторонние договоры, сданные на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://treaties.un.org/PAGES/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVIII-8&chapter=18&clang=_fr (дата обращения: 24.03.2024).

Государственное признание и криминализация этих нарушений во внутригосударственном праве очевидны, однако таким статусом обладают не все международные уголовные конвенции, и в эту группу входят преимущественно те, которые имеют меньшее число участников. Например, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников имеет 85 сторон, Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную авиацию – 45, Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства – 23 и Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала – 29.

Это свидетельствует о том, что государства-не участники не имеют ни прав, ни обязанностей по существующему международному обычному праву преследовать по суду или экстрадировать лиц, которые берут заложников или нападают на аэропорты, суда. Также отсутствуют обязанности по оказанию содействия силам ООН по поддержанию мира.

Но это не всегда означает, что международное право ограничивает государств-участников ограничены от осуществления юрисдикции на основе договора, для судебного преследования обвиняемых, найденных на их территориях, которые являются гражданами государств-не участников. Применение принципа *Lotus* затрагивает вопрос о том, является ли такое осуществление юрисдикции нарушением запрещенных норм международного права.

В целом выделяются две потенциально уместные по этому поводу нормы: норма *nullem crimen sine lege*, кодифицированная в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года, и норма против наложения обязательств по договорам на стороны-не участницы, кодифицированная в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Принцип *nullum crimen sine lege*, кодифицированный в Международном пакте о гражданских и политических правах (равно как Нюрнбергский приговор) утверждает, что «никто не должен считаться виновным в любом преступном нарушении из-за любого акта или упущения, которое не

составляло преступного нарушения по национальному или международному праву в то время, когда это было совершено»²²⁴.

Однако здесь можно было бы привести следующий аргумент: применение универсальной юрисдикции на основе соглашения по гражданам государств-не участников осуществляется по принципу *nullum crimen sine lege*, так как ответчик преследуется по суду за нарушение, которое не составляло признанное преступление в государстве национальности ответчика или даже в государстве, на территории которого было совершено нарушение.

Аналогичный аргумент был поднят и отклонен Нюрнбергским Трибуналом семьдесят пять лет назад. Свое решение Трибунал обосновал тем, что «принцип *nullum crimen sine lege* не ограничивает суверенитет, а является принципом правосудия». Трибунал заключил, что наказание нацистов за преступления, предусмотренные в Нюрнбергском Уставе, было справедливым, поскольку, «учитывая природу преступлений, ответчики осознавали неправильность своих действий независимо от того, разрешены ли были эти действия территориальным государством или государством национальности»²²⁵. Отклоняя возражение *nullum crimen sine lege* на недавно определенное «преступление против человечества», Закон Контрольного Совета №10 Трибунала в Нюрнберге рассуждал: «В основном ответчики обвинены в убийстве (в массовом масштабе). И никто и ничто не может оправдать убийство со ссылкой на *ex post factum*»²²⁶.

Аналогичная ситуация прослеживается в вопросе о том, является ли государство национальности ответчика стороной Международной конвенции о борьбе с захватом заложников, Протокола о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную авиацию, Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства или Конвенции о безопасности персонала ООН и связанных с ним сотрудников. Здесь также преступник не может утверждать

---

²²⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., ст. 15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 24.04.2022).

²²⁵ Goering and Others, 13 Ann. Dig. 203, 208 (Nuremburg Int'l Mil. Trib. 1946).

²²⁶ Ohlendorf and Others (Einsatzgruppen Trial), 15 Ann. Dig 656, 657-38 (U. S. Mil. Trib. 1948).

свое неведение о преступном характере действий по взятию заложников или нападению на гражданские аэропорты, воздушные суда, или персонал ООН по поддержанию мира.

Существование этих многосторонних конвенций, разработанных под патронажем главных международных организаций, предопределяет ответственность преступника за причастность к этим правонарушениям и преследование их по суду государств-участников этих соглашений. Таким образом, юрисдикция на основе соглашения по гражданам государств-не участников ни в коей мере не нарушает принцип *nullum crimen sine lege*.

Статья 34 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года запрещает формировать блок обязательств/прав для третьего государства без согласия последнего. Статья 35 Конвенции воспрещает в договорном порядке накладывать обязательства на государство-не участника, если оно «явно не принимает это обязательство в письменной форме»²²⁷.

Такие положения поднимают вопрос о нарушении или ненарушении норм международного права при осуществлении юрисдикции на основе договора в отношении подданных государств-не участников за преступления, не предусмотренные международным обычным правом.

Здесь важно отметить, что договоры, устанавливающие универсальную юрисдикцию государствам-участникам, о которых говорилось выше, *per se* (по существу) «не налагают «обязательства» в смысле режимов работы или обязанностей на государства-не участников, предусматривая юрисдикцию над их гражданами»²²⁸. Определенные обязательства, наложенные на участников в соответствии с этими соглашениями, включают криминализацию указанных нарушений, обязанность выдать или преследовать по суду нарушителя, найденного на его территории, и обеспечить судебную помощь для судебного преследования таких нарушителей другими государствами. Ни одно из этих обязательств не вменяется прямо или косвенно государствам-не участникам.

---

²²⁷ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 1 / Сост.: Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М., 1996. – С. 354-355.

²²⁸ Madeline Morris, High Crimes and Misconceptions: The ICC and Non-Party States, 64 LAW & CONTEMP. PROBS. 13, (2001).

Юридическое возражение против юрисдикции на основе договоров в отношении подданных государств-не участников целесообразнее рассматривать, как требование об аннулировании существующих ранее прав государств-не участников, что в свою очередь нарушает договорное право. В поддержку этого мнения можно привести официальные комментарии Комиссии международного права ООН: «Международные трибуналы решительно заявили, что соглашения, двусторонние или многосторонние, не налагают обязательства на государства, которые не являются сторонами, и никогда не изменяют их юридические права без их согласия»²²⁹.

В этой связи актуальным представляется проблема наличия каких-либо прав государств-не участников, на которые посягает осуществление универсальной юрисдикции на основе договора в отношении их подданных. Здесь важно понимать, что государства не имеют права осуществить исключительную юрисдикцию над своими подданными, даже в случае официальных действий. Хотя в Средние века существовала практика использования договоров западными государствами для защиты своих подданных от юрисдикции иностранных судов. К XIX столетию принцип применялся исключительно к юридическим системам, которые считались «низкими» по сравнению с западными аналогами. Сегодня такие соглашения отсутствуют, не считая незначительного числа договоров о «состоянии сил» по судебным преследованиям представителей вооруженных сил²³⁰.

Таким образом, когда одно государство намерено преследовать по суду гражданина другого государства, последнее может на уровне дипломатического ведомства ходатайствовать от имени своего гражданина, но, согласно международному праву, оно не может настоять на исключительном праве для такого судебного преследования.

Особую группу составляют прецеденты, когда предпринимаются официальные действия, соответствующие государственной политике и при

---

²²⁹ Сообщение Комиссия международного права о работе ее Восемнадцатой Сессии. Проект Статьи относительно Конвенции о праве международных договоров с Комментариями // 2 Year Book of International Law Commission [1966]. P. 226.

²³⁰ См.: Reid v. Covert, 354 U.S. 1 (1957).

поддержке государственной власти, что может затронуть интересы государства национальности преступника. В таких случаях функция суда сводится к функции международного суда по вынесению судебных решений по межгосударственным юридическим спорам, а не функциям муниципального уголовного суда²³¹.

Государства, как правило, неохотно соглашаются действовать по судебному решению третьей стороны, что аргументирует важность учета их согласия (или, как минимум, осведомленности) при вынесении вердиктов иностранными судами. Между тем такая аргументация размывает важное различие между государством и его гражданами²³², поскольку в соответствии с международным правом они – два отличных юридических лица.

За исключением геноцида и преступлений против человечества (которые являются, бесспорно, преступлениями универсальной юрисдикции под международным обычным правом), ни одно из перечисленных преступлений в вышеупомянутых международных соглашениях не позволяет преступнику действовать в официальном качестве от имени государства. Следовательно, в большинстве этих случаев отсутствует даже потенциал косвенного нарушения интересов государства национальности.

Даже относительно геноцида и преступлений против человечества свидетельство государственной политики может быть уместным, но не необходимым для доказательства преступления. Признание вины человека в совершении преступления в официальном качестве в контексте государственной политики предполагает *obiter dictum* в отношении ответственности государства, но этого бывает недостаточно.

Современная международная практика рельефно демонстрирует различие между индивидуальной и государственной ответственностью за преступление и представляет различные основания и процедуры для определения этих проблем. Например, военные и гражданские лидеры, действующие по воле Федеративной Республики Югославии, были обвинены и осуждены

---

²³¹ См.: Madeline Morris, High Crimes and Misconceptions: The ICC and Non-Party States, 64 LAW & CONTEMP. PROBS. 13, (2001).

²³² См.: Barcelona Traction, Light and Power Co., Ltd. (Belgium v. Spain) 1970 L. C. J. – P. 3 (05.02.1970).

национальными судами за преступления «против человечества и геноцида, в то время как Федеративная Республика Югославия была обвинена в геноциде Боснией по делу, которое находилось на рассмотрении Международного Суда ООН»²³³.

Государственные официальные лица, совершившие международные преступления, такие как геноцид или преступления против человечества, не защищены от уголовного судебного преследования в соответствии с доктринами иностранной суверенной неприкосновенности или неприкосновенности главы государства, поскольку эти действия не могут считаться официальными функциями государства. Этими же идеями следует руководствоваться при уголовном преследовании чиновников за преступления, подпадающие под универсальную юрисдикцию на основе договора. Соответственно, государства-не участники не имеют никаких фактических «прав», и такая юрисдикция не нарушает Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 года.

По вопросу государственной практики следует отметить, что еще в 1983 году американские суды применяли универсальную юрисдикцию к гражданам государств-не участников договора, незаконно торговавших наркотиками в открытых водах. В деле *United States v. Marino-Garcia*²³⁴ американский Одиннадцатый Федеральный апелляционный суд заявил, что Конвенция по морскому праву 1958 г. дала Соединенным Штатам юрисдикцию для преследования по суду гондурасских и колумбийских членов команд двух «не имеющих гражданства» судов, которые «американская береговая охрана в открытых водах взяла на буксир и которые содержали тысячи фунтов марихуаны. Суд проигнорировал два важных факта: 1) ни Гондурас, ни Колумбия не были сторонами Конвенции по морскому праву 1958 г., 2) международное обычное право не разрешало судебное преследование членов команды «не имеющего гражданства» судна²³⁵.

---

²³³ Francis A. Boyle, *The Bosnian people charge genocide: proceedings at the International Court of Justice concerning Bosnia v. Serbia on the prevention and punishment of the crime of genocide*. Northampton, Mass.: Aletheia, 1994. – 373 p.

²³⁴ См.: Carmine R. Zarlenga, *Case Note: United States CIN. L. REV.* 292 (1983); *v. Marino-Garcia*, 52 U.S.

²³⁵ См.: U.S. DEPT OF STATE, *TREATIES IN FORCE* 345 (1990).

Антитеррористические договора предусматривают обращение к универсальной юрисдикции в отношении граждан государств-не участников. Этот вопрос был вынесен на повестку заседания по делу *United States v. Yunis*²³⁶ в Федеральном апелляционном суде округа Колумбия. США преследовали по суду Фаваза Юниса (Fawaz Yunis), гражданина Ливана, по обвинению в захвате иорданского самолета, на борту которого находились два гражданина США. Инцидент произошел в Бейрутском аэропорту. При выборе юрисдикции, Соединенные Штаты ссылались на Международную конвенцию о борьбе с захватом заложников. Однако Ливан не был стороной договора и выступал против судебного преследования своего гражданина со стороны США²³⁷.

Суд поддержал юрисдикцию, «основанную на внутреннем законодательстве, осуществляющим конвенцию, которое присудило универсальную и пассивную индивидуальную юрисдикцию по этому типу террористического акта»²³⁸. Американское министерство юстиции и Государственный департамент приняли эту поддержку в качестве обоснования своих действий в рамках антитеррористических конвенций.

Аналогичный прецедент наблюдается и в рамках уголовного дела *United States v. Ali Rezaq*, когда американцы задержали и преследовали по суду палестинского гражданина за похищение египетского авиалайнера, несмотря на то что Палестина (страна его национальности) не является стороной Гаагской конвенции²³⁹.

Этим же принципом руководствовались Соединенные Штаты Америки еще в ряде случаев, утверждая юрисдикцию в соответствии с Конвенцией о борьбе с захватом заложников в деле о китайских подданных, похищавших на территории США людей с целью выкупа²⁴⁰. В данном деле обвиняемые

---

²³⁶ См.: *United States v. Yunis*, 681 F. Supp. 896 (D.D.C. 1988); *United States v. Yunis*, 924 F.2d 1086 (D.C. Cir. 1991).

²³⁷ См.: 83 AM. 1. INTL L. 94 (1989) (discussing the Yunis decision): Mason H. Drake. *United States v. Yunis: The D.C Circuit's Dubious Approval of U.S. Long-Arm Jurisdiction Over Extraterritorial Crimes*, 87 Nw. U. L. REV. 697 (1993).

²³⁸ Yunis decision, 924 F.2d. – At. 1092.

²³⁹ См.: 134 F. 3d 1121 (D.C. Cir. 1998).

²⁴⁰ См.: 134 F. 3d 1121 (D.C. Cir. 1998). – P. 1130.

рассчитывали на юрисдикции суда по равной защите, однако их ожидания не оправдались, потому, как только неамериканские подданные на территории США могли быть обвинены в нарушении внутреннего уголовного закона, принятого на основании Конвенции о борьбе с захватом заложников.

Ни в одном из этих случаев суды во время рассмотрения не выказали беспокойство о том, что Китайская Народная Республика не была стороной Конвенции, что служило основанием для американской юрисдикции над обвиняемым²⁴¹. Соединенные Штаты – не единственная страна, которая утверждала юрисдикцию на основе договора по подданным государств-не участников. В деле, аналогичном *Razaq*, голландский суд подтвердил факт соответствия юрисдикции с Конвенцией против угона и Конвенцией о саботаже на борту самолета в деле палестинского обвиняемого, который (по его заверениям) проживал в Восточном Иерусалиме²⁴².

Описанные нами прецеденты доказывают неправомочность положения о том, что договор не может считаться законным основанием для уголовной юрисдикции в отношении подданных государств-не участников. А действия, направленные против МУС, не могут считаться правомерными, поскольку МУС преследовал террористов, наркоторговцев, военных преступников и лиц, применяющих пытки.

Если бы мнение посла Шеффера было опубликовано до начала уголовных дел китайских похитителей, *Yunis*, *Marino-Garcia*, *Ali Rezaq*, обвиняемые, безусловно, процитировали бы эту «официальную американскую позицию», чтобы поддержать юрисдикцию, осуществляемую на основе договора над подданными государств-не членом.

Таким образом, применение универсальной юрисдикции в соответствии с договором в отношении граждан государств-не членом не нарушает ни принцип *nullum crimen sine lege*, ни Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 года. Такая практика представляет особую

---

²⁴¹ См.: *United States v. Wang Kun Lue*, 134 F.3d 79, 82 (2d Cir. 1998) (ответчик был обвинен по федеральным обвинениям для предпринятого похищения *Chan Fung Chung* 24 апреля 1992 г.).

²⁴² См.: Документ ООН A/34/39 (1979), который Соединенные Штаты подписали в 1979 г., а Китай присоединился к Конвенции о взятии заложников 26 января 1993 г.

важность в борьбе против международных преступлений, которые, как правило, совершаются подданными государств-изгоев, поощряющих или потворствующих такой деятельности, ограничивая применение договоров к подданным государств-членов. Такое ограничение становится причиной различных проблем на межгосударственном уровне, однако вместе с тем укрепляет сотрудничество и способствует своевременному принятию юридических мер против преступников, найденных на территории государств-участников и которые являются подданными стран не ратифицировавших эти конвенции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Проведенное диссертационное исследование показало, что понимание универсальной юрисдикции в контексте современной законодательной и судебной практики зависит от множества разнородных факторов. Во-первых, существование связи между универсальной юрисдикцией и самообороной. Действительно, если естественное право самообороны основано на фундаментальной человеческой природе, то естественное право наказывать врагов всего человечества (*hosti humani generis*) основано на более высоких принципах сообщества и цивилизации. Это может ограничить право на применение универсальной юрисдикции и оправдать использование силы для самообороны. Во-вторых, несмотря на то, что универсальная юрисдикция является дополнением к национальной юрисдикции, государства рассматривают универсальную юрисдикцию как угрозу их интересам и суверенитету. В-третьих, отсутствуют какие-либо гарантии фактического функционирования универсальной юрисдикции в странах с коррумпированными судебными системами. В-четвертых, зависимость судебной власти отдаляет, если полностью не исключает, перспективу беспристрастности и должным образом организованного процесса, особенно в политически мотивированных делах. В-пятых, использование универсальной юрисдикции может повлечь за собой существенный риск необъективности в разрешении дел, что может вызвать напряженность в межгосударственных отношениях. Применение универсальной юрисдикции в отношении международных преступлений позволяет вынести максимально объективный приговор преступнику, независимо от территории и срока давности совершения преступления, гражданства правонарушителя и(или) его жертвы. Универсальная юрисдикция осуществляется в случае неспособности или неготовности государства применять юрисдикцию по данным преступлениям в рамках классических судебных категорий. Принцип универсальности кратно расширяет традиционные основания уголовной юрисдикции. Этот принцип

зиждется не на связи государства или его граждан с преступлением, а на самой природе международных преступлений [2-А].

2. Анализ подтвердил потребность в правовых средствах для выбора оптимального наказания за международные преступления. В ходе диссертационного исследования выявлено четыре типа учреждений уголовного правосудия, применявших принцип универсальной юрисдикции: 1) Нюрнбергский и Токийский трибуналы, или «суды победителей» – созданы государствами, входившими в антигитлеровскую коалицию, а основанием послужил пакет соответствующих соглашений между ними; 2) международные трибуналы *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде, учреждены Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (обоснование: глава VII Устава ООН); 3) «интернационализованные» или гибридные суды (обоснование: пакет соглашений, заключенных Организацией Объединенных Наций и правительствами стран, на территории которых были совершены преступления юрисдикционной компетенции – Камбоджа, Сьерра-Леоне, Восточный Тимор и др.); 4) Международный уголовный суд, его базу составляет многосторонний государственный договор. Успешное функционирование этих судов доказывает состоятельность принципа универсальной юрисдикции, в том числе и в контексте активного взаимодействия. Смешанные трибуналы, вероятно, будут созданы только после изменения политического режима в государстве, где были совершены международные преступления. Внутренняя компетенция такого государства, как правило, неэффективна, поскольку преступления часто совершаются или собственными гражданами или против них в пределах собственной территории. Следовательно, новый режим будет вынужден решать многоплановые проблемы судебной системы. В этой связи особую актуальность представляет прогностическая функция по выявлению ситуаций в отдельных странах мира, где сохраняется или появился риск геноцида, военных преступлений или преступлений против человечества, и при этом ни одна из ныне действующих форм борьбы с этими нарушениями не может считаться эффективной для их судебного преследования.

Рассматривая все эти пробелы в юрисдикционном охвате, мы имеем основания утверждать, что единственной формой доступной юрисдикции будет универсальная юрисдикция. Вопрос о том, перевесят ли преимущества универсальной юрисдикции ее недостатки, нужно задавать в свете тех контекстов, в которых универсальная юрисдикция будет последним и единственным средством наказания за международные преступления. Рациональной альтернативой универсальной юрисдикции в таких случаях могло бы стать отсутствие уголовного преследования, однако это, безусловно, стало бы причиной недовольства системой правосудия и, привело бы к использованию неправовых способов решения проблем.

Конечно, в любом случае должным образом осуществленная универсальная юрисдикция будет предпочтительнее, чем полное отсутствие судебного преследования. Тем не менее это не снимает необходимости дальнейшего внимания к этой теме. В этой связи возникают два правомерных вопроса: 1) В каких случаях государство фактически будет согласно на добросовестное осуществление универсальной юрисдикции? 2) Как часто будет применяться универсальная юрисдикция? [3-А].

3. Исследование исторических прецедентов доказывает, что принцип универсальности кратно расширяет традиционные основания уголовной юрисдикции. Этот принцип зиждется не на связи государства или его граждан с преступлением, а на самой природе международных преступлений. Режим универсальной юрисдикции должен получить целостную, объективную оценку. Проблема не в том, что лучше: мотивированное осуществление универсальной юрисдикции или полное отсутствие процессов правосудия, когда преступления против человечности уже совершены. Актуальность, как нам представляется, отражается в объективной оценке позитивного и негативного эффекта принципа универсальной юрисдикции. Здесь вполне понятен отказ от критического анализа юрисдикционных механизмов для судебного преследования геноцида, военных преступлений и преступлений против человечества. В этой связи уместно говорить о том, что предложенные средства и механизмы принуждения слишком часто опускают детальное

рассмотрение состава преступлений из-за их ужасающей природы. Обычно критика универсальной юрисдикции ограничивается замечаниями о ее недостаточном использовании и о том, что государства, действуя на основе личного интереса, будут не в состоянии осуществить юрисдикцию по преступлениям, которые не имеют к ним непосредственно отношения.

4. Исследование эволюционного развития принципа универсальной юрисдикции показывает скользящий масштаб его применения в различных степенях к различным международным преступлениям. От опции преследовать по суду случайного пирата в XVII столетии доктрина развивалась через договорную практику к сути, где государства теперь принимают обязательство наказать или сотрудничать в наказании, уверенные относительно недавних преступлений, подпадающих под универсальную юрисдикцию. Следующим логическим шагом должно быть, по-видимому, требование к государствам предотвращать совершение преступлений универсальной юрисдикции, а территориальные ограничения и другие практические соображения не должны ограничивать сферу действия государств по выполнению этого обязательства. Обязательство предотвратить совершение преступлений универсальной юрисдикции на территории другого государства могло быть выполнено через обязательство *erga omnes*, которое сегодня является общепринятым. Это расширяет перспективы международного признания экстерриториального обязательства государств по предотвращению геноцида. Недавние прецеденты по осуществлению универсальной юрисдикции имели положительный эффект, а сама она может эволюционировать в сторону наложения обязательства на государства по преследованию международных преступлений. Роль универсальной юрисдикции заключается в том, чтобы компенсировать отсутствие централизованного международного юридического порядка, а не создавать его [6-A].

5. Исследование уже доказало, что универсальная юрисдикция как динамическая доктрина является мощным инструментом в руках национальных органов правосудия. Дальнейшее продвижение данного

принципа, кажется неизбежным, поскольку фундаментальные гуманитарные ценности, двигающие развитие универсальной юрисдикции, получают более широкий размах со стороны международного сообщества в целом. Через этот процесс обязанность преследовать по суду преступления универсальной юрисдикции, и возможно даже обязанность предотвратить их, могла бы, в конечном счете, получить признание как императивная норма *jus cogens*, которая не допускает никакого отклонения. В противном случае имеет место экстерриториальное применение законодательства отдельных государств (групп государств), правомерность чего вызывает определенные сомнения. Без должного взаимодействия национального и международного уголовного суда эффективное осуществление универсальной юрисдикции не представляется возможным. Именно взаимодействие и комплексный подход позволит обеспечить правовое регулирование и реализацию универсальной юрисдикции. В этом смысле возникает потребность в совместных, возможно, в контексте деятельности Международного уголовного суда, усилий по ратификации этих документов. Более того, актуализируется задача реальной и полной имплементации юрисдикционных основ в национальное уголовное законодательство так, чтобы они могли быть использованы национальными уголовными судами при рассмотрении международных преступлений

При этом надо отметить, что УК РТ, равно как и международные договора, предусматривает уголовную ответственность за преступления против мира и безопасности человечества. Проблемным фактором можно считать разницу элементов состава преступлений, что кратно осложняет практическую реализацию уголовно-правовых норм. Суть в том, что расположение или место раздела XV УК РТ, посвященного преступлениям против мира и безопасности человечества, является спорным. Это обусловлено тем, что данный раздел расположен в конце Особенной части действующего УК РТ, что вряд ли является обоснованным. Нам представляется, что в современных условиях обеспечение мира и безопасности человечества тесно связано и соотносится с правами человека. В то же время защита мира и безопасности человечества является ключевой задачей не только

международного права, но и приоритетной областью уголовно-правовой охраны.

Проведенный анализ позволяет констатировать факт нарушения логической связи и последовательности расположения двух норм – 1) о защите прав человека и 2) об обеспечении мира и безопасности человечества. Так, положения об ответственности за преступления против личности (раздел VII) и нарушениях основных прав человека закреплены в самом начале Особенной части УК РТ, а положения о преступлениях против мира и безопасности человечества – в конце Особенной части. И ввиду этого логического несоответствия предлагаем переместить раздел XV после раздела VII Уголовного кодекса Республики Таджикистан. С целью совершенствования уголовного законодательства РТ предлагается ч. 2 ст. 1 УК РТ изложить в следующей редакции: «УК РТ основывается на Конституции Республики Таджикистан и международных правовых актах, признанных Таджикистаном».

6. Несмотря на ограниченность данного принципа, эффективность применения универсальной юрисдикции достаточно возросла. Эта динамическая доктрина уже доказала, что является мощным инструментом в руках национальных органов правосудия. Дальнейшее продвижение кажется неизбежным, поскольку фундаментальные гуманитарные ценности, двигающие развитие универсальной юрисдикции, получают более широкий размах со стороны международного сообщества в целом. Через этот процесс обязанность преследовать по суду преступления универсальной юрисдикции, и возможно даже обязанность предотвратить их, могла, в конечном счете, получить признание как императивная норма *jus cogens*, которая не допускает никакого отклонения.

В этой связи возникла необходимость в разработке и принятии международного договора о применении универсальной юрисдикции и её осуществлении. То есть речь идёт о развитии концепции на основе договорного характера универсальной юрисдикции и обеспечении принципа верховенства права в ходе ее реализации. Это обусловлено тем, что

универсальная юрисдикция может считаться легитимной, если она установлена в соответствии с общепризнанными нормами международного права и положениями Устава ООН. В противном случае имеет место экстерриториальное применение законодательства отдельных государств (групп государств), правомерность чего вызывает определенные сомнения.

В то же время при разработке международного договора о применении универсальной юрисдикции целесообразно рассмотреть перечень тех преступлений, в отношении которых на международном уровне существует согласованность о возможности осуществления универсальной юрисдикции. Думается, что главным условием широкого признания и применения принципа универсальной юрисдикции является достижение консенсуса по основным его элементам [5-А].

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В целях совершенствования уголовного законодательства Республики Таджикистан в направлении реализации и выполнении положений международно-правовых документов вносятся следующие предложения:

1. С целью совершенствования уголовного законодательства Республики Таджикистан предлагается часть 2 статьи 1 Уголовного кодекса РТ изложить в следующей редакции: «Уголовный кодекс Республики Таджикистан основывается на Конституции Республики Таджикистан и международных правовых актах, признанных Таджикистаном».

2. Необходимо более четко представить принцип универсальной юрисдикции в новой редакции Уголовного кодекса Республики Таджикистан. Предлагаемые дополнения должны быть внесены в главу 34 раздела XV «Преступления против мира и безопасности человечества» и должны быть основаны на результатах, полученных Комиссией международного права ООН при кодификации этих преступлений [4-А].

3. Раздел XV Уголовного кодекса Республики Таджикистан «Преступления против мира и безопасности человечества» расположен некорректно в конце Особенной части действующего УК РТ, хотя в современных условиях эти два важнейших принципа тесно связаны с правами человека. Принципы защита мира и безопасности человечества являются целевой задачей не только международного права, но и приоритетной областью уголовно-правовой сферы. Нормы ответственности за преступления против личности (раздел VII) и нарушение основных прав человека, содержатся в начале Особенной части УК РТ, в то время как нормы ответственности за преступления против мира и безопасности человечества – в конце Особенной части, что нарушает логическую взаимосвязь этих норм. И ввиду этого логического несоответствия предлагаем переместить раздел XV после раздела VII Уголовного кодекса Республики Таджикистан, посвященного преступлениям против личности.

4. С целью совершенствования уголовного законодательства РТ необходимо дополнить часть 2 статьи 15 Уголовного кодекса РТ фразой «Если совершенное ими деяние признано преступлением против мира и безопасности человечества», и изложить эту часть в следующей редакции: «Иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Республике Таджикистан, совершившие преступление за пределами Республики Таджикистан, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу в случаях, если преступление направлено против интересов Республики Таджикистан либо гражданина Республики Таджикистан или постоянно проживающего в Республике Таджикистан лица без гражданства, если совершенное ими деяние признано преступлением против мира и безопасности человечества, а также в случаях, предусмотренных международным договором Республики Таджикистан, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Республике Таджикистан, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Республики Таджикистан» [1-А].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (ИСТОЧНИКОВ)

I. Нормативные правовые акты и официальные документы:

1. Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 г. [Текст] / Действующее международное право: в 3-х т. Т.1 / Сост.: проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 343-372.
2. Вопросы наказания военных преступников и лиц, которые совершали преступления против человечества [Текст] / Рез. ГА ООН, №2840 / Документ ООН A/8429 (1971).
3. Декларация ООН о защите всех людей от принудительного исчезновения [Текст] / Рез. ГА ООН 47/133, 47-ая сессия / Документ ООН A/47/49 (1992).
4. Декларация о территориальном убежище [Текст] / Рез. ГА ООН 2312 / Документ ООН A/6716 (1967).
5. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним [Текст]. – 3-е изд., испр. – М.: МККК, 2003. – 344 с.
6. Конвенция о безопасности Организации Объединенных Наций и связанного персонала, 9 декабря 1994 г. [Текст] / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 3 / Сост.: проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 51-60.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву в 1982 г. [Текст] / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 3 / Сост.: проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 322-474.
8. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, 9 декабря 1948 г. [Текст] / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 3 / Сост.: проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 68-71.
9. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, 16 декабря 1970 г. [Текст] / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 3 / Сост.:

- проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 576-578.
10. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 23 сентября 1971 г. [Текст] / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 3 / Сост.: проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 579-583.
11. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, 10 декабря 1984 г. [Текст] / Рез. ГА ООН 39/46 / Документ ООН. А/39/51 (1984) / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 3 / Сост. проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 38-50.
12. Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы [Текст]. – Душанбе, 2018. – 60 с.
13. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, 17 декабря 1979 г. / Рез ГА ООН 34/146 / Документ ООН. А/34/146 (1979) [Текст] / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 3 / Сост.: проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 23-29.
14. Межамериканская конвенция о принудительном исчезновении людей, 9 июня 1994 г. [Текст] // Документ ОАГ ОЕА/Ser.P/Doc.3114/94.
15. О принципах международного сотрудничества в обнаружении, аресте, выдаче, и наказании лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества [Текст] / Рез. ГА ООН 3074 / Документ ООН А/9030 (1973).
16. Охват и применение принципа универсальной юрисдикции [Текст] / Доклад Генерального секретаря ООН / Документ А/67/116 от 28 июня 2012 г.
17. Охват и применение принципа универсальной юрисдикции [Текст] / Доклад Генерального секретаря ООН / Документ А/68/113 от 26 июня 2013 г.

18. Охват и применение принципа универсальной юрисдикции [Текст] / Доклад Генерального секретаря ООН / Документ A/69/174 от 23 июля 2014 г.
19. Охват и применение принципа универсальной юрисдикции [Текст] / Доклад Генерального секретаря ООН / Документ A/71/111 от 28 июня 2016 г.
20. Охват и применение принципа универсальной юрисдикции [Текст] / Доклад Генерального секретаря ООН / Документ A/73/123 от 3 июля 2018 г.
21. Охват и применение принципа универсальной юрисдикции [Текст] / Доклад Генерального секретаря ООН / Документ A/74/144 от 11 июля 2019 г.
22. Охват и применение принципа универсальной юрисдикции [Текст] / Доклад Генерального секретаря ООН / Документ A/76/203 от 21 июля 2021 г.
23. Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. [Текст] // Ежегодник Комиссии международного права 1996 – Том. II. – Часть 2. – ООН: Нью-Йорк, 2004.
24. Резолюция ГА ООН по военным преступлениям, № 2712 [Текст] / Документ ООН A/8028 (1970).
25. Римский статут Международного уголовного суда [Текст] / Документ A/CONF.183/9 от 17 июля 1998 года.
26. Соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси [Текст] / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 1 / Сост. проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 761-763.
27. Уголовный кодекс Республики Таджикистан (в редакции Закона РТ от 23.12.2021 г., №1809) [Текст] // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, – 2020. – №1. – Ст. 8-9.
28. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания, главных военных преступников европейских стран оси от 8 авг. 1945 г. [Текст] / Действующее международное право: в 3-х т. Т. 1 / Сост. проф. Ю.М. Колосов и проф. Э.С. Кривчикова. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 763-770.

29. Restatement (third) Foreign Relations Law of the United States § 404 (2000) [Text].
30. The Resolution on Universal Criminal Jurisdiction with respect to the Crime of Genocide, Crimes against Humanity and War Crimes adopted by the Institut de droit international at its Krakow session in 2005 [Text] // Institut, Annuaire, vol. 71.

II. Монографии, учебники, учебные пособия:

31. Варле, Герхард. Принципы международного уголовного права [Текст]: учебник / Герхард Варле; Пер. с англ. С.В. Саяпина. – Одесса: Феникс; Москва: ТрансЛит, 2011. – 910 с.
32. Калугин, В.Ю. Курс международного гуманитарного права [Текст] / В.Ю. Калугин. – Минск: Тесей, 2006. – 496 с.
33. Каюмова, А.Р. Проблемы теории международного уголовного права [Текст] / А.Р. Каюмова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – 336 с.
34. Каюмова, А.Р. Смешанные (гибридные) уголовные трибуналы и интернационализованные суды в системе международной уголовной юстиции [Текст]: учебное пособие / А.Р. Каюмова. – Казань, 2008. – 65 с.
35. Қудратов, Н.А., Ҷабборов, Ф.Н. Судҳои байналмилалӣ [Матн]: воситаи таълимӣ / Н.А. Қудратов, Ф.Н. Ҷабборов. – Душанбе, 2018. – 284 с.
36. Лукашук, И.И. Международное уголовное право: учебник. – М.: Спарк, 1999. – С.286.
37. Международное право [Текст]: учебник / Отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 1087 с.
38. Международный уголовный кодекс ФРГ от 26 июня 2002 г. [Текст] // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / Пер. с нем.; Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. – М., 2008. – 120 с.
39. Нюрнбергский процесс: сборник материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками [Текст]: в 2-х т. Т. 1 / подготовлен под ред. К.П. Горшенина (гл. ред.), Р.А. Руденко и И.Т.

- Никитченко. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1954. – 966 с.
40. Раджабов, С.А. Международные суды и трибуналы [Текст] / С.А. Раджабов. – Душанбе: Дониш, 2024. – 171 с.
41. Раджабов, С.А. Становление и развитие Международного уголовного суда [Текст] / С.А. Раджабов. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 232 с.
42. Раджабов, С.А. Универсальная юрисдикция в международном уголовном праве [Текст] / С.А. Раджабов. – Душанбе: Дониш, 2016. – 184 с.
43. Толстых, В.Л. Курс международного права [Текст]: учебник / В.Л. Толстых. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 1056 с.
44. Ушаков, Н.А. Основания международной ответственности государств [Текст] / Н.А. Ушаков. – М.: Международные отношения, 1933. – 184 с.
45. Фисенко, И.В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве [Текст] / И.В. Фисенко. – Минск, 2000. – 335 с.
46. Хенкертс, Жан-Мари, Досвальд-Бек, Луиза. Нормы обычного международного гуманитарного права [Текст]: в 2-х т. / Жан-Мари Хенкертс, Луиза Досвальд-Бек. – М.: МККК, 2006. – 874 с.
47. Черниченко, С.В. Теория международного права. Старые и новые теоретические проблемы [Текст]: в 2-х т. Т. 2 / Черниченко С.В. – М.: НИМП, 1999. – 525 с.
48. Akehurst, M. A Modern Introduction to International Law [Text] / M. Akehurst. – 5th ed. – London, 1985. – 449 p.
49. Brierly, J.L. The Law of Nations: an Introduction to the International Law of Peace [Text] / J.L. Brierly. – 6th ed., 1963. – 442 p.
50. Brownlie, Ian. Principles of Public International Law [Text] / Ian Brownlie. – 4th ed., 1990. – 796 p.
51. Cassese, Antonio. International Criminal Law [Text] / Antonio Cassese. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 472 p.
52. Francis, A. Boyle, The Bosnian people charge genocide: proceedings at the International Court of Justice concerning Bosnia v. Serbia on the prevention and

- punishment of the crime of genocide [Text] / A. Francis. – Northampton, Mass.: Aletheia, 1994. – 373 p.
53. Kmak, Magdalena. The scope and application of the principle of universal jurisdiction [Text] / Magdalena Kmak. – Helsinki: The Erik Castrén Institute of International Law and Human Rights, 2011. – 169 p.
54. Random, House. Dictionary of the English Language [Text] / House Random. – Second edition. – New York, 1987. – 233 p.
55. Robert, P. Dictionnaire alphabetique & analogique de la langue francaise [Text] / P. Robert. – Paris, 1977. – 2171 p.
56. The Prosecution of Hissene Habre – An «African Pinochet» [Text] // New England Law Review. – Vol.35. – Winter 2001. – 323 p.
57. Webster's Third International Dictionary of the English Language [Text]. – Springfield, Massachusetts, 1986. – 370 p.
58. Woodward, Bob. Veil: The Secret Wars of the CIA 1981-1987 [Text] / Bob Woodward. – Canada, 1987. 120 p.

III. Статьи и доклады:

59. Колодкин Р.А. Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции [Текст] / Р.А. Колодкин // Юрист-международник. – 2005. – №3. – С. 228-238.
60. Каюмова, А.Р. Гибридные трибуналы и интернационализованные суды в системе международной уголовной юстиции [Текст] / А.Р. Каюмова // Российский судья. – 2009. – №5. – С. 36-40.
61. Лавлинская, А.Н. Универсальная юрисдикция и принцип «aut dedere aut judicare» в международной борьбе с морским пиратством [Текст] / А.Н. Лавлинская // Евразийский юридический журнал. – 2011. – №1 (32). – С. 46-50.
62. Раджабов, С.А. Принцип универсальной юрисдикции в международном уголовном праве – правовое наследие Нюрнбергского процесса [Текст] / С.А. Раджабов // Нюрнбергский процесс: взгляд сквозь время: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-

- летию начала Нюрнбергского процесса, 20 ноября 2015 г. / [Под ред. д-ра экон. наук, проф. М.М. Загорулько]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. – С. 17-23.
63. Раджабов, С.А. Принцип универсальной юрисдикции в международном уголовном праве [Текст] / С.А. Раджабов // Известия Института философии, политологии и права АН РТ. – 2012. – №2. – С. 105-112.
64. Сольвейг, Анри. Дело «Вопросы, касающиеся обязательства осуществлять судебное преследование или выдавать (Бельгия против Сенегала)»: значение решения, вынесенного Международным Судом ООН 20 июля 2012 года [Текст] / Анри Сольвейг // Международное правосудие. – 2014. – №1. – С. 11-23.
65. Сообщение международной правозащитной организации Amnesty International за 1991 г., с. 59-60.
66. Трикоз, Е.Н. Начало деятельности международного уголовного суда: состояние и перспективы [Текст] / Е.Н. Трикоз // Журнал российского права. – 2005. – №3. – С. 134-147.
67. Фисенко, И.В. Проблемы универсальной юрисдикции и экстрадиции в международном уголовном праве. Международный уголовный суд в качестве альтернативного решения [Текст] / И.В. Фисенко // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1998. – №2. – С. 38-41.
68. Ҳомидова, М.Ф. Принципиҳои умумии ҳуқуқи байналмилалӣ ҷиноятӣ [Матн] / М.Ф. Ҳомидова // Қонунгузорӣ. – 2022 – №4. – С. 114-119.
69. Abramovsky, A. Extraterritorial Jurisdiction; The United States Unwarranted Attempt to International Law in United States v. Yunis [Text] / A. Abramovsky // The Yale journal of international Law. – 1990. – Vol. 15. – №1. – P. 120-128.
70. Arab Statement: Criminals of War Who Committed Massacres [Text] // N.Y. TIMES. – Oct. 23, 2000. – At. 12.
71. Bosco, David. Dictators in the Dock New Attempts to Bring Despots to Justice 18 [Text] / David Bosco // The American Prospect (2000). – At. 5.

72. Boubacar, Seek, Affaire, Hissene Habre. Le New York Times denonce un deni de justice [Text] / Seek Boubacar, Habre Hissene Affaire // LE MATIN. – July 26, 2000. – At. 3.
73. Brody, Reed and Gonzales, Felipe. An Analysis of International Instruments on «Disappearances» [Text] / Reed Brody and Felipe Gonzales // Human Rights Quarterly. – 1997. – vol. 19. – pp. 365-368.
74. Brody, Reed. The Prosecution of Hissene Habre – An «African Pinochet» [Text] / Reed Brody // New England Law Review. – Winter 2001. – Vol. 35. – P. 321-335.
75. Clifford, Krauss. Britain Arrests Pinochet to Face Charges by Spain [Text] / Krauss Clifford // N.Y. TIMES – Oct. 18, 1998. – Late Edition at. – At. 18.
76. Communication du Garde des Sceaux, Ministre de la Justice au Conseil des Ministres sur l'Affaire Habre Hissene [Text]. – July 6, 2000.
77. Crossette, Barbara. Dictators Face. The Pinochet Syndrome [Text] / Barbara Crossette // N.Y. TIMES – Aug. 22, 1999. – § 4. – At. 3.
78. Guengueng, Souleymane et al. Affaire Hissene Habre: Des victimes s'adressent au President Wade, SUD, Oct. 14, 2000, at 5 [Text] / Souleymane Guengueng et al / The letter was originally sent on Aug. 9, 2000.
79. Gueye, Papa. La justice senegalaise se declare incompetente [Text] / Papa Gueye // LE SOLEIL. – July 5, 2000. – At. 3.
80. Jean-Eric, Schoett. Decisions du Conseil Constitutionnel: Cour Penale Internationale [Text] / Schoett Jean-Eric // L'ACTUALITE JURIDIQUE-DROIT ADMINISTRATIF. – Mar.20, 1999. – At. 230.
81. Jessica, Graham. More Zimbabwe Farms Invaded, [Text] / Graham Jessica // N.Y. POST. – Apr. 24, 2000. – At. 25.
82. Jonathan, I. Charney, NATO's Kosovo Intervention: Anticipatory Humanitarian Intervention in Kosovo [Text] / I. Jonathan. // 93 A.J.I.L. 834, 835 (1999).
83. Kenneth, C. Randall. Universal Jurisdiction Under International Law [Text] / C. Randall Kenneth // 66 TEX. L. REV.785 788 (1988).
84. Lavasseur, G. Les crimes contre l'humanite et le problem de leur prescription [Text] / G. Lavasseur // J.Du Droit International. – 1996. – №93. – P. 257-261.

85. Leila, Nadya Sadat. Redefining Universal Jurisdiction [Text] / Sadat Nadya Leila // New England Law Review. – Winter 2001. – Vol. 35. – №2. – P. 244-248.
86. Madeline, Morris. High Crimes and Misconceptions: The ICC and Non-Party States [Text] / Morris Madeline // 64 LAW & CONTEMP. PROBS. – 13, (2001).
87. Mary, Ellen O'Connell. New International Legal Process [Text] / Ellen O'Connell Mary. – 83 AJI L. 334, 341 (1999).
88. Mason, H. Drake, United States v. Yunis: The D.C Circuit's Dubious Approval of U.S. Long-Arm Jurisdiction Over Extraterritorial Crimes [Text] / H. Mason. 87 Nw. U. L. REV. 697 (1993).
89. President William J. Clinton, President of the United States Delivers Remarks to Survivors of Genocide in Rwanda, March 25, 1998 [Text] / J. William // FDCH POLITICAL TRANSCRIPTS. – March 25, 1998.
90. Press Release, de l'AVPRC, des ADH et du Comite International pour le Jugement d'Hissene Habre [Text]. – Oct. 6, 2000.
91. Rene, Lemarchard. The Crisis in Chad, in African Crisis Areas and U.S. Foreign Policy [Text] / Lemarchard Rene. – Paris, 1985. – pp. 239-256.
92. Röling, B.V.A. The Law of War and the National Jurisdiction since 1945 / In Hague Academy of International Law / Collected Courses. – 1960-II (Leyden, A.W. Sujthoff, 1961). – №102. – pp.365-393.
93. Schabas, William. The Greatest Crime [Text] / William Schabas // THE WASH. TIMES. – Dec. 7, 1998. – Final Edition. – At. A19.
94. Soudan, Francois. Un Dictateur face a la Justice [Text] / Francois Soudan // Jeune Afrique l'Intelligent. – Feb. 15-21, 2000. – At. 18.
95. Stephen, Castle & Colin, Brown. Serbia Offensive: 'Barbaric' Milosevic Must Take the Blame [Text] / Castle Stephen & Brown Colin // THE INDEP. – London, Mar. 25, 1999. – News. – At. 2.
96. Stephen, Smith. L'impossible enquete sur Hissene Habre au Chad: Le juge senegalais l'origine des poursuites contre Vancien dictateur manque de moyens d'investigation a N'Djamena [Text] / Smith Stephen // Liberation. – Mar. 31, 2000. – At. 7.

97. Susan, Sachs. Arab States Take Diplomatic Steps to Punish Israel [Text] / Sachs Susan // N.Y. TIMES. – Oct. 23, 2000. – At. A12.
98. Theodor, Meron. International Criminalization of Internal Atrocities [Text] / Meron Theodor // 89 AJIL. 554, 577 (1995).
99. United Nations Rights Experts Express Concern Over Dismissal of Charges Against Hissene Habre [Text]: United Nations Press Release. – Aug. 2, 2000.
100. Willard, B. Cowles. Universality of Jurisdiction Over War Crimes [Text] / B. Cowles Willard // 33 CAL. L. REV. 177, 194 (1945).
101. Abass, A. International Criminal Court and Universal Jurisdiction [Text] / A. Abass // International Criminal Law Review. – 2006. – Vol. 6. – P. 345-349.

IV. Диссертации и авторефераты:

102. Азимов, Н.Б. Теоретические основы имплементация норм международного права в уголовном законодательстве РТ [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Азимов Назир Бозорович. – Москва, 2019. – 453 с.
103. Камолов, Х.С. Татбиқи меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ дар қисми умумии қонунгузорию ҷиноятӣ Тоҷикистон [Матн]: автореф. дис. ... номз. илм. ҳуқуқ.: 12.00.08 / Камолов Хуршедулло Субҳонқулович. – Душанбе, 2023. – 24 с.
104. Каюмова, А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Каюмова Альфия Револевна. – Казань, 2016. – 446 с.
105. Королев, Г.А. Универсальная юрисдикция государств в отношении серьёзных нарушений норм международного права [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Королев Георгий Александрович. – М., 2010. – 163 с.
106. Костенко, Н.И. Теоретические проблемы становления и развития международной уголовной юстиции [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Костенко Николай Иванович. – Москва, 2002. – 406 с.
107. Лавлинская, А.Н. Международно-правовые проблемы борьбы с морским пиратством [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Лавлинская Анастасия Николаевна. – Москва, 2011. – 27 с.

108. Михайлов, Н.Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии как институт международной уголовной юстиции [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Михайлов Николай Геннадьевич. – Москва, 2006. – 56 с.
109. Черниченко, О.С. Международно-правовые аспекты юрисдикции государств [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Черниченко Ольга Станиславовна. – Москва, 2003. – 168 с.

V. Электронные источники [Электронный ресурс]:

110. Аугусто, Хосе Рамон. Пиночет Угарте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пиночет>, Аугусто (дата обращения: 04.07.2021).
111. Бельгия подала в суд на покровителей «Африканского Пиночета». 20 февраля 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lenta.ru (дата обращения: 20.01.2021).
112. Бывший диктатор африканской страны Чад объявлен в международный розыск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/29sep2005/dictator.html> (дата обращения: 20.01.2021).
113. Был ли армянский геноцид? Экспертное мнение. Джеффри Робертсон, Королевский адвокат 9 октября 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.araratheritage.org.uk/PDF/RobertsonOpinion/RobertsonArmenianGenocideRussian.pdf> (дата обращения: 23.02.2022).
114. В Голландии посадили на 12 лет экс-начальника афганской тюрьмы Пули-Чархи, якобы люто пытал моджахедов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1650193260> (дата обращения: 17.04.2022).
115. Выступление заместителя начальника главного договорно-правового управления МИД Беларуси Людмилы Татаринович в рамках дискуссии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам охвата и применения принципа универсальной юрисдикции, г. Нью-Йорк, 21 октября 2013 г. [[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/print/press/statements/ef4b21bc99d5d9de.html> (дата обращения: 20.12.2021).

116. Горюнова, Е.А. Значение принстонских принципов универсальной юрисдикции в международном уголовном праве / Е.А. Горюнова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/21601/1/goryunova_VMW_2010.pdf (дата обращения: 02.06.2021).
117. Дмитриевский, С. Международное уголовное право / С. Дмитриевский // Вестник международного уголовного правосудия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mur-info.com/mur/book/genocid> (дата обращения: 20 декабря 2021 г.).
118. Елисеев, А. Иск против Кулешова: универсальная юрисдикция в действии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://neurore.cu/article/2012/02/13/isk_protiv_kuleshova_universalnaya_yurisdiksiya_v_deistvii (дата обращения: 13.02.2021).
119. Заявление МККК от 18 октября 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icrc.org/rus/resources/documents/statement/2012/united-nations_universal-jurisdiction-statement-2012-10-18.htm (дата обращения: 15.11.2021).
120. Иван, Николаевич Демьянюк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Демьянюк,_Иван_Николаевич (дата обращения: 02.06.2021).
121. Институт международного права / Сессия в Кракове (2005 год) // Ежегодник. – Том 71 (2005). – Часть II. – С. 297 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.idi-iil.org (дата обращения: 02.06.2021).
122. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, 10 декабря 1984 г. / Рез. ГА ООН 39/46 / Документ ООН. А/39/51 (1984) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 02.08.2021).
123. Конституции Сенегала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.constituteproject.org/constitution/Senegal_2016.pdf?lang=en (дата обращения: 23.09.2021).

124. Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений от 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disappearance.shtml (дата обращения: 22.04.2022).
125. Международный пакт о гражданских и политических правах, 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 22.04.2022).
126. Мезяев, А. Дело экс-президента Чада Х. Хабре переворачивает с ног на голову международное право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2012/07/22/delohissena-habre-sudi-libo-vydaj.html> (дата обращения: 20.01.2021).
127. Отто Адольф Эйхманн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Эйхманн,_Адольф (дата обращения: 02.06.2021).
128. Официальный сайт МУТЮ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icty.org> (дата обращения: 02.02.2021).
129. Официальный сайт Остаточного механизма МУТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unictr.irmct.org/en/tribunal> (дата обращения: 02.02.2021).
130. Палестина станет участником Международного уголовного суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/12/31/palestine/> (дата обращения: 31.12.2021).
131. Пресс-релизы. Новости в мире (2003) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hrw.org/legacy/russian/press/2003/world.html> (дата обращения: 16.04.2021).
132. Принстонские принципы универсальной юрисдикции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hrlibraryngo.ru/instree/princeton.html> (дата обращения: 01.06.2021).
133. Справка Консультативной службы МККК: универсальная юрисдикция в отношении военных преступлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://icrc.org//united-nations-universal-jurisdiction-statement-2013-10> (дата обращения: 22.04.2022).

134. Шабас, Уильям А. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // United Nations Audiovisual Library of International Law. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// legal.un.org/avl/pdf/ha/cprcg/erreg_r.pdf](http://legal.un.org/avl/pdf/ha/cprcg/erreg_r.pdf) (дата обращения: 23.12.2021).
135. Экс-президент Чада по кличке Африканский Пиночет приговорен к пожизненному заключению за преступления против человечности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// aripress.org/novosti/26425-eks-prezident-chada-po-klichke-afrikanskiy-pinochet-prigovoren-k-pozhiznennomu-zaklyucheniyu-za-prestupleniya-protiv-chelovechnosti.html](http://aripress.org/novosti/26425-eks-prezident-chada-po-klichke-afrikanskiy-pinochet-prigovoren-k-pozhiznennomu-zaklyucheniyu-za-prestupleniya-protiv-chelovechnosti.html) (дата обращения: 31.05.2021).
136. Amnesty International, Universal Jurisdiction: The Duty of States to Enact and Enforce Legislation (2001) n,38 ch 4A [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.amnesty.org/library/index/ENGIOR530022001> (дата обращения: 16.04.2022).
137. Council Decision 2003/335/JHA of 8 May 2003, Official Journal L 118, 14/052003 P.0012-0014. Preambular paras. 1.6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://europa.eu.int/eurlx/pri/en/oj/dat/2003/118411820030514en001> (дата обращения: 16.04.2022).
138. David Bosco, Dictators in the Dock New Attempts to Bring Despots to Justice, 18 The American Prospect (2000) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.americanprospect.com/archives/VII-18/bosco-d.html/](http://www.americanprospect.com/archives/VII-18/bosco-d.html/) (дата обращения: 01.08.2023).
139. Decision 2002/494/ИНА of 13 June 2002. Official Journal L 167, 26/06/2002 P.0001-0002 (retrieved January 2006) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://europa.eu.int/eurlx/pri/en/o/dat/2002/1_1674_16720020626 Еп000](http://europa.eu.int/eurlx/pri/en/o/dat/2002/1_1674_16720020626_Eп000) (дата обращения: 16.04.2022).
140. Human Rights Watch, Chad: The Victims of Hissène Habré Still Awaiting Justice, 12 July 2005, A1710, available at: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/docid/45cb11b62.html> (дата обращения: 24.04.2022).

141. Human Rights Watch, *The Pinochet Precedent: How Victims Can Pursue Human Rights Criminals Abroad*, (last modified Sept. 2000) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrw.org/campaigns/chile-98/brochfln.htm> (дата обращения: 17.06.2021).
142. Human Rights Watch, *Senegal Opens Investigation Against Ex-Chad Dictator* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrw.org/hrw/press/2000/01/habl27.html> (дата обращения: 17.06.2021).
143. Ismael Nachim, *Chad: Hissene Habre's Victims Demand Justice*, Nov. 22, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrw.org/hrw/press/2000/10/habrel026.htm> (дата обращения: 08.10.2021).
144. Koechler H. *Global Justice or Global Revenge? International Criminal Justice at the Crossroads*. (Vienna/New York: Springer, 2003) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icdsm.org/COH/Koechler.htm> (дата обращения: 20.03.2022).
145. *Senegal Code of Criminal Procedure, 1965* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.justice.gouv.sn/droitp/CP.PDF> (дата обращения: 17.06.2021).
146. *The States Parties to the Rome Statute* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asp.icc-cpi.int/states-parties> (дата обращения: 20.03.2022).
147. *Universal Jurisdiction in Europe*. – Human Rights Watch. June 27, 2006. Introduction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrw.org/en/node/11297/section/2> (дата обращения: 12.04.2021).
148. Woodward, Bob. *Veil: the Secret Wars of the CIA 1981-1987* 97 (1987) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amazon.com/Veil-Secret-Wars-CIA-198-1987-ebook/dp/B000RWC6OE> (дата обращения: 24.04.2022).

VI. Судебные прецеденты:

149. *Att. Gen. of Israel v. Eichmann*, 36 I.L.R. 277 (Isr. S.Ct 1962).
150. *Ley Orgánica 6/1985, de 1 de julio, del Poder Judicial*, art. 23(4) (1985).
151. *Unjuge au-dessus de tout soupçon*, *Jeune Afrique l'Intelligent*, February 15-21, 2000, at 22.

152. Spanish National Court (Audiencia Nacional), Case 19/97 (Judge Garzon) and Cast 1/98 (Judge Garcia-Castellon) (1998).
153. Republique Du Senegal, Cour d'Appel de Dakar, Chambre d'Accusation, ArrStn' 135 du 04-07-2000.
154. Barcelona Traction, Light and Power Co. Ltd. (Belg. v. Spain), 1970 I. C. J. 3, 32 (Feb. 5).
155. Case against Heshamuddin Hesam and Habibulla Jalalzoy, Hague District Court, 14 October 2005, Case No. 09/751004-04.
156. Demjanjuk v. Petrovsky, 776 F. 2d 571 (6-th Cir. 1985).
157. Democratic Republic of the Congo v. Belgium, Judgment, I.C.J. Reports 2002, p. 58.
158. Goering and Others, 13 Ann. Dig. 203, 208 (Nuremburg Int'l Mil. Trib. 1946).
159. Kadic v. Karadzic, 70 F. 3d 232, 240 (2nd Cir. 1995).
160. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicar. v. U.S.), 1986 I.C.J. 14 at 102-04 (June 27, 1986).
161. Ohlendorf and Others (Einsatzgruppen Trial), 15 Ann. Dig. 656, 657-58 (U. S. Mil. Trib. 1948).
162. Public Prosecutor v. S.H.T., 74 1. L. R. 162, 163 (1987).
163. Prosecutor v. Ntuyahada, Case N ICTR-90-40-T, Decision on the Prosecutor's Motion to Withdraw the Indictment (March 18, 1999).
164. Reid v. Covert, 354 U.S. 1 (1957).
165. Regina v. Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate, ex parte Pinochet Ugarte, [1998] 3 W.L.R. 1456 (H.L.), reprinted in 37 I.L.M. 1302 (1998).
166. Regina v. Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate, ex parte Pinochet Ugarte, [1999] 2 W.L.R. 827 (H.L.).
167. S.S. Lotus (Fr. v. Turk.), 1927 P.C.I.J. (ser. A) No. 10, at 18 Id.
168. Spanish National Court (Audiencia Nacional), Case 19/97 (Judge Garzon) and Cast 1/98 (Judge Garcia-Castellon) (1998).
169. United States v. List, Case № 7, 11. Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals Under Control Council Law № 10 (1948).

170. *United States v. Yunis*, 924 F.2d 1086 (D.C. Cir. 1991).
171. *United States v. Chen De Yian*, 905 F. Supp. 160 (S.D.N.Y. 1995).
172. *United States v. Wang Kun Lue*, 134 F.3d 79, 82 (2d Cir. 1998).

ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

I. Статьи, опубликованные в рецензируемых и рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан

журналах:

[1-А]. Одинаева, Н.Х., Раҷабов, С.А. Соҳибхитиёрӣ ва юрисдиксияи универсалӣ: мафҳумҳои ба яқдигар алоқаманд ва ё истисноқунанда [Матн] / Н.Х. Одинаева, С.А. Раҷабов // Маҷаллаи академии ҳуқуқ. – 2020. – №1. – С. 155-161; ISSN 2305-0535.

[2-А]. Одинаева, Н.Х. Сарчашма ва таърихи ғояи юрисдиксияи универсалӣ [Матн] / Н.Х. Одинаева // Давлатшиносӣ ва ҳуқуқи инсон. – 2021. – №2. – С. 227-231; ISSN 2414-9217.

[3-А]. Одинаева, Н.Х. Юрисдиксияи универсалӣ – мероси ҳуқуқи Нюрнберг [Матн] / Н.Х. Одинаева // Давлатшиносӣ ва ҳуқуқи инсон. – 2021. – №4. – С. 224-229; ISSN 2414-9217.

[4-А]. Одинаева, Н.Х. К вопросу о понятии юрисдикции государств в международном праве [Текст] / Н.Х. Одинаева // Государствоведение и права человека. – 2023. – №2. – С. 219-226; ISSN 2414-9217.

[5-А]. Одинаева, Н.Х. Формы и способы реализации универсальной юрисдикции в международном праве [Текст] / Н.Х. Одинаева // Законодательство. Журнал Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. – 2023. – №3. – С. 180-189; ISSN 2410-2903.

[6-А]. Одинаева, Н.Х., Раджабов, С.А. Истоки появления принципа универсальной юрисдикции. [Текст] / Н.Х. Одинаева, С.А. Раджабов // Академический юридический журнал. – 2023. – №3. – С. 160-169; ISSN 2305-0535.

II. Научные статьи, опубликованные в сборниках и других научно-практических изданиях:

[7-А]. Одинаева, Н.Х. Вазъи ҳуқуқи гурезаҳо дар ҳуқуқи байналхалқӣ [Матн] / Н.Х. Одинаева // Нашрияти солонаи ҳуқуқи байналмилалии омавӣ ва хусусӣ. – Душанбе, 2021. – С. 114-121.

[8-А]. Одинаева, Н.Х. К вопросу о понятии юрисдикции государств в международном праве [Текст] / Н.Х. Одинаева // Материалы международной научно-теоритической конференции, посвященной 100-летию Виктора Аркадьевича Ойгензихта «Правовое регулирование туризма и инвестирования в Республике Таджикистан». – Душанбе, 2024. – С. 247-253.

[9-А]. Одиназода, Н.Х. К вопросу о взаимосвязи универсальной юрисдикции и суверенитета [Текст] / Н.Х. Одиназода // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. – 2024. – Том 2. – №1. – С. 39-45.